

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Founder: Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Professional Education «Perm State University»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного национального исследовательского университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Издание включено в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.

Перерегистрирован в связи со сменой наименования учредителя, Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53180 от 14 марта 2013 г.)

Территория распространения — Российская Федерация

Подписной индекс журнала «Вестник Пермского университета. Серия: Философия. Психология. Социология» в Объединенном каталоге «Пресса России» на 2014 год — 41011

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (профессор, докт. филос. наук)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук)

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барг (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Наталья Ириковна Береснева (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Владимир Николаевич Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Владимир Васильевич Ким (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), Михаил Иванович Ненашев (профессор, докт. филос. наук, Киров), Сергей Анатольевич Никольский (профессор, докт. филос. наук, Москва), Владимир Вячеславович Орлов (профессор, докт. филос. наук, Пермь), Сергей Владимирович Орлов (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), Александр Владимирович Перцев (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Виктор Дмитриевич Балин (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), Асия Гарафоновна Исмаилова (профессор, докт. психол. наук, Пермь), Елена Васильевна Левченко (профессор, докт. психол. наук, Пермь), Наталья Анатольевна Логинова (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), Ирина Анатольевна Мироненко (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), Людмила Александровна Мосунова (профессор, докт. психол. наук, Киров), Александр Октябринович Прохоров (профессор, докт. психол. наук, Казань), Елена Евгеньевна Сапогова (профессор, докт. психол. наук, Тула), Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия)

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (профессор, докт. социол. наук, Пермь), Евгения Анатольевна Козай (профессор, докт. филос. наук, Курск), Елена Леонидовна Омельченко (профессор, докт. социол. наук, Санкт-Петербург), Галина Ивановна Осадчая (профессор, докт. социол. наук, Москва), Татьяна Николаевна Юдина (профессор, докт. социол. наук, Москва), Растко Мочник (профессор отделения социологии Люблянского университета, Словения)

Международный редакционный совет

Джорджио Де Маркис (профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), Стивен МакДауэлл (профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), Майкл Рьюз (профессор философского факультета, Университет штата Флорида, США), Александр Строканов (профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, Вермонт, США), Дмитрий Широков (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск, Белоруссия), Жига Кнап (профессор, докт. философии, Люблянский университет, Словения), Исаак Эберштейн (профессор социологии, заведующий кафедрой социологии, университет штата Флорида, США)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.
Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnitskikh (Professor, Doctor of Philosophy)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Candidate of Psychology)

PHILOSOPHY

Oleg A. Barg (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Professor, Doctor of Philosophy, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Viktor D. Balin (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Asiya G. Ismagilova* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Professor, Doctor of Psychology, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Tula), *György Sarvari* (Doctor of Philosophy, Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Professor, Doctor of Sociology, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Elena L. Omelchenko* (Professor, Doctor of Sociology, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Rastko Močnik* (Professor of the Department of Sociology, University of Ljubljana, Slovenia)

International Editorial Council

Giorgio De Marchis (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Florida State University, USA), *Michael Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, USA), *Alexandre Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, London State College, Vermont, USA), *Dmitri Shirokanov* (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Žiga Knap* (Professor, Doctor of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia), *Isaac Eberstein* (Charles Meade Grigg Professor of Sociology, Florida State University, USA).

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Новый сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»: направления исследований и проблемы <i>Орлов С.В.</i>	5	A new net journal «Philosophy and humanities in information society»: the sphere of research and problems <i>Sergei V. Orlov</i>
Сущностная связь интеллигенции со светской культурной традицией <i>Климова А.В.</i>	16	Essential connection of intelligentsia with secular cultural tradition <i>Alexandra V. Klimova</i>
От понимания к интерсубъективности: опыт социально-философской рефлексии <i>Орлов М.О., Алебастрова А.А.</i>	25	From understanding to intersubjectivity: experience of the social and philosophical reflection <i>Mikhail O. Orlov, Alla A. Alebastrova</i>
Тема человека в советской философии (особенности подхода) <i>Горбачев В.Г.</i>	33	The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics) <i>Vladimir G. Gorbachev</i>
Русская философия советского периода (о статье В.Г. Горбачева) <i>Лоскутов Ю.В.</i>	40	Russian philosophy of the Soviet period (about V.G. Gorbachev's article) <i>Yuriy V. Loskutov</i>
Экономическое мышление как «человеческий фактор» в философии экономики <i>Чащин Е.В.</i>	46	Economic thinking as a «human factor» in philosophy of economics <i>Elisey V. Chaschin</i>
Философия гендера в современном европейском язычестве <i>Шижженский Р.В.</i> Статья ОТОЗВАНА (РЕТРАГИРОВАНА) 02.01.2021 г. Статья отозвана по решению автора.	51	Philosophy of gender in the contemporary European paganism <i>Roman V. Shizhenskiy</i>
К объяснению связанности требований Колмогорова для вероятностей <i>Резников В.М.</i>	59	On the explanation of connectedness of Kolmogorov's conditions for probabilities <i>Vladimir M. Reznikov</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Социальные стереотипы относительно экстремизма (психосемантический подход) <i>Гайворонская А.А.</i>	67	Social stereotypes about extremism (psychosemantic approach) <i>Alexandra A. Gayvoronskaya</i>
Особенности саморегуляции студентов младших и старших курсов <i>Никитин А.А., Петрованова Н.А.</i>	75	Features of self-regulation of junior and senior courses students <i>Alexandr A. Nikitin, Nadezhda A. Petrovanova</i>

К 60-летию существования понятия
«имплицитная теория»
в психологической науке
Федосина С.С.

83

Concept of «implicit theory»:
a 60 years-history of research
in psychology
Svetlana S. Fedosina

СОЦИОЛОГИЯ

Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация <i>Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М.</i>	94	The destructive aspects of social transformations: anomie, archaic, deviation <i>Daniyar M. Abdrakhmanov, Azamat M. Buranchin</i>
Возможности и перспективы использования концепции М. Бахтина в социологической интерпретации жизненного мира <i>Зубарев А.С.</i>	102	Possibilities and prospects of using of Bakhtin's concept in sociological interpretation of the life-world <i>Alexandr S. Zubarev</i>
Что исследует модель Шварца? <i>Кузнецов А.Е.</i>	110	What does the Schwartz's model inquire into? <i>Alexandr E. Kuznetsov</i>
К проблеме выявления особенностей практик экономического поведения на рынке труда России <i>Яковлева О.К.</i>	117	Concerning the problem of detection of the particular features of economic behavior practices on a labor market of Russia <i>Olga K. Yakovleva</i>
Влияние социального капитала на инновационные установки жителей Пермского края <i>Соловьев С.С., Попова В.О., Синявина О.С., Томилова Н.М.</i>	122	Influence of social capital on innovative installations of Perm Krai citizens <i>Semyon S. Solovyov, Valeria O. Popova, Olga S. Sinyavina, Natalia M. Tomilova</i>
Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью <i>Кириллова О.С., Петрова Л.Е.</i>	128	Social practices of single fathers: analysis based on qualitative interviews <i>Olga S. Kirillova, Larisa E. Petrova</i>
Национализм в молодежной среде современного российского общества <i>Пинаев П.В., Яцкевич Ю.Ю.</i>	137	The youth nationalism in the contemporary Russian society <i>Pavel V. Pinaev, Yulia Yu. Yatskevich</i>
Информация для авторов	148	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 304.9; 008.2

**НОВЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ «ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ
НАУКИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ»:
НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМЫ****Орлов Сергей Владимирович***доктор философских наук**профессор кафедры истории и философии**Санкт-Петербургский государственный университет**аэрокосмического приборостроения**190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67**e-mail: orlov5508@rambler.ru*

В статье анализируется содержание первых трех номеров нового сетевого издания — «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», открытого в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения. Редколлегия подходит к задаче изучения современного общества комплексно, опираясь на исследования в области различных социально-гуманитарных наук. В первых номерах обсуждаются философская концепция информационного общества, современная философия техники, теория культуры, а также материалы по истории отечественной науки и современная оценка ее идей.

Ключевые слова: философия информационного общества; сетевой журнал; ноосфера; философия техники; история отечественной науки.

В июле 2013 г. Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения начал выпуск сетевого издания — журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе». Журнал находится в открытом доступе на сайте www.fikio.ru. К настоящему времени вышло три номера: два в 2013 г. и один в 2014. Журнал выходит раз в три месяца.

Изучение проблем информационного общества — типичная область философских исследований, проходящая в настоящее время стадию становления. Постиндустриальному, или информационному, обществу уделялось заметное внимание на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах (4–10 августа 2013 г.), хотя специально этому направлению исследований не было посвящено ни одного пленарного заседания, секции или круглого стола. Значительное внимание проблемам информационного общества уделяет и журнал «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», подготовка и издание которого в значительной мере осуществляется представителями философской школы Пермского классиче-

ского университета. Так, только за последние годы проблема взаимодействия (порой негативного) человека и информационных технологий обсуждалась в статьях К.В. Патырбаевой «Современный социум, труд и человек в концепциях постиндустриального общества» [25] и Т.П. Никитиной «Современный человек в мире без границ: нравственные ценности в информационном обществе» [20]. Е.В. Чашин, обсуждая формирование в информационном обществе представлений о глобальных проблемах современности, обращает внимание на применяемые в наше время приемы формирования общественного мнения — например, комбинацию информационного вакуума и информационной атаки на общественное сознание [33]. А.Т. Каюмов пытается сформулировать систему понятий, наиболее адекватно отражающую феномен культуры информационного общества [9]. А.Ю. Внутских рассматривает специфику производственного базиса «неоиндустриального» общества, в котором в последние годы начинают играть особую роль нанотехнологии [1].

Со своей стороны, редакция журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» стремится, во-первых, рассматривать современное общество, вновь возникающие в нем тенденции и процессы с научной, материалистической точки зрения. Этому посвящены рубрики «Философия информационного общества», «Философия техники», «Теория и история культуры», «Психология». Во-вторых, наша задача — анализ истории наук об обществе и человеке с точки зрения современности, т.е. с точки зрения науки информационного общества. Этой тематике посвящена рубрика «Из истории отечественной науки».

Рассмотрение философских проблем современного общества начинается в **выпуске 1 за 2013 г.**, в статье главного редактора С.В. Орлова (Санкт-Петербург) «Философия информационного общества: новые идеи и проблемы» [23]. Автор разделяет концепцию философской школы Пермского классического университета, согласно которой наиболее фундаментальные социальные изменения инициируются в сфере трудовой деятельности, и сейчас они проявляются в развитии и усложнении всеобщего труда, открытого еще в XIX в. К. Марксом. Всеобщий труд в его современной, компьютерной форме направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности, которая представляет собой по существу новую форму материи. Эта форма материи более тесно, чем любая ранее возникшая ее форма, взаимодействует с духовной, идеальной реальностью и даже строится как бы на матрице идеальных явлений. Развитие информационного общества связано, следовательно, не только с более глубоким познанием мира посредством информационных технологий, но и с развитием в процессе труда новой формы объективной реальности, находящейся во все более сложных отношениях с человеческим сознанием. Как виртуальная реальность (например, компьютерные программы) заметно отличается от всех других форм объективной реальности, так и связанная с ней новая форма труда — всеобщий труд — не сводится к ранее существовавшим его формам — физическому и умственному труду.

Известный специалист по информационным технологиям и робототехнике М.Б. Игнатьев (Санкт-Петербург) в статье «Кризис как имманентное свойство сложных социально-экономических систем» описывает метод лингвокомбинаторного моделирования плохо формализованных систем (природных, социальных и технических) и открытый им феномен адаптационного максимума,

во многом определяющий поведение системы и дающий ключ к управлению им. Этот подход особенно актуален для современных быстро усложняющихся социальных (концепция умного города) и технических системных объектов. «Наличие феномена адаптационного максимума в жизненном цикле сложных систем позволяет объяснить природу кризисов, которые периодически поражают различные сложные системы. Отсюда вытекает способ борьбы с кризисом — системы должны управляться так, чтобы удерживать их в зоне адаптационного максимума в потоке перемен... Глубину кризисов можно существенно уменьшить, осуществляя глубокий мониторинг состояния сложных систем и принимая соответствующие креативные меры» [7, с. 41].

В статье В.Д. Комарова (Санкт-Петербург) «Вернадскианская парадигма философии образования» [10] прослеживается связь между концепцией ноосферы В.И. Вернадского, феноменом научно-технической революции и новыми требованиями к содержанию образования в информационном обществе. Кризис системы образования, по мнению автора, может быть разрешен путем создания ноосферной (ноосферно-ориентированной) модели образования.

Своеобразное описание феноменов общественного сознания дается в трех статьях санкт-петербургских специалистов по теории и истории культуры: кандидата искусствоведения Е.Е. Прилашкевич [27], кандидата культурологи А.В. Карпова [8] и доктора культурологии И.А. Манкевич [17]. Е.Е. Прилашкевич на примере деятельности арт-группы «Война» и пытающейся противостоять ей арт-группы «Мир» показывает, что в современном искусстве безусловно востребованы и получают общественную поддержку провокационные действия и кураторские стратегии. А.В. Карпов дает подробный, основанный на материалах первоисточников анализ событий и настроений в Петрограде осенью 1917 г. с точки зрения современной концепции культуры повседневности. И.А. Манкевич сопоставляет восприятие Петербурга людьми пушкинской эпохи и нашими современниками, также опираясь на концепцию культуры повседневности.

В разделе «Из истории отечественной науки» впервые публикуется статья Викторина Сергеевича Дерябина (1875–1955), физиолога и психиатра, аспиранта академика И.П. Павлова «О потребностях и классовой психологии» [2]. Она сопровождается комментариями доктора медицинских наук О.Н. Забродина (Санкт-Петербург) [4] и

доктора философских наук С.В. Орлова [22]. Особенностью работы В.С. Дерябина является то, что он уже в 30-х гг. XX в. попытался на основе материалистического учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности проанализировать биологические, физиологические механизмы поведения человека и человеческих сообществ, т.е. фактически развивал концепцию исторического материализма путем анализа биологической составляющей человеческого поведения и ее влияния на социальные проявления человека. Этот подход на целые десятилетия опередил свое время. Не только в советский период, но и в наше время многие специалисты считают, что поведение человека как социального существа следует объяснять только социальными факторами, поиск его биологических основ до сих пор часто рассматривают как биологизаторство, отступление от марксистской концепции человека и общества и т.п. Значительный вклад в становление научной концепции социальной биологии принадлежит, как известно, философской школе Пермского университета. Эта концепция опиралась в свою очередь на концепцию уровней, большим вкладом в разработку которой стала в свое время серия из восьми сборников «Философия пограничных проблем науки», изданных в Пермском университете в 1968–1975 гг. Созвучные концепции уровней идеи о соотношении основных форм материи, низшего и высшего (прежде всего социального и биологического, психического и физиологического) содержались в трудах В.С. Дерябина. Однако они вступали в противоречие с вульгарно понятой социальной концепцией марксизма, и самые интересные с философско-социологической точки зрения монографии и статьи одного из наиболее вдумчивых учеников И.П. Павлова стали публиковаться только через много лет после смерти автора.

Второй выпуск журнала за 2013 г. начинается с публикаций по философии техники. В коллективной статье «Как обустроить околоземное космическое пространство для борьбы с космическими угрозами» ученые из Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения М.Б. Игнатьев, Я.А. Липинский, В.А. Ненашев, А.В. Никитин, А.П. Шепета обсуждают современные технологии защиты от астероидной опасности и предлагают создать систему интерактивного трехмерного моделирования космических угроз на основе технологии виртуальных миров [6]. В.Д. Комаров в статье «Технологические науки: предмет и структура» обосновывает

мысль о необходимости выделения наряду с техническими еще одной, особой группы наук — технологических. «Технологические науки в современном понимании — это системы сущностно-теоретических знаний о конкретных способах обработки, изготовления предметов путем изменения состояния, свойств и форм природного материала и сырья в рамках определенного способа производства материальной жизни людей» [11]. Автор делит технологические науки на пять групп: гравитационные, термические, витальные, электромагнитные и ядерные.

Основное содержание второго номера журнала составляют статьи и доклады участников XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах (4–10 августа 2013 г.), тексты которых публикуются одновременно на русском и английском языках. Все опубликованные материалы тем или иным образом связаны с проблемами постиндустриального общества.

В статье японского философа Юичи Мураты (Токио, университет Риссо) «Уроки Фукусимы. Многомерность техники» [19] анализируется такое неотъемлемое явление современного общества, как крупные промышленные аварии. Аварии на атомных электростанциях на Три Майл Айленде, в Чернобыле и на Фукусиме, на химическом заводе в Бхопале, катастрофы шаттлов Челленджер и Колумбия заставляют по-новому посмотреть на взаимодействие человека и сложных технических систем. Функционирование и безопасность техники решающим образом зависят от ее взаимодействия с окружающей природной и социальной средой. В современной науке возникло понятие так называемых «нормальных аварий»: комплексные технические системы, в которых действует множество тесно взаимосвязанных факторов, неизбежно создают возможность непредсказуемых и непонятных аварий, полностью исключить которые не удастся никакими заранее разработанными мерами. Поэтому кроме осуществления мер, повышающих безопасность технических систем, необходимы готовность к наступлению непредвиденных, принципиально непредсказуемых ситуаций и умение грамотно устранять их последствия. Примером неразумной реакции на «нормальные аварии» была доктрина властей Японии, согласно которой следует распространять в обществе «чувство безопасности», а не усовершенствовать сами системы безопасности ядерных объектов. Следует отметить, что отрицание и преуменьшение опасности такого рода инцидентов было характерно не толь-

ко для Японии, но и для властей различных стран, в том числе и для России.

Доктор Лаура Пана из Румынии (Будапешт, Политехнический университет) в статье «Продуктивная коммуникация» (русский перевод опубликован в номере 1 за 2014 г.) рассматривает модель продуктивной коммуникации, основанную на синтезе психологического, социологического и философского подходов. Она различает, в частности, понятие эффективной коммуникации и более широкое и емкое понятие продуктивной коммуникации [24].

Сделанный на Конгрессе доклад В.И. Кудашова (Красноярск) «Роль когнитивных технологий в обществе знания» обращает внимание на необходимость противопоставления когнитивных технологий технократическому подходу [13]. Даже ценные социальные идеи и технологии могут получить неадекватное воплощение, если они помещаются в контекст существенно иного знания без необходимых коррекций (заметим в скобках, что примерно то же по отношению к техническим системам и их социотехническому окружению отмечал Ю. Мурата). В формировании современных социальных проектов когнитивные технологии усиливают свое влияние, прямо воздействуя на конкурентоспособность отдельных организаций и государств в глобализирующемся мире. В выступлении С.В. Орлова «Виртуальная реальность как новая форма материального бытия» [21] обосновывается идея о материальной основе информационных процессов и о виртуальной реальности как особой, искусственно сконструированной человеком форме материи, связанной с идеальной реальностью тоньше и сложнее, чем любая другая ранее существовавшая форма объективной реальности.

В информационном обществе формируются сложные взаимодействия между потребностями и способностями личности, которые необходимо иметь в виду при разработке новых образовательных технологий. В докладе Н.А. Дмитренко (Санкт-Петербург) «Соотношение потребностей и способностей в современных образовательных технологиях» показаны направления взаимодействия потребностей и способностей в процессе обучения. «Развитие способностей современного специалиста происходит в соответствии с системой потребностей общества и в то же самое время перерастает эту систему потребностей, формируя механизмы обратной связи, стимулирующие развитие способностей» [3, с. 103].

Ряд докладов, сделанных на конгрессе, выражал современную оценку взглядов представителей русской философии последних веков. О.Д. Маслобоева (Санкт-Петербург) показывает, что в рамках русского космизма — в его научном, религиозно-философском и художественно-эстетическом направлениях — развивались актуальные сегодня идеи деятельности характера мировоззрения, синергетического единства элементов духовной культуры и осознания единства человеческого рода при всем его культурном многообразии [18]. Как показывает Г.Б. Святохина (Уфа), разработанная в России философия космического мышления несмотря на свой во многом религиозный характер уже готовила условия для сознательного процесса целостного осмысления мира, который широко развернулся в современной науке [28].

Завершается второй номер журнала обзором прошедшей 27 сентября 2013 г. в Санкт-Петербурге научной конференции «Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России». Обзор подготовил президент Ноосферной общественной академии наук профессор А.И. Субетто (Санкт-Петербург) [29].

Материалы **третьего номера** журнала (выпуск 1 за 2014 г.) подготовлены преимущественно на основе докладов, сделанных на Общественном форуме «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2013».

В статье В.Н. Лукина и Т.В. Мусиенко (Санкт-Петербург) «Теория развития человека в контексте глобализации» отмечается, что в изучении личности в последние годы происходит переход от традиционных всеохватывающих «гранд теорий» к разработке преимущественно «микротеорий», то есть концепций более узких, частных и конкретных. Однако обобщенный уровень знаний продолжает развиваться в несколько иной форме: «В то же время в эпоху формирования современного информационного общества, проблем и рисков глобального развития востребованы интегрированные, транс-дисциплинарные подходы к переосмыслению сущности и проблем развития человека, его безопасности, социальной жизни и нравственного блага» [14, с. 28].

Раздел «Теория и история культуры» открывается статьей А.И. Субетто «Эпоха Великого Эволюционного Перелома и ноосферная культура». Автор пытается сформулировать основные черты новой ноосферной культуры, становление которой составляет важнейшее содержание современной эпохи и позволит преодолеть глубокий эко-

логический кризис, уже принявший характер глобальной катастрофы. «Новая ноосферная культура требует глубокой перестройки всех сфер общественной жизни. Она должна сформироваться в Эпоху Великого Эволюционного Перелома, так как необходима для перехода к творческой планетарной кооперации народов-этносов, возрождения на новой, ноосферной основе человеческого в человеке и предотвращения единственной возможной альтернативы — экологической гибели цивилизации» [31, с. 40].

И.А. Манкевич в статье «Культурологическая информация и культурологическое знание: методологический ракурс» формулирует содержание этих понятий в современной теории культуры. С ее точки зрения, «культурологическая информация — продукт культурологического мышления, категория культурологического метода — метода культурологического прочтения/интерпретации текстов разной природы как феноменов культуры, независимо от используемой знаковой системы. Культурологическое знание ориентировано не на поиск исторических “истин” и доказательств их достоверности или определение эстетической ценности художественного текста, а на выявление фактов культуры и их культурологическую интерпретацию» [16, с. 65].

В статье В.О. Татаринцева (Архангельск) «Экоцентрический фундамент традиционной культуры Севера: взгляд из современности» подробно проанализировано мировосприятие народов русского Севера, характеризующееся сочетанием любви к природе, бережного отношения к ней и ее творческого преобразования. Проводится актуальная для эпохи информационного общества мысль о возможности творческой интерпретации духовно-экологического потенциала этой культуры и его использования для решения назревших социальных, экологических и иных глобальных и локальных проблем современной цивилизации [32].

В разделе «Психология» поднимается вопрос об изменениях механизмов межличностного общения, происходящих под воздействием интернет-технологий. М.М. Пекарникова (Санкт-Петербург) в статье «Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект» делает вывод, что «в интернет-общении активно транслируются стандартные взгляды и цели, которые человек ставит перед собой. С одной стороны, такой способ существования помогает человеку перестать быть самим собой и избавиться от осознанного страха одиночества. С другой стороны, жизнь в режиме постоян-

ного сравнения порождает неудовлетворенность существующей ситуацией» [26, с. 96]. В публикации М.В. Мальковой (Санкт-Петербург) «Проблема интуиции в научном творчестве» интуитивное озарение рассматривается как результат предварительного накопления опыта и логического анализа [15].

Раздел «Из истории отечественной науки» открывает доклад А.И. Субетто «Дмитрий Иванович Менделеев — титан эпохи русского Возрождения». Автор выдвигает концепцию, согласно которой Россия начиная с XVIII в. переживает эпоху русского Возрождения, во многом напоминающую западноевропейский Ренессанс XIV–XVI вв. Важное различие состоит в том, что европейское Возрождение делает ставку в основном на индивидуализм, а русское — на коллективизм, космическое назначение человека, его ответственность за все, что он делает на Земле. В России развитие этих идей закономерно привело к формированию концепций русского космизма и учения В.И. Вернадского о ноосфере. Их прямым предшественником был Д.И. Менделеев. А.И. Субетто рассматривает Д.И. Менделеева как универсального гения, сравнимого с титанами Возрождения и оставившего важный след не только в химической науке, но и в других сферах научной, общественной и государственной деятельности России [30].

В статье О.Н. Забродина «Психофизиологическая проблема — сквозная в творчестве В.С. Дерябина» продолжается начатая в № 1 за 2013 г. тема исследования творчества ученика И.П. Павлова, который значительно опередил свое время в постановке философских проблем человека и общества. «В своих исследованиях аффективности как явления психофизиологического, — делает вывод автор статьи, — В.С. Дерябин преодолел дуализм в изучении человека — существа биологического и социального, и выявил зависимость психических процессов от потребностей и сигнализирующих о них чувств, влечений и эмоций» [5, с. 128]. Проблема соотношения психического и физиологического, их воздействия на социальную психологию и поведение людей становится в информационном обществе все более актуальной.

Завершается раздел статьей С.Н. Коробковой (Санкт-Петербург) «“Творчество личности” в философии действительности М.М. Филиппова». В ней анализируются философские взгляды русского ученого, наследие которого недостаточно изучено в современной философии. Разделяя принципы

близкого к материализму реалистического мировоззрения, Михаил Михайлович Филиппов (1858–1903) рассматривает творчество как «свободный труд, над которым не довлеет материальная необходимость. Творчество есть целерациональная деятельность, направленная на достижение определенной ценности. Наивысшей формой творчества является самосозидание» [12, с. 147]. Мысли М.М. Филиппова о природе творчества во многом противостоят идеалистическому подходу, развитому в работах Н.А. Бердяева, и предваряют концепции, формирующиеся в современной науке.

Редакция журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» опирается на широкий междисциплинарный подход к проблемам постиндустриальной цивилизации. Исследования, проведенные в рамках философии, психологии, социологии, теории культуры и других социально-гуманитарных дисциплин, а также экономики, позволят составить более полное представление о направлениях развития информационного общества и дадут материал для новых фундаментальных философских обобщений. Мы готовы к научному сотрудничеству со всеми специалистами, работающими в этой области.

Список литературы

1. Внутских А.Ю. Отбор в неживой природе как эволюционный механизм и производственный принцип конвергентных технологий «неоиндустриального» общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 2. С. 31–46.
2. Дерябин О.Н. О потребностях и классовой психологии // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 110–137. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
3. Дмитренко Н.А. Соотношение потребностей и способностей в современных образовательных технологиях // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 102–107. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
4. Забродин О.Н. К истории создания работы В.С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 105–109. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
5. Забродин О.Н. Психофизиологическая проблема — сквозная в творчестве В.С. Дерябина // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 128–146. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
6. Игнатьев М.Б., Липинский Я.А., Ненашев В.А., Никитин А.В., Шепета А.П. Как обустроить околоземное космическое пространство для борьбы с космическими угрозами // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 12–25. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
7. Игнатьев М.Б. Кризис как имманентное свойство сложных социально-экономических систем // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 26–45. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
8. Карпов А.В. Время назад: революционная культура как повседневность // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 76–96. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
9. Каюмов А.Т. Стабильность социокультурной динамики в условиях современного информационно общества: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4. С. 13–17.
10. Комаров В.Д. Вернадскианская парадигма философии образования // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 57–64. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
11. Комаров В.Д. Технологические науки: предмет и структура // Философия и гуманитарные науки

- в информационном обществе. 2013. № 2. С. 37–49. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
12. Коробкова С.Н. «Творчество личности» в философии действительности М.М. Филиппова // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 147–154. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
13. Кудашов В.И. Роль когнитивных технологий в обществе знания // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 92–97. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
14. Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Теории развития человека в контексте глобализации // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 27–38. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
15. Малькова М.В. Проблема интуиции в научном творчестве // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 105–110. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
16. Манкевич И.А. Культурологическая информация и культурологическое знание: методологический ракурс // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 64–77. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
17. Манкевич И.А. Пушкинский Петербург как переживание: культурологическое эссе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 97–104. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
18. Маслобоева О.Д. Исследование проективного характера человеческой деятельности: от античности до современного российского органицизма и космизма // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 112–119. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
19. Мурата Ю. Уроки Фукусимы. Многомерность техники // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 53–61. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
20. Никитина Т.П. Современный человек в мире без границ: нравственные ценности в информационном обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 3. С. 112–119.
21. Орлов С.В. Виртуальная реальность как новая форма материального бытия // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 82–87. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
22. Орлов С.В. Комментарии философа к статье В.С. Дерябина «О потребностях и классовой психологии» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 138–144. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
23. Орлов С.В. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 11–25. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
24. Пана Л. Продуктивная коммуникация // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 10–26. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).

- 01.06.2014).
25. *Патымбаева К.В.* Современный социум, труд и человек в концепциях постиндустриального общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. Вып. 2. С. 53–68.
26. *Пекарникова М.М.* Генерирование индивидуального виртуального пространства: психологический аспект // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 95–104. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
27. *Прилашкевич Е.В.* Современные кураторские стратегии: между «Войной» и «Миром» // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 1. С. 65–75. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
28. *Святохина Г.Б.* Философия космического мышления как исследование и образ жизни // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 126–132. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
29. *Субетто А.И.* Вернадскианская революция в научно-образовательном пространстве России // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2013. № 2. С. 139–147. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
30. *Субетто А.И.* Дмитрий Иванович Менделеев — титан эпохи русского Возрождения // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 111–127. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
31. *Субетто А.И.* Эпоха Великого Эволюционного Перелома и ноосферная культура // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 39–63. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
32. *Татаринцев В.О.* Экоцентрический фундамент традиционной культуры Севера: взгляд из современности // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2014. № 1. С. 78–94. URL: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (дата обращения: 01.06.2014).
33. *Чащин Е.В.* Формирование представлений о глобальных проблемах современности в информационном обществе и источники спекуляций на этой теме // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1. С. 18–26.

Получено: 23.06.2014.

References

1. Vnitskikh A. Yu. [Selection at inorganic nature as evolutionary mechanism and manufacturing principle of «neo-industrial» society's nbic-technologies]. *Vestnik Permskogo univrsiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2012, no 2, pp. 31–46. (In Russian).
2. Deryabin O.N. [On the needs and psychology of classes]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 110–137, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
3. Dmitrenko N.A. [Needs and abilities in modern educational technologies]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 102–107, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
4. Zabrodin O.N. [To history of creation of a work by V.S. Deryabin "On the needs and psychology of classes"]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 105–109, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).

- content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
5. Zabrodin O.N. [Psycho-physiological problem is a fundamental problem in V.S. Deryabin's works]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 128–146, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
6. Ignatev M.B., Lipinskiy Y.A., Nenashev V.A., Nikitin A.V., Shepeta A.P. [How to equip the near-Earth space to deal with cosmic threats]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 12–25, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
7. Ignatyev M.B. [Crisis as the immanent property of complex social-economic systems]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 26–45, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
8. Karpov A.V. [Turn back time: revolutionary culture as everyday life]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 76–96, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
9. Kayumov A.T. [The stability of socio-cultural dynamics in conditions of modern informational society: philosophical analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 4, pp. 13–17. (In Russian).
10. Komarov V.D. [Philosophy of education: Vernadsky's paradigm]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 57–64, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
11. Komarov V.D. [Technological sciences: their subject and structure]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 37–49, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
12. Korobkova S.N. ["Human creativity" in M.M. Filippov's philosophy of reality]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 147–154, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
13. Kudashov V.I. [Cognitive technology in the knowledge society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 92–97, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
14. Lukin V.N., Musienko T.V. [Theories of human development in the context of globalization]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 27–38, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
15. Mal'kova M.V. [The problem of intuition in scientific creativity]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 105–110, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
16. Mankevich I.A. [The information relevant to cultural research and the knowledge gained from cultural research: methodological perspective]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in informa-

- tion society]. 2014, no 1, pp. 64–77, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
17. Mankevich I.A. [Pushkin's Petersburg as an experience: culturological essay]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 97–104, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
18. Masloboeva O.D. [Study of the projective nature of man's activity: from the Ancient times to the modern Russian organicism and cosmism]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 112–119, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
19. Murata J. [What can we learn from Fukushima? The multi-dimensionality of technology]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 53–61, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
20. Nikitina T.P. [The modern human in the world without boundaries: moral values in the informational society]. *Vestnik Permskogo univrsiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2012, no 3, pp. 112–119. (In Russian).
21. Orlov S.V. [Virtual reality as a new form of material being]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 82–87, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
22. Orlov S.V. [Philosophical commentary on the article of V.S. Deryabin "About the needs and class psychology"]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 138–144, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
23. Orlov S.V. [The philosophy of information society: new ideas and problems]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 11–25, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
24. Pană L. [Effective Communication]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 10–26, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
25. Patyrbaeva K.V. [Society, labor and subject of labor in concepts of postindustrial society]. *Vestnik Permskogo univrsiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2012, no 2, pp. 53–68. (In Russian).
26. Pekarnikova M.M. [Generating individual virtual space: the psychological aspect]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 95–104, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
27. Prilashkevich E.E. [Contemporary curatorial strategy: art-group «Voina» or art-group «Mir»]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 1, pp. 65–75, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
28. Svyatkhina G.B. [The philosophy of cosmic thinking as research and as a life style]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 126–132, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf>

- content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
29. Subetto A.I. [Vernadsky's revolution in Russian scientific and educational space]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2013, no 2, pp. 139–147, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2013/06/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2013-02.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
30. Subetto A.I. [Dmitri Ivanovich Mendeleev — a titan of the Russian Renaissance]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 111–127, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
31. Subetto A.I. [The epoch of the great evolutionary change and noospheric culture]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 39–63, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
32. Tatarintsev V.O. [Ecocentral basement of traditional culture of the North: a view from nowadays]. *Filosofiya i humanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and humanities in information society]. 2014, no 1, pp. 78–94, available at: <http://fikio.ru/wp-content/uploads/2014/04/Filosofija-i-gumanitarnye-nauki-v-informatsionnom-obschestve-2014-01.pdf> (accessed: 01.06.2014). (In Russian).
33. Chaschin E.V. [The formation of representations about global problems of modernity in the information society and the sources of speculation on this topic]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 1, pp. 18–26. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt: 23.06.2014.*

A NEW NET JOURNAL «PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY»:
THE SPHERE OF RESEARCH AND PROBLEMS
Sergei V. Orlov

*Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
67, Bolshaya Morskaya str., Saint-Petersburg, 190000, Russia*

The article deals with the content of the first three issues of a new net journal «Philosophy and Humanities in Information Society» established in Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation. The problems of modern society are discussed from different points of view, and the results of recent studies in social sciences and the humanities are given. The first issues are devoted to such concepts as philosophy of information society, modern philosophy of technology, theory of culture, history of Russian science and its modern understanding.

Key words: philosophy of information society; net journal; noosphere; philosophy of technology; history of Russian science.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Орлов С.В. Новый сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»: направления исследований и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 5–15.

Please cite this article in English as:

Orlov S.V. A new net journal «Philosophy and humanities in information society»: the sphere of research and problems // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 5–15.

УДК 130.1–058.237

СУЩНОСТНАЯ СВЯЗЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СО СВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

Климова Александра Валериановна

кандидат философских наук

доцент кафедры философии и права

Днепропетровский государственный технический университет

Украина, 51918, Днепропетровск, ул. Днепропетровская, 2

e-mail: klim_aleks@ukr.net

Цель статьи показать роль и влияние интеллигенции как социальной общности в выборе, сохранении, передаче и развитии культурной традиции, что сущностно связано с творческим потенциалом гуманистической светской культурной традиции. Подлинная миссия интеллигенции — в сохранении, развитии и трансляции прогрессивной культурной традиции населению, в гуманистической направленности и консолидации общества в его правовом, политическом, нравственном и эстетическом состоянии. Акцентируется внимание на основных аспектах деятельности интеллигенции: познание, наука, образование, воспитание, нравственный, эстетический и мировоззренческий поиск. Именно их рассмотрение и составляет аналитическую основу для выяснения сущностной связи интеллигенции со светской культурной традицией.

Ключевые слова: интеллигенция; культурная традиция; светская культурная традиция; наука; образование; воспитание; мировоззрение.

С изменением нашей государственности в обществе существенно возросла роль религии и церкви, актуализировались проблемы взаимоотношения светской и религиозной культурной традиции, которые до сих пор остаются малоизученными. Не дана научная оценка изменениям, связанным с влиянием религии и церкви на формы светской жизни, в том числе на науку образование и воспитание. Между тем от того, как понимаются эти изменения, зависит функционирование и развитие названных социальных институтов.

В качестве структурных элементов светской культурной традиции можно выделить различные явления и процессы, связанные со светской духовной жизнью общества, — соответствующую культурную традицию: философскую, научную, религиозную, институциональную, образовательную, воспитательную и т.п. Эти элементы могут по-разному сочетаться, занимать разное положение в обществе, быть по-разному им востребованными в зависимости от исторических и социальных условий, от характера взаимоотношений между социальными слоями, общностями или социальными институтами, которым принадлежит привилегия отбора сохранения и передачи культурной традиции в обществе. Исторически субъектами культурной традиции могли быть философы, ученые, политические или государствен-

ные деятели, духовенство и т.д. С усложнением социальной структуры общества они оформлялись в сообщества, социальные институты, социальные слои, общности. Менялся характер взаимоотношений между ними, утверждались определенные статусы, а вместе с тем характер и возможности влияния на преемственность в культурной традиции. Само обращение к той или иной духовной традиции еще мало о чем говорит. Важно, с какой целью происходит это обращение. При феодализме «развитие духовной культуры сознательно направлялось в сторону обслуживания потребностей теологии. Культура трансформировалась в соответствии с запросами церкви». А «установление духовенством монополии на образование, действительно, вело к тому, что богословием занимались не только те, кто не выходил за пределы религии, но и люди с философским и даже научным складом ума. Господствующие классы нуждались в квалифицированном идеологическом обосновании своих интересов. Расходовали огромные материальные и интеллектуальные ресурсы на поддержку и обоснование “вечных”, догматических формул религии» [11, с. 197–198]. Такая духовная традиция совпадала с целями господствующих классов. Она восходила к основам вероучения и потому «“обогащалась” за счет про-

изведений с однотипным религиозным содержанием» [11, с. 198].

Духовные традиции должны отвечать современной им действительности. Всякая культура содержит репродуктивные и творческие элементы. Содержание этих элементов в процессе исторического развития меняется: доля репродуктивного элемента постепенно снижается, а доля творческого возрастает. Человеческая деятельность определяется не только прошлым, но и будущим. В современном обществе ориентация на будущее, выражающаяся в виде воли, желаний, планов, имеет определяющее влияние на настоящее. Наличие в культуре репродуктивных и творческих элементов создает проблемы, с одной стороны, культурного отбора того, что приобретает в современной общественной жизни социальное значение и препятствует преобладанию традиции, ведущей в современных условиях к застойным явлениям в социальной и духовной жизни, с другой стороны, — социальной трансформации и трансляции культуры, включающей в историческое развитие новое. Лишь прогрессивные традиции, не диктующие господство прошлого над настоящим, помогают сохранить преемственность в культуре, ее целостность, помогают формированию полноценной личности. Противоречия в обществе, в системе культуры, образования и т.д. ведут к изменению традиций, к замене старых традиций новыми. Чем выше уровень развития общества, тем содержание его жизнедеятельности в большей степени определяется обстоятельствами, исторически созданными и создаваемыми. Эти обстоятельства влияют на развитие культуры в целом, на элементы общественного сознания, на воспроизводство той или иной культурной традиции в области мировоззрения, образования, науки, на дальнейшее развитие духовной жизни, на выбор и доминирование в ней каких-либо духовных предпочтений.

История интеллигенции связана с изменениями в формах отбора и передачи культурных традиций, в преемственности в культуре, а также с расширением влияния светской культурной традиции в обществе. В Средние века церковь взяла в свои руки не только религиозную сферу, но и другие области жизни. Рациональные знания, как отмечал К. Манхейм, давались только служителям культа и некоторым представителям светской интеллигенции. Развитие знаний, не соответствующих религиозной картине мира, не поощрялось, а наоборот, ему чинились всяческие препятствия. Все, что опиралось на традиции, не могло сколько-нибудь существенно развиваться. А это

касается науки, морали, права. Как писал Ф. Энгельс, все было санкционировано церковью. При низком уровне и динамике развития общества могло терпеть такую ситуацию. Развитие ускоряется с возникновением капитализма. Это меняет отношение к традиции. Она вытесняется другими формами и отношением к знанию. Развивается рациональный тип мышления. К. Манхейм подчеркивает, что поначалу это не коснулось большей части общества, так как рациональное мышление, без которого невозможно осознанно принимать новые решения, нужно было тем, кто был самой активной силой в общественных изменениях. Но «интерпретации мира, принадлежащие касте священнослужителей, сломаны и место замкнутого, строго организованного слоя интеллектуалов заняла свободная интеллигенция, для которой характерно то, что она все более рекрутируется из постоянно меняющихся социальных слоев... и способ ее мышления не подвергается более регулированию со стороны какой-либо организации типа касты...» [5, с. 16]. Это приводит к устранению интеллектуальной монополии духовенства, что, в свою очередь, способствовало, по Манхейму, развитию совершенно новых типов мышления и исследования в области гносеологии, психологии и социологии.

По мере развития городов Средневековья и усложнения городской жизни и производства духовная жизнь все больше приобретает светские черты. Новые потребности общества влияют на развитие образования. И хотя на протяжении Средневековья в Европе школьное и университетское образование развивалось под контролем церкви, в нем постепенно усиливались элементы творчества и самостоятельности. Впервые же заявили «свои права на самостоятельность и при этом исключительное положение» [8, с. 142] деятели Возрождения, которых М.Т. Петров называет ренессансными интеллигентами: «В противоположность средневековым мыслителям гуманисты осознали культурную специфику своего времени именно через несовместимость с предшествовавшей им “темнотой варварства” и через свою близость к античности, которую скрыли, исказили, предали забвению (по их мнению) средние века... Идеи возрождения, восстановления, запечатления, сохранения оказались теми идеями, которые позволили почувствовать специфическое единство разных областей культуры, самую культуру как сферу активного, воздействующего, воздействующего человеческого разума» [8, с. 141]. Светская культурная традиция развивалась по мере преодоления сакральности в духовной жизни

общества в процессе развития промышленности, технического прогресса, науки, образования, возникновения светских государств. Вместе с тем возникает, развивается и постепенно институализируется в социальную общность интеллигенция, становясь активным субъектом этих процессов.

Сущностная связь интеллигенции со светской культурной традицией осуществляется через деятельность в области познания, науки, образования, воспитания, нравственного, эстетического и мировоззренческого поиска. Эти аспекты культурной традиции составляют аналитическую основу для выяснения сущностной связи интеллигенции со светской культурной традицией. Хотя среди функций, выполняемых духовенством, есть такие, которые присущи и светской интеллигенции, ее функции и роль в обществе существенно отличаются от функций и роли священнослужителей. Например, выполняя свою основную функцию удовлетворения религиозных чувств верующих, духовенство одновременно ведет пропаганду (часто не только религиозную), воспитывает, формирует мировоззрение верующих, дает свою оценку социальным, политическим и культурным событиям и т.п. Но специфика этого социального слоя в том, что в его деятельности заинтересовано не все общество, а лишь его часть. Причем, если учитывать многоконфессиональность религии, то в деятельности каждой конкретной конфессии заинтересованы не все верующие, а лишь те, которые себя к ней относят. Остальные верующие, наоборот, будучи заинтересованы, соответственно, в своей конфессии, ко всем остальным могут относиться не только не заинтересованно, но отрицательно, а иногда и враждебно. Практика показала, что общественность, особенно религиозная, как правило, выступает против распространения зарубежных миссионерских и нетрадиционных религиозных организаций, противопоставляя им при этом традиционные религиозные организации, и, прежде всего, православную церковь. Если учесть, что любая религиозная организация основывается на соответствующем религиозном вероучении с его специфическими религиозными духовными ценностями и имеет равные права с любой другой религиозной организацией, то такие претензии являются нарушением закона о свободе совести, мировоззрения. Любая организация, имеющая свои собственные интересы, отличные от интересов всего общества или даже его части, не способствует интеграции и развитию общества в целом и даже может привести к нарушению существующих в обществе законов. Этого не понимают или

не хотят понимать те, кто способствует допущению представителей религиозных организаций к выполнению светских функций, например, в системе светского образования, что также является нарушением закона — закона о свободе совести.

Несмотря на некоторые функции духовенства, схожие с функциями интеллигенции, и, несмотря на то, что его труд носит тоже умственный характер, на наш взгляд, относить его к социальной общности интеллигенции нецелесообразно, поскольку исторически оно сложилось в особый социальный слой — духовенство, имеющий такой статус и поныне. Нет причин изменять что-либо в этом статусе и в настоящее время. Духовенство всегда имело и имеет свои специфические функции, интересы, особое отношение к иным, чем собственная религия, формам духовности и способы взаимоотношений с обществом. Кроме того, если обратиться к истории России, то было и такое время, когда духовенство православной церкви выражало отрицательное отношение к интеллигенции.

К сожалению, не все светские исследователи готовы принять положение, что и светская духовная культура так же, как и религиозная, имеет свою специфику. Если бы ее не было, то исторически не сложилось бы и такое разделение. И если их произвольно смешивать, то духовная культура в целом от этого не выиграет. В ней увеличится количество неразрешимых противоречий, на которые будут все время наталкиваться ее носители, создавая ненужное обществу дополнительное конфликтное поле. Об увлечении религиозными ценностями некоторых представителей интеллигенции, особенно педагогической, свидетельствуют педагогические, психологические, общественно-политические и художественные издания нашего времени. С пропагандой религиозных (чаще речь идет о православных) ценностей они связывают повышение духовности и нравственности в обществе. Путаница происходит из-за сужения значения слова «духовный». Исторически сложилось, что разные системы образования обозначались терминами «духовное» и «светское». О религии принято говорить как о духовности, о священнослужителях — как о «духовных отцах». Такое использование слова «духовный» не означает, что светское образование, светская культура бездуховны. Соответственно и понятие «духовная жизнь общества», на наш взгляд, не сводится к жизни церковной, религиозной.

Духовная жизнь общества — это объективная система, процесс отношений и взаимодействий людей, связанный с духовной деятельностью, производством, воспроизводством, распростране-

нием духовных форм жизни общества (обычаев, норм, ценностей, смыслов, знаний) и совокупного продукта духовной деятельности людей. Духовная жизнь общества возникает в духовном опыте отдельных людей, благодаря индивидуальным и общественным духовным потребностям, на основе существующих в обществе духовных ценностей, потребностей, идеалов. Подсистемами духовной сферы являются идеологическая, научная, художественно-эстетическая жизнь. Каждая из них имеет свои элементы. Являясь некоторым общим итогом и результатом индивидуальной мыслительной деятельности человека, духовное объективируется в общественном сознании. Таким образом, духовная жизнь общества становится жизнью общественного сознания в различных его формах: политической, правовой, нравственной, эстетической, философской, религиозной и научной. Последняя представляет собой особую форму общественного сознания, развивается только на теоретическом уровне.

Наряду с исследованием общественного сознания как духовного феномена важно анализировать все проявления духовной культуры в их взаимосвязи, разнообразные аспекты, позволяющие раскрыть ее многогранность. Следует также не упускать из виду, что вопрос о соотношении культуры и религии по-разному трактуется в светской культурологии, в религиоведении и, например, в христианской теологии. Если в религиоведении религия рассматривается как элемент культуры, то в христианской теологии понятие «культура» не является базовым. Так, М.Н. Черенков, современный украинский философ и христианин, рассматривает «христианство в культуре как вечное во временном, универсальное в уникальном»: «Задача христианства в отношении культуры — выразиться в ней с такой полнотой и актуальностью, чтобы каждая новая культурная эпоха могла стать более христианской...» [12, с. 64, 65]. Согласно католическим и православным воззрениям базисом духовной культуры тоже считается религия [6, с. 77–78]. Религия для них больше, чем культура. Культура же оказывается лишь средством для религиозного воздействия на человека. По большому счету священнослужители являются проводниками лишь религиозного сознания как элемента культуры, а не культуры в целом. Культура у них оказывается в подчиненном состоянии, не имеет такой ценности, как религия, и используется как средство воздействия на религиозные чувства верующих, средство усиления этих чувств.

Когда в условиях капитализма исчезают сословия, составлявшие социальную структуру феодального общества, социальные слои начинают выделяться по тем функциям, которые они выполняют в обществе, и по их социальному положению. Интеллигенция оказывается ответственной за духовное производство, передачу культурного наследия следующим поколениям, за культуру в целом в постоянно изменяющихся и усложняющихся условиях. Каждая историческая эпоха, каждое историческое время ставит перед ней новые задачи и цели, от выполнения которых зависит дальнейшая судьба общества. При этом характер, место и роль интеллигенции может изменяться в зависимости от социокультурного типа общества, государства, степени самостоятельности светской культуры и других факторов. Но в любом случае, как отмечает Б.С. Ерасов, «в силу своей профессионализации интеллигенция, поддерживая духовную жизнь, осуществляет своего рода монополию на культурное достоинство...» [2, с. 330].

По мере развития общества интеллигенция как социальный слой растет количественно, возрастает ее роль. Актуальной становится дифференциация интеллигенции, более или менее адекватно отражающая ее влияние в обществе. Б.С. Ерасов выделил 3 основных функции интеллигенции, в соответствии с которыми разделил ее на три группы: 1. Хранение и трансляция, упорядочивание и распространение культурных ресурсов, удержание норм и ценностей, исторической памяти. Самая многочисленная группа интеллигенции — учителя, библиотечные и музейные работники, редакторы, реставраторы, работники системы просвещения, программисты и т.д. 2. Инновация как творческий процесс выработки новых идей, образов, моделей действий, политических и социальных программ. Инновации большей частью являются результатом творческих усилий отдельных личностей или малых групп коллективов. 3. Для того чтобы результаты инновации были переданы для общего пользования, они должны быть санкционированы, одобрены и интерпретированы другой группой, осуществляющей критику. Критика должна соотносить новое с имеющимся духовным наследием, согласовать со сложившейся духовной жизнью, с признанными ценностями и представлениями, с музеем, университетом и школой [2, с. 330–331]. Если кратко обобщить обозначенные функции, то это хранение, творчество и оценивание накопленного и сотворенного нового. Выполнять эти функции можно по-разному, и поэтому, когда речь идет о 3 группах, соответствующих этим функциям, то однозначность здесь можно обнаружить только на

первый взгляд и по большому счету. Выполняя любую из этих функций, можно быть творческим и нетворческим, выходить или не выходить за пределы конкретной функции. Например, если между второй и третьей группой будет сильно большой «водораздел», то культура может не только сильно пострадать, но и вообще оказаться извращенной или незащищенной, а значит, неспособной к дальнейшему плодотворному развитию. Общеизвестно, что новаторство творческих людей далеко не всегда понимают и принимают сразу. Далеко не одинаково отношение в обществе и к культурному наследию. Поэтому культура оказывается зависимой от того, кто оказывается в третьей группе ее критиками и судьями. Но часто бывает, что ими оказываются не творческие люди, а просто некомпетентные чиновники, считающиеся по тем или иным причинам авторитетными. Может в этой группе оказаться и та часть интеллигенции, творчество которой известно широким массам населения, например писатели, деятели искусства. Хорошо, если при этом речь идет о литературе и искусстве. Но в наше время появилась тенденция именно им давать решающее слово, когда речь идет о вещах, в которых они не являются достаточно компетентными. Ярким примером является реакция членов Общественной палаты РФ, известных писателей, деятелей культуры на открытое письмо Президенту РФ В.В. Путину десяти академиков РАН от 25.07.2007 в защиту материалистического понимания мира и преподавания в школах и вузах знаний науки, против антиконституционного проникновения православной Церкви в сферу науки и образования [7]. Целесообразно обращать особое внимание на то, чтобы «критиками» могли стать только творческие представители 1-й и 2-й групп, чтобы популяризаторами научных открытий были сами ученые, чтобы изменения в школьных и вузовских программах инициировали сами преподаватели (учителя, доценты, профессора), чтобы культурой занимались профессионалы, болеющие и несущие ответственность за дело, которому они служат.

В наше время часты сомнения в возможностях плодотворного освоения современной культуры, связанные с возрастанием от эпохи к эпохе объема эмпирического и теоретического материала. В каждый период аккумулируется определенное содержание культуры, в снятом виде включающее все самое ценное из предшествующей истории. Кто же способен это адекватно оценить, еще и еще раз проверить, заглянуть в будущее и наметить перспективы развития духовной культуры? Если это кому-то под силу, то только интеллиген-

ции, исторически развившейся до уровня современных потребностей общества. Этапы же ее становления и развития сами по себе могут рассматриваться как часть культурной традиции. Роль интеллигенции в обществе стремительно растет.

Процессы социально-культурных изменений и их связь с другими сферами социальной жизни, с культурной традицией активно влияют на воспитание, социализацию личности, на формирование ее мировоззрения, на ее выбор тех или иных познавательных традиций и мировоззренческих ценностей. Это влияние осуществляется, главным образом, через деятельность интеллигенции, и здесь многое зависит от ее мировоззренческих и идеологических предпочтений. Процесс социализации личности осложняется не только взаимным влиянием и взаимодействием с окружающей средой, но и историческими, политическими, идеологическими, культурными состояниями и изменениями, динамикой всех общественных процессов, в которых она осуществляется. Формирование мировоззрения личности в различных типах культуры связаны с влиянием культурной традиции в конкретно-исторических условиях, в которых в качестве доминирующих могут выступать разные типы и элементы духовной культуры. Например, изменение характера соотношения светской и религиозной мировоззренческой культурной традиции в современном обществе в сторону доминирования религиозной культуры может привести к ослаблению научности методологии и снижению результативности научного познания. Так же и тем, кто в воспитание школьников и студентов вводит элементы религиозной культуры, стоит не упускать из виду, что «транслируя социальный опыт, передавая его из поколения в поколение, универсалиями культуры обеспечивают воспроизводство определенного образа социальной жизни и определенных типов личности» [10, с. 39]. Можно назвать разные направления, связанные с влиянием социальной ориентации интеллигенции на мировоззрение и наоборот: научное, гуманистическое, религиозное, нигилистическое, анархистское, антропологическое и т.д.

Научное познание является одним из важнейших видов деятельности интеллигенции. Его результаты напрямую зависят от ее отношения к той или иной методологической или мировоззренческой культурной традиции, от того, чем она руководствуется в ее отношении к культурной традиции в целом. Ответственность интеллигенции в отношении к культурной традиции связана с ее выбором того или иного методологического и мировоззренческого подхода — рацио-

нального, плюралистического, постмодернистского и т.д. Лишь освоение и развитие мировоззренческих и методологических традиций, прошедших испытание научной практикой, может обеспечить плодотворность деятельности интеллигенции, ее авторитет и признание, увеличить возможности плодотворного для общества усиления ее роли и влияния. Это единственный реальный путь для построения общества знаний. И, наоборот, и здесь мы согласны с П.В. Копниным, «если движение мышления пойдет путем, противоречащим законам объективного мира, то оно не сможет схватить и понять эти законы... В таком случае научный метод теряет свое объективное содержание» [3, с. 107]. Но без научного метода наука перестает быть наукой. Она имеет свои определенные критерии. Их нельзя размывать. Мышление не из себя самого мыслит объект познания, и познание начинается не с пустого места или чистого листа бумаги. Как писал советский психолог А.Н. Леонтьев, «мышление не существует вне общества, вне накопленных человеческих знаний и выработанных им способов мыслительной деятельности. ...Каждый отдельный человек становится субъектом мышления, лишь овладевая языком, понятиями, логикой, представляющими собой обобщенное отражение опыта общественной практики: даже те задачи, которые он ставит перед своим мышлением, порождаются общественными условиями его жизни» [4, с. 37].

Познавательная функция культурной традиции связана с принятием тех или иных методов, понятий и принципов и соответствующим руководством ими в познавательной деятельности. Собеседникам с одинаковыми познавательными традициями не нужно всякий раз уточнять значение понятий, которыми они оперируют, что речь идет о соответствующих принципах, методах, законах. Они разговаривают на одном языке. Представители разных познавательных традиций должны все это всякий раз определять и уточнять. Без этого, например, богослов и философ-материалист, употребляя одни и те же термины, могут не понять друг друга, так как эти термины для каждого означают разные понятия. Так, для философа истина есть правильное отражение действительности в сознании познающего субъекта, а для христианского богослова — Бог. Но в наше время религия как бы исподволь начинает вытеснять светские произведения из школьной литературы, а религиозное образование и воспитание входит в планы образовательных реформ. Это не просто введение одних предметов и сокращение времени на другие. Это и вступление одних в

противоречие с другими, так как у них противоположные мировоззренческие основы. Это начало процесса с далеко идущими последствиями для интеллектуального состояния общества, ведущими к сужению социальной базы традиций научного познания. Ощутимой угрозой при увеличении внимания к религиозной традиции в наше время является возможность утраты научного понятийного аппарата. Если его формирование у молодежи встретит препятствия, то это может стать существенной помехой в формировании у нее навыков научного мышления. А между тем по мере развития общества и его производительных сил светские функции познавательных традиций должны возрастать.

Наиболее универсальной является традиция философского осмысления мира. Она не может устареть вследствие его постоянной изменчивости. Устаевают прежние мировоззренческие картины мира и возникает потребность в новых философских подходах к осмыслению изменившихся условий, в прогрессивном развитии духовной традиции. Украинский профессор В.И. Пронякин пишет о философской традиции: «Наше наследие богато и многообразно, в нем содержится множество примеров того, как можно эффективно противостоять деструктивному натиску релятивизма, декаданса и скепсиса, как использовать метафизику в гуманитарных, культурно-интегративных целях» [9, с. 214]. Изучение философии способствует формированию подлинных духовных потребностей личности, а значит, воспитывает ее. Именно философия способна формировать научное мировоззрение, научные методы познания, показывать несостоятельность иллюзорных форм отражения действительности. В наше время необходимо осознание всеми, кто связан с системой образования, что без должного преподавания философии выполнение интеллигенцией ее стратегических задач проблематично.

В поисках ответов на мировоззренческие вопросы религия и наука идут разными путями. Не случайно в истории возникло такое мировоззренческое философское направление, как свободомыслие, в русле которого развивалась и наука. Без принятия во внимание роли свободомыслия в духовной культуре общества теряется огромный пласт духовности. В идейном плане именно свободомыслие способствовало развитию светской культуры. И в религии, и в свободомыслии отражалась жизнь общества с ее значительными изменениями, но отражалась по-разному. В средневековой Западной Европе на протяжении многих веков результатом функционирования традиции ка-

толицизма стало подавление всего нового, не соответствовавшего его учению. «...Религия в течение полутора тысяч лет была господствующей формой общественного сознания, непомерно разрослась, разветвилась, вытесняя такие его формы, как наука и философия, и всемерно подчиняя себе искусство и мораль (впрочем, также и науку с философией), она вплеталась во все сферы духовной жизни» [11, с. 11–12]. И только в нашу «эпоху крупнейшего перелома», как писал В.И. Вернадский, когда «философская мысль оказалась бессильной возместить связующее человечество духовное единство», когда «духовное единство религии оказалось утопией» («религиозная мысль распалась на множество течений»), «научная мысль впервые выявляется как сила, создающая ноосферу...» [1, с. 69]. Этот очень важный мировоззренческий вывод Вернадского ярко освещает положительную роль научного мировоззрения и раскрывает возможности мировоззренческой функции научной культурной традиции.

В связи с рассмотренными проблемами отметим некоторые преимущества светского мировоззрения как культурной традиции:

- 1) адекватность реальных целей с практикой;
- 2) отсутствие иллюзорной приверженности какой-либо одной традиции, обогащение различными формами культуры;
- 3) рассмотрение мира в материальном единстве, в развитии, познаваемым и подлежащим революционным преобразованиям;
- 4) наличие и развитие методов познания, ведущих к получению объективных истинных знаний о действительности;
- 5) устремление целей и жизненных усилий на созидание достойных человека общественных условий;
- 6) возможность осознания подлинных интересов, возвышающих человека;
- 7) в светской духовной культуре творчество и новации не ставятся в зависимость от сверхъестественного.

В связи со спецификой своей деятельности интеллигенция институализируется по разным социальным институтам. Отчасти отсюда ее существенная дифференциация, отсутствие единства. Даже в структуре государственного управления ею руководят разные министерства и другие подразделения. Возможно, поэтому, когда говорят о науке, образовании, медицине, производственных структурах, редко особо в этом контексте речь идет о субъектах этих сфер жизни общества, обеспечивающих их интеллектуальную и гуманистическую составляющую, — интеллигенции. И

хотя понятие «интеллигенция» является собирательным, соответствующая самоидентификация себя интеллигенцией как социальной общности, похоже, тоже отсутствует. Все это, к сожалению, обеспечивает и большей частью недостойное к ней отношение со стороны других слоев общества. Это не может не затруднять оптимальное и ответственное выполнение интеллигенцией своих функций. На самом деле общество нуждается в интеллигенции. Но и интеллигенция нуждается в определенных условиях для своего существования, воспроизводства и деятельности. К этим условиям можно отнести как материальные (материально-техническая база науки, образования, искусства), так и духовные (реальное воплощение в жизнь конституционного положения о свободе совести, престиж науки и образования и т.п.).

Перед современной интеллигенцией встал ряд специфических для нашего времени и одновременно стратегических задач. Отметим лишь некоторые из них, но имеющие большое влияние на решение других задач:

- В наше время часто звучат антисциентистские обвинения в адрес науки и ее достижений во всех бедах современного общества и обращения к моральной ответственности ученых. При этом речь не идет о моральной ответственности политиков, поддерживающих положение дел, при котором становится возможным использование научных достижений во вред природе, обществу и человеку. Такой подход формирует неправильное общественное отношение к науке и ставит науку в неблагоприятные условия существования и развития. И здесь правомерен вопрос о моральной ответственности интеллигенции, пропагандирующей подобные взгляды.

- Сложилась ситуация, когда пришла пора ученым самим отстаивать свои интересы, которые одновременно являются интересами всего общества. В полной мере это могут понять только те ученые, для которых престиж науки не вызывает сомнений и которые готовы его отстаивать в любых условиях. Только такая истинно гражданская позиция достойна интеллигенции. Она является единственной реальной сознательной силой, которая может спасти науку и образование в нынешних неблагоприятных условиях. Для этого надо быть не только учеными, но и политиками, активными гражданами одновременно. Иначе выход из ситуации функционального кризиса науки проблематичен.

- Необходимо преодоление в среде ученых негативных для науки тенденций неограниченного разброса в выборе методологических средств

познания. Испытанные и общепризнанные в науке формы и методы познания часто используются стихийно, случайно, некомплексно. В то же время в научный оборот смело вводятся положения и понятия, которые не являются в науке общепризнанными. Творческое применение нового в науке обязательно, но в таком случае оно должно быть особенно тщательно продумано, описано и аргументировано. Прежде чем применять новый метод, нужно найти его место среди методов, уже оправдавших себя в научной практике.

- Ученые, педагоги должны избегать упрощенного отношения к тем понятиям, идеям, методам и особенно мировоззренческим положениям, которые способны внести путаницу не только в процесс научного познания, но и в практику образования, других видов деятельности, даже в обыденную жизнь. Особого внимания заслуживает просвещение и воспитание молодежи, которой трудно самой во всем разобраться.

- Нуждается в восстановлении в общественном сознании высокий потенциал светской культуры и светского воспитания. Нынешний процесс сакрализации в нашем обществе связан с трудностями, возникшими в результате трансформации общества, находящегося в поиске новых форм политической, экономической и социальной жизни. Но исследование всемирно-исторического процесса прогрессивного развития выявляет закономерность, согласно которой и в дальнейшем доминирующими формами общественного сознания будут наука, искусство, политика, право, т.е. светские формы культуры. В противном случае общество может утратить прогрессивный характер своего развития.

Итак, интеграция в обществе обеспечивается развитием производства, знания, традиции. Культурная традиция выступает как механизм деятельности, как критерий преемственности, как элемент наследия. Особенно это касается культурной традиции, связанной с получением и распространением научных знаний, без развития которых невозможно развитие ни духовной, ни материальной жизни общества. В свою очередь интеграция обществу нужна для производственной деятельности, для выработки целей и смыслов, необходимых для воспитания молодого поколения, для образования, развития науки и других форм культуры. Все это тесно связано между собой как в рамках одного государства, нации, народа, так и в рамках их взаимоотношений с другими государствами, нациями, народами.

Объективно современное общество нуждается в интеллигенции, которая была бы определенным

образом подготовлена для выполнения присущих ей функций, имела определенную направленность, чтобы максимально удовлетворять потребности общества в прогрессивном развитии. Современный уровень развития, отягощенный глобальными проблемами, не оставляет нам времени на опыты с произвольным обращением с культурным потенциалом человечества, с небрежным отношением к познанию действительности, с использованием в практической деятельности представлений, не подтвержденных наукой, с развитием общественных отношений вслепую. В современных условиях общество не может эффективно развиваться без усилий интеллигенции по совершенствованию светской социально-гуманистической культуры.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление // *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 1988. С. 20–208.
2. Ерасов Б.С. Социальная культурология. М.: Аспект Пресс, 2000. 591 с.
3. Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973. 464 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
5. Мангейм К. Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени*. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
6. Основы религиоведения. М.: Высшая школа, 1998. 480 с.
7. Открытое письмо академиков РАН президенту РФ В.В. Путину. URL: <http://forum.samaratoday.ru/showthread.php?p=64105> (дата обращения: 30.04.2014).
8. Петров М.Т. Итальянская интеллигенция в эпоху ренессанса. Л.: Наука, 1982. 217 с.
9. Прохякин В.И. Западноевропейская метафизика: истоки, эволюционные трансформации, перспективы. Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2006. 360 с.
10. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 192 с.
11. Тажуригина З.А. Идеи свободомыслия в истории культуры. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 224 с.
12. Черенков М.Н. Христианство и культура // *Человек и христианское мировоззрение. Сохранение нравственного и физического здоровья в мире изменяющейся культуры: альманах*. Вып. 8. Симферополь, 2004. С. 64–65.

Получено: 30.04.2014.

References

1. Vernadsky V.I. [Scientific thought as a planetary phenomenon]. *Filosofskie mysli naturalista* [Phi-

1. Philosophical thoughts of a naturalist]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 20–208. (In Russian).
2. Erasov B.S. *Sotsial'naya kul'turologiya* [Social culturology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000. 591 p. (In Russian).
3. Kopnin P.V. *Dialektika, logika, nauka* [Dialectics, logic, science]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 464 p. (In Russian).
4. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost', soznanie, lichnost'* [Activity, consciousness, personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975, 304 p. (In Russian).
5. Mannheim K. [Ideology and utopia]. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist Publ., 1994, pp. 7–276. (In Russian).
6. *Osnovy religiovedeniya* [Basics of religious studies]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1998. 480 p. (In Russian).
7. *Otkrytoe pis'mo akademikov RAN Prezidentu RF V.V. Putinu* [Open letter by members of Russian Academy of Science to the President of Russia V.V. Putin]. Available at: <http://forum.samaratoday.ru/showthread.php?p=64105> (accessed 30.04.2014). (In Russian).
8. Petrov M.T. *Ital'yanskaya intelligentsiya v epokhu Renessansa* [Italian intelligentsia in the age of the Renaissance]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 217 p. (In Russian).
9. Pronyakin V.I. *Zapadnoevropejskaya metafizika: istoki, evolyutsionnye transformatsii, perspektivy* [West European metaphysics: origins, evolutionary transformations, prospects]. Dnipropetrovsk, Dnipropetrovsk National University Publ., 2006, 360 p. (In Russian).
10. Stepin V.S. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya nauki* [Philosophical anthropology and philosophy of science]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1992, 192 p. (In Russian).
11. Tazhurizina Z.A. *Idei svobodomyслиya v istorii kul'tury* [Ideas of freethinking in the history of culture]. Moscow, Moscow State University Publ., 1987, 224 p. (In Russian).
12. Cherenkov M.N. [Christianity and culture]. *Chelovek i khristianskoe mirovozzrenie. Sokhranenie нравstvennogo i fizicheskogo zdorov'ya v mire izmenyayushejsya kul'tury*. Al'manakh [A man and a Christian mindset. Preservation of moral and physical health in the world of developing culture. Almanac]. No 8, Simferopol, 2004, pp. 64–65. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 30.04.2014.

ESSENTIAL CONNECTION OF INTELLIGENTSIA WITH SECULAR CULTURAL TRADITION *Alexandra V. Klimova*

*Dniprodzerzhynsk State Technical University;
2, Dneprostroevskaya str., Dniprodzerzhynsk, 51918, Ukraine*

The purpose of this article is to show that the intelligentsia's role and influence in the selection, retention, transfer and development of cultural traditions is essentially linked with the secular humanist cultural tradition creativity, since intelligentsia as a social community, emerges and develops historically in the development of secular culture. Its actual mission is in preservation, development and translation of progressive cultural tradition to the entire population; in a humanistic orientation and consolidation of society in its legal, political, moral and aesthetic status. The attention is focused on the intelligentsia's main activity through which its essential relationship with the secular cultural tradition — in knowledge, science, education, upbringing, moral, aesthetic and philosophical search — is realized. It is their consideration that makes an analytical framework to determine the essential link of intelligentsia with the secular cultural tradition.

Key words: intelligentsia; cultural tradition; secular cultural tradition; science; education; upbringing; outlook.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Климова А.В. Сущностная связь интеллигенции со светской культурной традицией // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 16–24.

Please cite this article in English as:

Klimova A. V. Essential connection of intelligentsia with secular cultural tradition // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 16–24.

УДК 1:316

ОТ ПОНИМАНИЯ К ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ: ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Орлов Михаил Олегович*доктор философских наук, доцент**декан философского факультета**Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского**410012, Саратов, ул. Астраханская, 83**e-mail: filosof@info.sgu.ru***Алебастрова Алла Анатольевна***кандидат философских наук, преподаватель**Профессионально-педагогический колледж им. Ю.А. Гагарина**Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина**410056, Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 15**e-mail: Alebastrova_70@mail.ru*

Говоря о значении феномена понимания и интерсубъективности в преломлении опыта социально-философской рефлексии, авторы формулируют и обосновывают идею социально-философского анализа понимания и интерсубъективности как категориальных форм опыта взаимодействия. В исследовании обосновывается гипотеза, согласно которой понимание и интерсубъективность являются принципами бытия человека и общества. Рассмотрение понимания и интерсубъективности как философских категорий, образующих структуру взаимодействия, дает возможность их применения к осмыслению всех социальных процессов, происходящих в человеческом обществе. Предложенная концепция философского анализа понимания и интерсубъективности реализуется через выявление метафизических, онтологических, аксиологических, гносеологических, методологических, праксиологических оснований.

Ключевые слова: понимание; интерсубъективность; диалог; техногенная цивилизация; «техносфера» информатизация; «Другой»; переживания; человеческая природа; одномерный человек.

Трагическим итогом информационной революции конца XX столетия стала подмена личностного общения виртуальным, сведение духовного диалога к обезличенному контакту в интернет-чатах и на интернет-форумах. Мы полагаем, что произошедшая подмена межличностного общения является выражением определенного исторического фона времени, определяемого понятием «техногенная цивилизация» или «техносфера». Какой бы сложной ни была структура современного общества, философское понимание техносферы выступает необходимым условием для определения сущности и значения технической деятельности человека, создающего техногенную среду бытия. В обществе постмодерна термин «техносфера» позволяет абстрагироваться от неизбежных противоречий, возникающих между технологическими системами, открывая путь к возможности переработки естественной природной среды в искусственно-информационную.

Если именно таким образом воспринимать развитие общества, определяя его зависимость от научно-технических процессов, понимая и осознавая всю неизбежность развития этого сценария, трудно не согласиться с мнением французского философа-постмодерниста Ж.-Ф. Лиотара, предположившего, что «в технонаучном мире мы подобны Гулливеру: то слишком велики, то слишком малы — всегда не того масштаба» [4, с. 58]. Иными словами, в техногенном обществе для человека особое значение приобретает задача самосохранения в ситуации масштабных и значимых технических новаций, изменяющих прежнее пространство мира.

Эта борьба за самосохранение, со временем приобретающая социальный аспект, кристаллизуется в новое представление. Представление о том, что наиболее значимой задачей техногенного общества является проблема понимания, в известном смысле определяющая единственно возмож-

ное условие вступления индивидов в диалог как основание сохранения самости.

Но что есть понимание? Понимание рассматривается как процедура постижения или порождения смысла, как универсальная операция мышления, оценивающая объект (текст, поведение, явления природы) на основе некоторого образца, стандарта, нормы, принципа [6]. Автор теории социальной самости Ч. Кули, определяя феномен понимания, наделяет его способностью «завладеть вниманием и привязанностью других людей всякого рода планами и амбициями, включая сюда и наиболее благородные и оригинальные намерения, которые только могут вынашиваться в чьей-либо душе, да и вообще любой мыслимой идеей, которая может показаться кому-то частью его жизни и нуждающейся в том, чтобы ее отстаивали перед лицом чьих-либо еще притязаний» [3, с. 318–320].

Но все же подлинной причиной обращения к феномену понимания и обнаружения в нем ряда инновационных идей является факт осознания фундаментальной философской традиции, определяющей именно духовное понимание человеческой личности. «Меня ничуть не раздражает вид стряпчего, карманного вора, шута, вельможи, игрока, политика, сводника, врача, лжесвидетеля, соблазнителя, предателя и им подобных: существование всех их в порядке вещей. Но когда я вижу, как животное, насквозь проникнутое всякими пороками и болезнями, прибавляет к ним еще гордость и высокомерие, терпение мое немедленно истощается. Я никогда не способен буду понять, как такое животное может притязать на гордость и высокомерие» [11, с. 474].

В своем исследовании мы обращаемся к феномену понимания, соотнося его с категорией «интерсубъективность», появлением которой философия модерна обязана методологии науки Р. Карнапа и феноменологическому анализу сознания Э. Гуссерля. Благодаря «развертыванию» философских концепций Р. Карнапа и Э. Гуссерля интерсубъективность в границах развития философии модерна и постмодерна уже невозможно «вырвать» из ситуации диалога, коммуникации, общения и понимания, в противном случае возникает неизбежный риск возникновения «натуралистической подмены».

А.П. Огурцов определяет категорию «интерсубъективность» как поле взаимодействия субъектов действия — акторов, в котором происходит нейтрализация личностных установок, убеждений, предубеждений, предпочтений [7, с. 60].

В. Калиниченко обнаруживает в интерсубъективности свойства опыта о «мире различных субъектов, связанное с объективностью, независимостью этого опыта от личностных особенностей и ситуаций» [6, с. 135]. В понимании А. Ивина интерсубъективность есть «независимость употребления и понимания языковых выражений от лиц и обстоятельств» [13, с. 327–328].

Мы полагаем, что чем больше разных специалистов обращаются к философской ткани еще не устоявшихся философских понятий, столь необходимых для философского осмысления процессов, происходящих в обществе, тем в большей степени осознается необходимость раскрытия интеллектуальной природы этих новых понятий, «выхватывается» их инновационная сущность. И в этом смысле категория «интерсубъективность» не является исключением. Роль ее особенно актуализируется в условиях кризиса современной цивилизации.

К несчастью, события последних десятилетий свидетельствуют о том, что современное общество достигло эпицентра духовного кризиса. Трагические события начала столетия подтверждают самые мрачные предположения о том, что у человечества может просто не остаться времени, чтобы остановить надвигающиеся гигантские катаклизмы, размах которых может быть сравним с ветхозаветными сюжетами. При этом нашему сознанию очень сложно «зацепиться» за действительный смысл происходящего — невинные жертвы, кровь, страдания в результате терактов, природные катастрофы, сопровождающиеся массовой гибелью людей, государственные перевороты, провоцирующие гражданские войны, принимаются мировым сообществом как простая данность. Сегодня общество сталкивается и с новой угрозой для своего существования — технологией искусственного интеллекта, вытесняющего человеческий разум. В то же время на этом фоне, оставаясь в прежнем духовном состоянии, человек ищет способ сделать лучше «Другого», не заботясь о том, чтобы изменить себя. Более точно эта философская мысль была сформулирована старцем Лукой, духовником монастыря Филофей на Афоне «Одну вещь мы призваны, можем и должны изменить. Самого себя. Тому, кто начнёт с этого, всё будет под силу. Меня себя, человек явит и реализует те таланты, которые ему даны Богом. Он и другим поможет изменить себя и победить зло».

На наш взгляд, сегодня даже отчаянным скептикам невозможно отрицать кардинальные изменения, произошедшие в мире за последние десятилетия.

титетия, которые коснулись всех без исключения областей жизни человеческого общества. Человечество очень быстро взрослеет, открывая для себя новые возможности и потенциал технического совершенства. Термин «информатизация» фиксирует не только процесс нарастания информационных потоков в социальную и экономическую жизнь общества. Он обозначает более сложный процесс, определяющий включение сложных информационных технологий в живой социальный организм общества.

Эпоха глобальной информации создала, с одной стороны, определённый набор жизненных ориентиров, благодаря которым в обществе сформировались иные стиль и образ жизни «одномерного человека» (Г. Маркузе), перешагнувшего порог XX в. Отказывая в «демонической природе» современной технике, М. Хайдеггер допускал формирование ситуации, в которой человек станет средством достижения цели для самого себя. К. Ясперс рассматривал человека техногенной эры как своеобразный вид сырья, требующего особой обработки. Представители современной европейской философской школы придают технике глубокий мировоззренческий смысл. В философских исследованиях Э. Агасси, Л. Мэмфорда, Ж. Эллюля техника рассматривается как совокупность рациональных методов, эффективных применительно ко всем областям человеческой деятельности.

Однако обратным результатом прогрессивных технических изменений в современном обществе является намеренный уход современного Homo sapiens от моральных ценностей, обернувшихся в реальной повседневности равнодушием, черствостью к другому человеку, его проблемам, тревогам, заботам и бедам. Потребление становится высшим законом, диктующим человеку новый жизненный эквивалент, определяемый степенью полезности предмета в выстраиваемой глобальной системе потребления. При этом было бы неправильным признавать лишь механическую подмену человеческих отношений вещами. В концепции современного общества потребления, предложенной Ж. Бодрийяром, между людьми продолжает повторяться скудно-схематичная, замкнутая идея отношений, вытеснившая идею переживания отношений [1].

Не менее болезненным проявлением кризисного состояния современного общества стал его переход в фазу нетабуированной свободы человеческой личности, граничащей с произволом [5]. Пример нетабуированной свободы, по сути трансформированной в принцип кругового зла,

можно обнаружить в рассказе Хоси Синъити «Эй, выходи!». Героями рассказа становятся жители японской деревушки, которые с легкостью выбрасывают в загадочную дыру, образовавшуюся рядом с поселением, камни, мусор, а потом — и ядерные отходы, не догадываясь, что это портал в будущее, ведущий к их потомкам [21].

Герои рассказа Хоси Синъити лишены способности понимания «Другого». В этом кроется одна из трагедий существующего мира. В творчестве поэта-философа Рильке мы обнаруживаем еще один пример осознания индивидом неизбежности сосуществования с иными индивидами — в широком поле общения потребность в понимании. «Мы смотрим на жизнь как будто из окна. Люди для нас — отдаленнее, чем вещи. Никто не живет своей собственной жизнью. Возможно, где-то существует склад, в котором все эти непрожитые жизни накапливаются в виде носилок, щитов, колыбелей, которыми никто никогда не пользовался. В конечном итоге все дороги ведут к этой свалке непрожитых жизней. Это напоминает тюрьму без окон. Ворота с железными засовами и решетками, преграждающие путь. И эти решетки созданы людьми» [9].

В своеобразии человека, как замечает в своем исследовании Н. Элиас, есть много общего с другими животными [16]. Но то, что не в последнюю очередь отличает людей от других существ, будь то муравей или обезьяна, — это способность к духовному пониманию «Другого», в начале XX столетия сфокусированная в философской категории «интерсубъективность».

Как отмечает А.П. Огурцов, сегодня в общественном сознании существует весьма опасное заблуждение относительно генезиса категории «интерсубъективность». Ряд исследователей связывают ее с феноменологическим анализом восприятия человеком собственного «Я», своей телесной составляющей, аналогичной представлениям о сознании и телесной сущности «Другого». Но категория «интерсубъективность» не ограничивается лишь поиском человеком своего собственного «Я», лежащим в основе человеческой природы. «Интерсубъективность — феномен социальной психологии, фиксирующей и анализирующей межличностные феномены, возникающие в ходе коммуникаций. В ней находит свою почву социальность. В ней она коренится. Из нее она может только и возникнуть, черпать свои ресурсы, возможности, перспективы развития. Без нее социальность превращается в надличностную, трансцендентную “соборную коллективность”». Интер-

субъективность позволяет осмыслить взаимоотношения между индивидуальным творчеством и надличностной, социальной общепризнанностью результатов творчества» [8, с. 243].

Один перечень социальных проблем современного общества — эвтаназия, аборт, самоубийство, отношение к физически ограниченным людям, старикам, одиноким — заставляет нас осознать трагическую сущность человеческого существования. Именно трагедии и несчастья человеческой жизни, боль и страдания, переживаемые человеком, ориентируют общество на необходимость осмысления одной из главных философских проблем, сформировавшейся в глубинных исторических пластах, — проблемы понимания человеческой природы, выступающей ключом к осмыслению сущности человеческого бытия.

Обращаясь к термину «человеческая природа», мы обнаруживаем ее парадоксальность. Мы легко объясняем свои промахи и дурные поступки, ищем оправдание преступлениям и насилию. Однако точно так же термин «человеческая природа» помогает нам возвышать человека, делая его равным Богу и героям. По мнению Св. Августина, «человеческая природа» проявляется в преобладании над всеми другими способностями себялюбивого начала, вступая в борьбу с осознанием человеком предопределенного природой собственного несовершенства. Лишь осознание человеком собственного несовершенства открывает перед ним путь к поиску в себе самого себя.

Человеческая природа предполагает активность конструктивного воображения, проявляющегося в буквальном смысле через необходимость формирования личного суждения человека о самом себе, своем собственном «Я», а также и в принятии суждений окружающих людей, содержащих как поощрение, так и порицание. Лишь в этом сложном опосредованном и не опосредованном процессе происходит становление человеческой личности. В философии такого рода размышления подвергались рефлексии еще со времен Античности. Тем не менее, лишь в XX в. человек приходит к осознанию кажущейся лишь на первый взгляд парадоксальной мысли: чтобы понять себя, следует обнаружить в себе «Другого», чтобы уйти от него, уйти, чтобы вернуться к своему подлинному «Я» — и чтобы вновь сделать шаг навстречу «Другому», вступив с ним в коммуникацию.

С. Франк двойственно понимает сущность человеческой природы. Человек, пишет в своем исследовании С. Франк, принадлежит по своей природе к двум мирам — к Богу и к миру; его сердце

есть точка скрещивания этих двух сил [14, с. 574]. Но человек не может одновременно служить этим двум силам. Тот, кто отрекается всецело от мира, от всего того в мире, что не согласуется с Богом, выбирает для себя кратчайший и труднейший путь, обретая оправдание смысла своей жизни. Этим путем идут отшельники и святые. Большинство же из живущих людей, чье жизненное предназначение заключено в ином, вынуждены искать смысл жизни через совершенствование «мирских сил в себе и вокруг себя». Другими словами, человек оказывается в действительности не только включенным в мир, полный соблазнов и жестокости. Этот «злой мир» человек несет в самом себе, не имея ни мужества, ни силы воли, чтобы убежать из него.

В сущности, чтобы вырваться из мира зла в самом себе, человек должен отважиться на борьбу со всем миром внутри себя, обнаруживая не меньшее мужество и героизм, чем «наиболее героический солдат на войне». Но всегда ли человек готов обнаружить в себе этот величайший духовный подвиг? Понятен ли нам сегодня подлинный смысл стояния Серафима Саровского на камне 1000 дней и ночей?

Однако и личный нравственный подвиг, на наш взгляд, не способен приблизить человека к абсолютному добру. Стремясь к совершенствованию собственной природы как к естественно необходимому развитию, человек открывает для себя свою природную ограниченность. С этого момента жизнь утрачивает свой первоначальный смысл, она становится бессмысленной, принимая образ замкнутого круга, вступив в который, человек роковым образом возвращается к исходной точке своего пути. В этом вечном вращении Ф. Ницше обнаруживал одну единственную тему: мировой процесс есть всего лишь вечное повторение одного и того же. Человечество стремится создать что-либо новое в мире, не понимая своего бессилия перед ним.

Вопрос о бессмысленности жизни, лишенной понимания, раскрывается в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: «Ты думаешь все про теперешнюю землю. Да, ведь теперешняя земля, может, сама биллион раз повторялась; ну, отсиживалась, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала; опять вода, яже бе над твердию; потом опять комета, опять солнце, опять из солнца замля; ведь это развитие, может, уже бесконечно повторялось и все в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая» [2].

Однако в глубине, в первооснове своей жизни человек не одинок. Он связан с другими людьми

мерой ответственности, соучаствуя в коллективной жизни и несет налагаемые этой жизнью обязанности, определяемые установкой культуры.

Установка культуры на познание человеком самого себя — величайшая из творческих задач. Ее осмысление — дело философии, которая формирует для этого свой специальный язык. В нем находится место для понятий, обозначенных словами нашего родного языка, но их смысл оказывается не очевидным. Человек как существо практическое, деятельное реализует возможности своего творчества в конкретных условиях природного и культурного бытия в структуре наличной цивилизации.

Практика человека, направленная на реализацию его потребностей, предполагает освоение человеком мира, его природного и культурного бытия, в процессе которого изменяется и человек. Опыт освоения мира человеком эволюционирует, изменяется его содержание и формы. Многообразие форм опыта — относительно устойчивый аспект культуры, осваивая которую, люди вступают в отношения друг с другом.

Действия человека, непосредственно инициированные его потребностями и интересами, направлены с необходимостью на общение с другими людьми. Общение людей, основанное на практическом бытии, предполагает диалог, который ведет к тем или иным видам и уровням понимания и взаимопонимания. По мнению Т. Фукса, диалоговая культура является основой социализации и воспитания человека, закладываемая ещё в детском возрасте [19].

Философский анализ понимания предполагает также определенность идеи самого философского анализа. Он формировался в историческом бытии философского мышления в направлении к дифференциации и структурированию философского мышления, в котором исторически сложились группы проблем, имеющих концептуальное единство. Они получили название метафизики, онтологии, аксиологии, гносеологии, методологии, праксиологии. Эти общеполитические системы анализа применяются в осмыслении конкретных областей действительности — природы, человека, общества, истории, культуры, многообразие ее форм. Философский анализ может быть применен к постижению таких форм опыта субъект-субъектных отношений, как понимание, которое функционирует в качестве принципов бытия и познания, знания и культуры в целом.

Метафизический анализ позволяет выявить мировоззренческие презумпции понимающего познания, выполняющие функции предположения,

формирующие предельные семантические контексты, в структуре которых осуществляется деятельность понимающего познания. Монистические философские системы как материалистического, так и идеалистического типа задают такого рода мировоззренческие презумпции. В философском материализме концепция понимания как познания сознания осмысливается так, что предметом понимания оказывается сознание других людей, мое сознание и все проявления сознания людей, объективированные в символических формах культуры.

В монистическом идеализме гегелевской философии, например, предмет понимания захватывает не только все множество конечных духов, но и бытие идеи в целом как познающей самое себя субстанции — субъекта. Тема понимания здесь становится предельно универсальной, а задача понимания интерпретируется как конечная цель познавательной активности. Предметом понимания является внутренний мир личности, которому свойственны такие проявления, как способность выбирать, принимать решения, способность желать. Осмысление внутреннего мира личности привело к пониманию соотносительности таких понятий и их предметных областей, как свобода выбора и способность желания [12, с. 30].

Отношение понимания-непонимания является выражением проблематизированности практического и духовного бытия людей, выражением динамики возникновения, осмысления и разрешения проблем человеческого бытия. Онтологическое содержание понимания-непонимания имеет свой феноменологический уровень, т.е. многообразие способов проявления отношений понимания-непонимания в жизнедеятельности человека и общества, социальных групп и государства, в жизнедеятельности человечества в целом. Осмысливание феноменологии понимания-непонимания подчинено ориентации аксиологического типа, фиксирующей ценность понимания в бытии многообразных субъектов деятельности. Исследование понимания как ценности культур, как ценностной ориентации субъектов деятельности — задача аксиологического анализа понимания как атрибута человеческого бытия. Философско-аксиологический анализ понимания состоит в применении категориальных структур философской аксиологии к осмыслению статуса ценностного отношения в структуре и генезиса понимания. Доминантными здесь являются категории ценностного отношения, ценности, оценки, идеала, нормы, которые взаимосвя-

заны с категориями телеологического анализа деятельности, в первую очередь с категорией цели.

Культура, ориентированная на понимание, формирует многообразие норм поведения, общения и деятельности, которые продвигают общество к легитимации отношений, обеспечивающих взаимопонимание. Ценность понимания в культуре получает операциональное обоснование в системе норм диалогового общения, в системе норм, ведущих к поиску согласия. Эмоции и переживания субъектов так же, как и ценности, влияют на коммуникативную продуктивность диалога и процесс понимания [20].

В обществах, переживающих глубокий кризис, важна переоценка всех ценностей и целей, идеалов и норм, оценок, взаимосвязь которых составляет аксиологическое содержание культуры данного общества. Особое значение для консолидации общества имеет осознание высших ценностей. При этом в истории культуры, как и в истории познания, заметна тенденция движения от абстрактного к конкретному, от абстрактных ценностей, смысл которых допускает абстрактно многообразное толкование, к ценностям конкретным, к идее высшей ценности человеческого бытия, ценности бытия конкретной человеческой личности.

Аксиологический анализ показывает, что реально функционирующая система ценностей наличной культуры является одним из необходимых условий понимания и взаимопонимания в контексте культуры. Интеллектуализация понимания может противостоять тенденции истолкования понимающего познания как интуитивного постижения предмета понимания. Оппозиция рационализма или иррационализма применима к толкованию гносеологического содержания понимания в историческом бытии философии. Так, в рационалистически ориентированной философии Декарта утверждается, что своим пониманием мы обязаны разуму. В интуитивистском истолковании познания, видящем в интуиции единственное средство достоверного познания, понимание сближается с интуитивным познанием. Так, по мнению Р. Барнарда, одним из факторов, способствующих пониманию, является интуиция [17].

В гносеологии философского прагматизма понимание истолковывается с точки зрения учения о практической природе познания. Гносеологическое исследование всеобщих условий и возможностей понимания приводит к рассмотрению понятия предмета понимания, с выявлением методов понимания, адекватных его предметным областям. По мнению Р. Фрега, в социальной фи-

лософии эта задача может быть решена благодаря обращению к трем моделям: аналитической, критической и прагматической [18, р. 4].

Так, очевидно, что методы познания моего собственного сознания могут отличаться от методов познания других людей, от методов познания сознания, деятельностно объективированного в символических формах культуры. Понимание может выступать важнейшим методом познания сознания другого человека, основным методом достижения взаимопонимания между людьми, действующими в наличной ситуации.

В русской религиозной философии феномен понимания раскрывается в философских работах Василия Розанова. В. Розанов наделял понимание качеством непостижимости, неприменимым для практических целей. Не понимание принадлежит человеку, а человек принадлежит пониманию. «Всматриваясь в природу человека, мы даже можем понять, что такое — это уже не относительное более совершенство. Вся природа человека есть нечто как бы недоконченное, несовершенное. Она вся в стремлении и в способности, но не в осуществлении того, к чему стремление и способность» [10, с. 487].

И в ранних произведениях А.П. Чехова, творчество которого сегодня оценивается как предтеча ряда философских течений начала XX в., феномен понимания возводится в статус важнейшей проблемы человеческого существования. Чеховские герои решают проблему понимания–непонимания подобно шекспировскому герою «быть или не быть». «Человек такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом — и в то же время совсем не знать людей», — размышляет герой А. Чехова Иванов [15]. Поздний А. Чехов «смыкает» феномен понимания с поиском веры и поиском «Бога живого человека». «Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки, в которых все условно, а желания. Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты», — размышляет один из чеховских героев. Феномен понимания переносится писателем на уровень простых, обыкновенных чувств.

В этом противостоянии понимания–непонимания мы обнаруживаем подлинные истоки интерсубъективности, допускающей экстерио-

ризацию личностных установок, столкновение убеждений, вкусов, предпочтений, способствующих достижению согласия между всеми участниками коммуникации. Благодаря подобному столкновению, приводящему к ситуации консенсуса между субъектами, достигается проекция убеждений двух личностей, в которой отсутствуют предпочтения убеждениям одной из сторон. Человек становится человеком, когда его понимают — это одна из главных слагаемых, формирующих основу человеческого бытия.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 511 с.
3. Кули Ч. Социальная самость // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 314–327.
4. Лиотар Ж.-Ф. Заметки о смыслах «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 56–59.
5. Никитин С.В. «Человеческая природа» и эгоизм в философии И. Канта // Философия Канта и основания практической философии. Саратов: Новый проект, 2013. 240 с.
6. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
7. Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философских исследований // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 1(34). С. 58–69.
8. Огурцов А.П. Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки. Вып. 14: Онтология науки. М.: ИФ РАН, 2009. С. 235–247.
9. Рильке Р.-М. Новые стихотворения. М.: Наука, 1977. 543 с.
10. Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ред. и коммент. В.Г. Сукачева, вступ. ст. В.В. Библикина. М.: Та-наис, 1995. 804 с.
11. Свифт Д. Путешествие Лемюэля Гулливера. Путешествие в страну гуингнмов. М.: Дет. лит., 1980. 511 с.
12. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Аникин Д.А., Фе-дин Д.С. Институализация и ценностные ориен-тации молодежи в обществе риска. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. 208 с.
13. Философия: энциклопед. словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
14. Франк С. Смысл жизни // Смысл жизни: антоло-гия. М.: Прогресс–Культура, 1994. 592 с.
15. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1986. Т. 12. 327 с.
16. Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001. 336 с.
17. Barnard R. Philosophy as continuous with social science? // Metascience. 2014. Vol. 23. Issue 1. P. 153–156.
18. Frega R. Between Pragmatism and Critical Theory: Social Philosophy Today // Human Studies. 2013. P. 1–29.
19. Fuchs T. The phenomenology and development of social perspectives // Phenomenology and the Cog- nitive Sciences. 2013. Vol. 12. Issue 4. P. 655–683.
20. Gallagher S., Varga S. Social Constraints on the Direct Perception of Emotions and Intentions // To- poi. 2014. Vol. 33. Issue 1. P. 185–199.
21. Shinichi Hoshi. Osekkaina kamigami. Tokyo: Shin- chosya, 1979. 282 p.

Получено: 14.07.2014.

References

1. Baudrillard J. *Sistema veschej* [The system of ob- jects]. Moscow, Rudomino Publ., 1999, 224 p. (In Russian).
2. Dostoyevsky F.M. [The Brothers Karamazov]. *Pol- noe sobraniye sochinenij: v 30 tomakh* [Complete set of works in 30 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 14, 511 p. (In Russian).
3. Cooley Ch. [Social Consciousness]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, pp. 314–327. (In Russian).
4. Lyotard J.-F. [Notes about meanings of «post-»]. *Inostrannaya literatura* [Foreign literature]. 1994, no 1, pp. 56–59. (In Russian).
5. Nikitin S.V. [«Human nature» and egoism in Kant's philosophy]. *Filosofiya Kanta i osnovaniya prakticheskoy filosofii* [Kant's philosophy and the basics of practical philosophy]. Saratov, Novyj proekt Publ., 2013, 240 p. (In Russian).
6. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 tomakh*. [New philosophical encyclopedia in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 634 p. (In Rus- sian).
7. Ogurtsov A.P. [Intersubjectivity as a field of phi- losophical research]. *Lichnost. Kul'tura. Ob- schestvo* [Personality. Culture. Society]. 2007, no 1(34), pp. 58–69. (In Russian).
8. Ogurtsov A.P. [Intersubjectivity as a problem of philosophy of science]. *Filosofiya nauki 2009, vy- pusk 14: Ontologiya nauki* [Philosophy of science 2009, no 14: Ontology of science]. Moscow, Insti- tute of Philosophy of Russian Academy of Science Publ., 2009, pp. 235–247. (In Russian).
9. Rilke R.M. *Novye stikhotvoreniya* [New poems].

- Moscow, Nauka publ., 1977, 543 p. (In Russian).
10. Rozanov V.V. *O ponimani: Opyt issledovaniya prirody, granits i vnutrennego stroeniya nauki kak tsel'nogo znaniya* [Concerning understanding: Research experience of nature, borders and internal structure of science as the entire knowledge]. Moscow, Tanais Publ., 1995, 804 p. (In Russian).
 11. Swift J. *Puteshestvie Lemuelya Gullivera. Puteshestvie v starn guignnmov* [Gulliver's travels. A voyage to the country of the houghnms]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 1980, 511 p. (In Russian).
 12. Ust'yantsev V.B., Orlov M.O., Anikin D.A., Fedin D.S. *Institualizatsiya i tsennostnye orientatsii molodyozhi v obschestve riska* [Institutionalization and youth' system of values in risk society]. Saratov, Saratov State University Publ., 2010, 208 p. (In Russian).
 13. *Filosofiya: entsiklopedicheskij slovar'* [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 1072 p. (In Russian).
 14. Frank S. [Sense of life]. *Smysl zhizni: Antologiya* [Sense of life: anthology]. Moscow, Progress-Kul'tura Publ., 1994, 592 p. (In Russian).
 15. Chekhov A.P. *Polnoe sobraniye sochinenij i pisem: v 30 tomakh*. [Complete set of works and letters: in 30 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1986, vol. 12. 327 p. (In Russian).
 16. Elias N. *Obschestvo individov* [The society of individuals]. Moscow, Praxis Publ., 2001, 336 p. (In Russian).
 17. Barnard R. Philosophy as continuous with social science? // *Metascience*. 2014, vol. 23, issue 1, pp. 153–156.
 18. Frega R. Between Pragmatism and Critical Theory: Social Philosophy Today // *HumanStudies*. 2013, pp. 1–29.
 19. Fuchs T. The phenomenology and development of social perspectives // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2013, vol. 12, issue 4, pp. 655–683.
 20. Gallagher S., Varga S. Social Constraints on the Direct Perception of Emotions and Intentions // *Topoi*. 2014, vol. 33, issue 1, pp. 185–199.
 21. Shin'ichi Hoshi. *Osekkainakamigami*. Tokyo: Shinchosya, 1979. 282 p.

The date of the manuscript receipt: 14.07.2014.

FROM UNDERSTANDING TO INTERSUBJECTIVITY: EXPERIENCE OF THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

Mikhail O. Orlov

*Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky;
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia*

Alla A. Alebastrova

*Professional teacher training college of the Saratov State Technical University named after Y.A. Gagarin;
15, Sakko & Vantsetty str., Saratov, 410056, Russia*

Speaking about value of a phenomenon of understanding of an intersubjectivity in experience refraction of a social and philosophical reflection, authors formulate and prove an idea of the social and philosophical analysis of understanding and intersubjectivity as categorial forms of experience of interaction. The research contains a hypothesis that understanding and intersubjectivity are the principles of life of the person and society. Understanding and intersubjectivity consideration as the philosophical categories forming structure of interaction, gives the chance of their application to judgment of all social processes in human society. The given concept of the philosophical analysis of understanding and intersubjectivity is carried out through identification of metaphysical, ontological, axiological, emistemological, methodological, praxeological grounds.

Key words: understanding; intersubjectivity; dialogue; technogenic civilization; «technosphere» informatization; «The Other»; experiences; human nature; one-dimensional person.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Орлов М.О., Алебастрова А.А. От понимания к интерсубъективности: опыт социально-философской рефлексии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 25–32.

Please cite this article in English as:

Orlov M.O., Alebastrova A.A. From understanding to intersubjectivity: experience of the social and philosophical reflection // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 25–32.

УДК 141.333:572

ТЕМА ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ (ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА)*

Горбачев Владимир Григорьевич

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры философии

Брянский государственный университета им. акад. И.Г. Петровского

241036, Брянск, ул. Бежицкая, 14

e-mail: vladi.gor@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы познания человека в советской философии, особенности исследовательского подхода. Автор выдвигает тезис о том, что в советской философии имел место социоцентризм, понимание человека как существа, природа которого по преимуществу обусловлена влиянием социальной среды. По мнению автора, этот подход был связан с ограничением дискуссий в философии и трудностями появления новых познавательных парадигм. Автор признает, однако, что познание человека в советской философии актуализировало ряд проблем (структура человека, роль человека в обществе, призвание человека и иные), что способствовало возникновению в итоге философской антропологии как относительно самостоятельной области знаний в общей структуре философии.

Ключевые слова: личность; советская философия; социоцентризм; философская антропология; человек.

Сегодня в российском обществе актуализируются проблемы, связанные с его духовным самоопределением, с поиском смысловых ориентиров дальнейшего развития. В связи с этим возрастает и значение отечественной философии. На наш взгляд, в ней можно и нужно искать ответы на вопросы, касающиеся самоопределения современного общества, поиска путей и форм его дальнейшего развития.

Мировое значение русской философии обусловлено, в частности, наличием в ней прочной антропологической традиции, т.е. непреходящим интересом к проблеме человека в различных ее аспектах. Можно сказать, что данная традиция предстает как *философская антропология в ее национальной форме*. Значение этой традиции состоит не только в глубоком постижении уже известных, устоявшихся во времени проблем, но и в открытии и осмыслении новых философско-антропологических проблематик.

Можно сказать, что основное в русской антропологической философии — это в конечном счете

проблема освобождения и возвышения человека, традиционно рассматриваемая и во внешнем аспекте (преобразование общества и его институтов), и в аспекте внутреннем (преобразование духовного мира человека). Данная проблема, имеющая, надо это отметить, общечеловеческий характер, в России по ряду причин (например, в силу долгих столетий крепостного права и деспотичных политических режимов) всегда имела масштабный, «застойный» и поэтому очень острый характер. Она настоятельно требовала своего разрешения, и философская мысль искала пути этого, призывая русского человека либо к активному социальному переустройству (что свойственно для философии политического радикализма), либо к совершенствованию самого себя, утверждению добра (это более характерно для религиозной философии).

Реализуемые в отечественной антропологической традиции принципы носят достаточно обширный характер. Взятые вместе, они обозначают и раскрывают содержание и особенности данной

* Мнение редколлегии не совпадает с мнением автора статьи.

традиции. Обобщая, скажем, что эти принципы могут быть сформулированы следующим образом:

– Богатство познавательных подходов и типов философских учений о человеке. Заметим, однако, что речь в данном случае (т.е. о разнообразии) идет в основном о XIX в. как времени расцвета русской философии, классическом периоде в ее истории.

– Восприятие человека как универсальной целостности, органичного единства всех сторон его природы, всей его жизни как единства духовного и практического в ней. Это — воспроизведение принципа универсализма познания применительно к философии человека.

– Постоянное внимание к тем проблемам, которые типичны для всей мировой философско-антропологической традиции (природа человека, соотношение души и тела, смысл его жизни, смерть и бессмертие и т.д.).

– Выделение в человеке прежде всего духовных качеств, которые рассматриваются как основные характеристики его личности (это характерно, например, для русского персонализма).

– Углубленный интерес к человеческому существованию, выделение среди всей экзистенциальной проблематики проблемы смысла жизни человека. Заметим, что особый вес данная проблематика занимает и в классической художественной литературе.

– Непосредственное обращение к конкретному человеку, находящемуся в трудной жизненно-практической ситуации, внимание к проблемным условиям его существования.

– Протест против угнетения и эксплуатации человека, негуманного отношения к нему, против социальной несправедливости, поиск путей его реального освобождения.

– Первенство духовных начал в жизни человека над вещными, утилитарными ориентациями, критика вещиизма и потребительства как неприемлемой жизненной установки и образа жизни.

– Высокая оценка социального активизма, т.е. установки на активное служение обществу и государству, поддержка альтруизма и самопожертвования, неприятие эгоизма.

– Призыв к человеку заниматься своим нравственным усовершенствованием, формирование образа «нового» человека.

– Гуманизм и гуманность, внимание и сочувствие к «униженным» и «оскорбленным», к отвергнутым и невостребованным, защита так на-

зываемого «маленького человека», сострадание с нему.

– Наличие антропологической проблематики в разного рода «неантропологических» философских течениях (например, в философии русского космизма, в социальной философии).

– Признание первенства общечеловеческих ценностей над ценностями индивидуальными, социально-классовыми и национальными, проповедь ненасилия в отношениях между людьми, обращение жить по совести.

– Нравственно-этический пафос антропологических учений, призыв к человеку творить и отстаивать Добро, находя в этом подлинный смысл своего существования.

– Единство человека с другим человеком, с обществом, с окружающим миром в целом как выражение всеединства, единства всего сущего.

– Опора в познании человека на материал частных наук, особенно — естественных (например, в русском материализме).

– Рассмотрение футурологических аспектов проблемы человека, предвестие грядущего антропологического кризиса в мире.

Исследование антропологической традиции в русской философии показывает, что в ее содержании представлены и рассматриваются практически все проблемы, относящиеся к предметному полю философской антропологии, — начиная с сущности человека и заканчивая вопросом о перспективах его существования. Можно сказать и по-иному: в ней имеют место важнейшие типы философских учений о человеке (например, космоцентризм, теоцентризм, социоцентризм и иные). Проблемное поле отечественной философии человека носит, по сути дела, всеохватывающий характер. В русской философии нет безусловно доминантного образа человека, а напротив — существует многообразие этих образов, представленных в различных философских течениях и учениях. В связи с этим можно сказать, что отечественная философия человека — это воплощенное многообразие, смысловой универсум.

По сути дела, в русской философии имеет место *универсальный антропологизм* как познавательная традиция, которая являет собой восприятие человека в полноте его мысленного образа — как в аспекте его сущности, так и в аспекте реального существования. Если сказать кратко, *универсальный антропологизм — это традиция всеохватывающего постижения человека как многомерной целостности средствами философского познания*. Мы считаем ее ведущей традици-

ей в русской философии. Это означает, что русская философия человека силой своего притяжения в определенной мере вовлекает в сферу своего влияния иные области философского знания (например, онтологию, социальную философию) и «ведет» их за собой, увлекает их. На наш взгляд, учет этой традиции крайне необходим при изучении истории отечественной философии в единстве ее содержания и специфики. Мы полагаем также, что от этой традиции следует отталкиваться и при оценке советской философии как специфической формы отечественного философского опыта. Советская философия *существовала*, и она требует объективной и справедливой оценки.

Существует точка зрения, что философия советского периода в значительной степени выпадает из общей логики развития отечественной философии. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться. Об этом мы судим хотя бы по тому, в какой степени была представлена в ней антропологическая проблематика, традиционная для философии как таковой. «Выпадение» это было обусловлено в конечном счете теми политическими, идеологическими и иными условиями, которые сложились и существовали в советское время и которые определяли развитие философии.

Если мы хотим понять советскую философию, то ее непременно следует рассматривать в общем контексте политико-идеологического режима общества того времени, влияния социальных институтов. Эта философия определялась влиянием прежде всего со стороны правящей партии. Со своей стороны своими возможностями (апологетика строя и т.д.) философия способствовала легитимизации данного режима и его сохранению. Такая взаимосвязь вела, во-первых, к сращиванию идеологических постулатов и философских идей, их неразделённости в рамках единого *идео-комплекса*. Во-вторых, ведущая роль в обществе политических институтов порождала высокую степень политизации философии, подчинение ее основным установкам официальной власти. В итоге философия стала играть подчиненную роль, которая в советском обществе рассматривалась не как «царство свободной мысли», а как особого рода «оружие» — как «философский фронт», задачи для которого ставились извне — со стороны идеологических и политических институтов общества. Его основная задача, как гласили, например, материалы XXII съезда КПСС, — «служить идейным оружием в борьбе масс за претворение в

жизнь величественной программы построения коммунизма» [1, с. 15].

Такая узкая «специализация» советской философии (роль «идейного оружия»), по нашему мнению, породила в итоге ее глубоко отчужденное состояние. Это отчуждение имело место по отношению ко многим традициям русской философии, по отношению к художественной литературе, по отношению к традициям зарубежной философии (в том числе — к «раннему» Марксу), к достижениям науки своего времени. Так, в одной из работ именитого автора (в ответ на робкие попытки сформировать в советской философии антропологическое направление) безапелляционно утверждалось, что «...социализм не нуждается во “внесении” гуманизма: социализм глубоко гуманистичен, ибо он уничтожает эксплуатацию человека человеком. Он гуманистичен даже тогда, когда для его победы люди жертвуют жизнью и проявляют беспощадность к врагам, которые не сдаются. Он гуманистичен и тогда, когда ценой необычайных лишений, в упорной борьбе со старым воздвигается здание нового общества» [14, с. 255]. Это и есть то, что мы полагаем: противопоставленность советской философии иному исследовательскому опыту как проявление ее отчужденного состояния.

Эта противопоставленность советской философии особенно зримо проявлялась в ее постоянных попытках критики зарубежной (западной) философии как якобы реакционной, буржуазной по своим социальным истокам. Пожалуй, в наибольшей степени данная критика касалась философии экзистенциализма, которая затрагивает коренные проблемы бытия человека — свободу, смысл жизни, смерть и т.д. Советские авторы характеризовали экзистенциализм, как «мертворожденное детище современной буржуазной идеологии, в его схоластике нет жизни, он несет яд идейного разложения буржуазии» [13, с. 182]. У него будто бы нет будущего, а его представители «играют жалкую роль трубадуров» реакционных сил современности [13, с. 182]. Экзистенциализм, как говорили о нем даже официальные советские философы, «изображает человека как одинокое и заброшенное в мире существо, весьма напоминающее беспомощную муху, запутавшуюся в паутине» [11, с. 286]. Его представители, по сути, антикоммунисты, апологеты капитализма.

Общие оценки советской философии (а оценки эти, подчеркнем, мы не вправе игнорировать, обходить стороной и ее достижения) не должны, однако, уводить нас в сторону от главных для нас

вопросов. В какой мере представлена в ней тема человека? Как именно она раскрывается? Что представляет собой идея и образ человека в философии советского периода? Отвечая на эти вопросы, мы будем исходить из факта отсутствия в советской философии антропологического направления как относительно самостоятельного в общей структуре философского знания. Мы сможем говорить лишь о *возникновении* такого направления, но и то лишь применительно к позднему периоду в истории советской философии. Отсутствие такого направления — одно из проявлений отчужденного состояния советской философии.

Применительно к познанию человека в советской философии имело, на наш взгляд, место безусловное господство одной исследовательской парадигмы — *социоцентризма*. В существовавших в то время социальных, идейно-политических условиях она выступала как монопарадигма, не допускающая по отношению к себе идейных альтернатив. Можно даже сказать, что это — абсолютный социоцентризм, когда человек не мыслится в отрыве от общества, а природное начало в нем фактически игнорируется. Абсолютный социоцентризм означает безусловный примат общества, социальной среды над человеком. Иной подход рассматривался в советской философии как грубейшее нарушение «методологической дисциплины», чреватое разного рода санкциями. Неудивительно, что в философских построениях в качестве основной рассматривалась тема «Личность и общество», а роль ведущей стороны неизменно отдавалась обществу.

Господство абсолютного социоцентризма проявило себя еще и в том, что проблема человека, если она и затрагивалась, то рассматривалась не в рамках самостоятельной области знания (философия человека), а в рамках исторического материализма как социально-философской теории марксизма. Такой незавидный «удел» антропологической проблематики изначально обуславливал ее несамостоятельность в общей структуре философского знания, подчиненный по отношению к социальной философии (в лице исторического материализма) характер.

Одним из проявлений абсолютного социоцентризма явился особый статус проблемы личности в советской философии как проблемы центральной. Она выступает как объект повышенного интереса, поскольку в личности (коммунистического типа) видели торжество формирующейся новой формации — коммунизма, ее концентрированный итог, невиданный ранее в истории про-

дукт социальности. В многочисленных работах советского периода (особенно часто они стали выходить после XXII съезда КПСС, принявшего программу развернутого строительства коммунизма) рассматривалась проблема проектирования коммунистической личности, определялись пути реализации этого великого проекта.

Среди различных работ выделялась монография Г.Л. Смирнова, в которой автор попытался придать исследованию проблематики «новой» личности фундаментальный характер. В этой работе есть все, что характерно для парадигмы абсолютного социоцентризма: положение о социальной сущности человека, анализ объективных предпосылок социалистической личности, раскрытие ее социального (прежде всего — классового) облика, рассмотрение антиобщественных типов личности, выделение труда как основной смысложизненной ориентации, обозначение идейных черт «новой» личности, постановка актуальных проблем идейно-политического воспитания, критика буржуазных концепций и т.д. Словно резюме звучит следующий тезис автора: *«социалистическая личность выступает как идейная личность, ставящая на первое место общественный интерес, разделяющая цели и принципы коммунистической идеологии»* [10, с. 234].

В работах по теории личности всегда очень большое внимание уделялось критике индивидуализма как глубоко порочной жизненной установки и образа жизни, развенчивалось потребительство как проявление мещанства, всячески развенчивался буржуазный тип личности. Считалось, что индивидуализм — это основной враг коллективизма как важнейшей черты социалистической личности, и поэтому в его адрес критики было предостаточно. Индивидуализм, пишет один из авторов, — это «нечто оскорбляющее человека, его внутреннюю сущность. Индивидуализм по своей природе мелочен, холоден, он не знает иных человеческих отношений, кроме холодного эгоистического расчета» [6, с. 58]. Автор убежден, что индивидуализм — это «остаток зверя» в человеке, формирующий опустошенность духовного мира личности, но уже скоро придет то время, когда «последние остатки индивидуализма сгорят в пламени раскаленной энергии народа, исчезнут из нашей действительности...» [6, с. 58–59].

По сути дела, речь шла о формировании, по словам известного советского философа-диссидента А.А. Зиновьева, «сверхчеловека» коммунистического типа [3, с. 532–536]. Уста-

новка на такую задачу рождала мифотворчество, разного рода иллюзии. В общественное сознание вбрасывалась явно утопическая идея о том, будто бы в условиях грядущего коммунизма люди смогут «буквально формировать гениальных ученых, инженеров, музыкантов, художников, писателей», а воспитатели и педагоги «станут в полном смысле слова производительной силой, они будут ответственны за создание необходимого количества талантливейших специалистов для самых различных областей хозяйства, науки, жизни вообще» [2, с. 113]. Предполагалось, что социализм определяет даже «качественно новую сущность человека: быть творцом исторически новых отношений» [4, с. 23].

Тема личности была столь же широко представлена и в рамках *научного коммунизма* — новой учебной дисциплины для вузов и системы партийной учебы, программа которой была разработана в 1962–1963 гг. Основной в научном коммунизме стала идея всестороннего и гармоничного развития личности как активного участника строительства коммунистического общества. Складывалось своего рода «разделение труда»: исторический материализм брал на себя разработку философских аспектов проблемы личности в контексте широкой темы «Личность и общество», а за научным коммунизмом закреплялась тема формирования коммунистического типа личности. В специальной литературе по научному коммунизму проблематика коммунистической личности неизменно рассматривалась в контексте процессов идеологической борьбы в современном мире.

По мере развития советского общества тема личности перемещалась в эпицентр идеологической борьбы в отношениях между нашей страной и «капиталистическим окружением». В связи с этим данная тематика занимала очень большое место и в официальной идеологии советского общества, которая носила жестко установочный характер, демонстрируя свое первенство и по отношению к политике, и по отношению к философии тоже. Именно в идеологии провозглашались по отношению к советскому человеку те идеи, которые обретали характер официальной установки-директивы.

В наиболее концентрированной и системной форме все это проявилось в так называемом «Моральном кодексе строителя коммунизма» — небольшом по объему тексте, который был включен в Программу КПСС, принятую в октябре 1961 г. на XXII съезде [7, с. 410–413]. Данный кодекс стал, по сути дела, своего рода библией «нового

человека» как активного и беззаветного строителя нового типа общества. Он выступал как свод норм, которым придавался императивный характер. В последующем разного рода идеи, относящиеся к теме человека (как правило, они касались проблем воспитания, формирования личности) непременно рассматривались на всех съездах КПСС, многих ее пленумах и конференциях. Что же касается философского сообщества, то оно активно занималось комментированием конкретных официальных текстов, развивая тем самым философию в «свете решений» тех или иных партийных форумов.

Заметим, что советская философия была непосредственно интегрирована в практику «общего дела» — строительства коммунистического общества. Она была интегрирована в это дело как один из важнейших элементов идеологической конструкции данного общества. Поэтому и человек с точки зрения этой философии непременно должен быть поглощен этим делом, быть его активным участником. В связи с этим он себе уже не принадлежит — ему не принадлежит ничто в нем, включая даже и его внутренний мир, который (мир) должен быть согласован с этим общим делом. В итоге возникает противоречивая ситуация: человек формально есть, и общество в нем нуждается, но человека фактически нет, поскольку он себе не принадлежит, будучи лишен свободы выбора. Следовательно, *есть общество без человека*, а теоретическим выражением данного обстоятельства является исторический материализм как некая теоретическая конструкция. Судя по всему, такая ситуация сохранялась примерно до конца 50-х гг., когда в философии наметился антропологический поворот.

Советское время было временем радикальной модернизации, в основе которой лежала идеологическая установка на строительство коммунистического общества. В связи с этим в философии приоритетный характер обрела та ее часть, которая была связана с познанием общества. Человек изначально рассматривался не как нечто самодостаточное, а как вовлеченный в поток истории, в процесс создания новой — коммунистической — действительности. Так, согласно «Философской энциклопедии», человека следует воспринимать как «производного от общества, как продукта общественной трудовой деятельности», как социальное существо, «обусловленное общественными отношениями» [12, с. 359]. Полагалось, что коммунистическому проекту должен соответствовать именно «новый» человек, причем соответ-

ствовать этому проекту без личного права на сомнение в истинность этого проекта.

К сожалению, в советский период богатейшая антропологическая традиция отечественной философии по ряду причин оказалась прерванной и преданной забвению. Воспринятое от классического марксизма деление философии на диалектический и исторический материализм не оставляло места для антропологической проблематики как вполне самостоятельной области философствования. Так, в известной статье И.В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», помещенной в 1938 г. в «Кратком курсе истории ВКП (б)», ни одного раза (кроме нескольких цитат классиков марксизма) не употреблялся термин «человек» [5, с. 99–127]. А ведь данная статья, как известно, носила установочный характер, до 50-х гг. определяя и «лицо» советской философии, и ее содержательную сторону.

Разумеется, советская философия не могла полностью обходить стороной тему человека. Но эта проблематика рассматривалась в рамках исторического материализма при осмыслении общих проблем общества и исторического процесса, на фоне массовидных процессов и явлений в обществе. По мере же происходивших в советской философии процессов внутренней дифференциации и ряда объективных и иных обстоятельств эта философия (начиная с рубежа 50–60-х гг.) постепенно поворачивалась лицом к человеку, пытаясь воссоздать его образ [8, 9]. Стали формироваться и иные подходы к познанию человека, создававшие предпосылки для более развернутых и содержательных представлений о нем.

Список литературы

1. XXII съезд КПСС и задачи советской философии // Вопросы философии. 1961. № 11. С. 3–15.
2. Забелин И.М. Человек и человечество. Очерки. М.: Сов. писатель, 1970. 264 с.
3. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: Центр-полиграф, 2000. 69 с.
4. Красин А.Н. Социально-философские проблемы становления коммунистического типа личности: монография. М.: Высшая школа, 1981. 176 с.
5. Краткий курс истории ВКП(б). М.: Госполитиздат, 1938. 348 с.
6. Кряжев П.Е. Общество и личность. М.: Госполитиздат, 1961. 94 с.
7. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1961. 464 с.
8. Мищенко Т.А. Женщины из советских фильмов (по материалам журнала «Советский экран») // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2. С. 132–136.
9. Новожеева И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 163–167.
10. Смирнов Г.Л. Советский человек: Формирование социалистического типа личности. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1980. 463 с.
11. Федосеев П.Н. Диалектика современной эпохи. М.: Наука, 1966. 460 с.
12. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Советская энциклопедия, 1970. Т. 5. 740 с.
13. Чалин М.Л. В плену индивидуализма. М.: Мысль, 1966. 184 с.
14. Чесноков Д.И. Исторический материализм как социология марксизма-ленинизма. М.: Мысль, 1973. 319 с.

Получено: 16.07.2014.

References

1. [XXIInd Communist Party Congress and the aims of the Soviet philosophy]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1961, no 11, pp. 3–15. (In Russian).
2. Zabelin I.M. *Chelovek i chelovechestvo. Ocherki* [A man and a mankind. Sketches]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1970, 264 p. (In Russian).
3. Zinov'ev A.A. *Na puti k sverkhobschestvu* [On the way towards the extrasociety]. Moscow, Tsentrpoligraph Publ., 2000, 69 p. (In Russian).
4. Krasin A.N. *Sotsial'no-filosofskie problemy stanovleniya kommunisticheskogo tipa lichnosti* [Social and philosophical problems of formation of the Communist type of personality]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 176 p. (In Russian).
5. *Kratkij kurs istorii VKP(b)* [Short course of the All-Union Communist Party of Bolsheviks history]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1938, 348 p. (In Russian).
6. Kryazhev P.E. *Obschestvo i lichnost'* [Society and personality]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, 94 p. (In Russian).
7. *Materialy XXII s'ezda KPSS* [Proceedings of the XXIInd Communist Party Congress]. Gospolitizdat Publ., 1961, 464 p. (In Russian).
8. Mischenko T.A. [Women from the Soviet films (adapted from the Soviet ekran journal)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. 2012, no 2, pp. 132–136. (In Russian).
9. Novozheeva I.V. [Marginal type of personality in a country prose of the 1970s (adapted from V.M. Shukshin)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. No 2. P. 163–167.

- darstvennogo universiteta* [Bryansk State University Bulletin]. 2013, no 2, pp. 163–167. (In Russian).
10. Smirnov G.L. *Sovetskij chelovek: formirovanie sotsialisticheskogo tipa lichnosti* [A Soviet man: formation of the socialist type of personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 463 p. (In Russian).
11. Fedoseev P.N. *Dialektika sovremennoj epokhi* [Dialectics of the modern era]. Moscow, Nauka Publ., 1966, 460 p. (In Russian).
12. *Filosofskaya entsiklopediya: v 5 tomakh* [Philosophical encyclopedia: in 5 volumes]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970, vol. 5, 740 p. (In Russian).
13. Chalin M.L. *V plenu individualizma* [Captive by individualism]. Moscow, Mysl Publ., 1966, 184 p. (In Russian).
14. Tchesnokov D.I. *Istoricheskiy materializm kak sotsiologiya marksizma-leninizma* [Historical materialism as sociology of Marxism-Leninism]. Moscow, Mysl, 1973, 319 p. (In Russian).
- The date of the manuscript receipt: 16.07.2014.*

THE THEME OF THE HUMAN BEING IN THE SOVIET PHILOSOPHY
(APPROACH CHARACTERISTICS)
Vladimir G. Gorbachev

*Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovskiy;
14, Bezhitskaya str., Bryansk, 241036, Russia*

The article deals with the issues of the cognition of a human being in the Soviet philosophy and the peculiarities of research approach. The author reveals the thesis of sociocentrism as a predominating paradigm in the Soviet philosophy. In sociocentrism the idea of a human being is that of a creature whose nature is predetermined by the social environment influence. In the author's opinion this limited the development of discussions in philosophy and the appearance of new paradigms in human cognition. However, the author of the article admits that human cognition in the Soviet philosophy have actualized a sequence of issues (a human structure, the role of a person in the society, vocation and others), which, as a result, encouraged the appearance of philosophical anthropology as a relatively independent knowledge sphere in the general structure of philosophy.

Key words: person; Soviet philosophy; sociocentrism; philosophical anthropology; human.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Горбачев В.Г. Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 33–39.

Please cite this article in English as:

Gorbachev V.G. The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 33–39.

УДК 141.333:572

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (О СТАТЬЕ В.Г. ГОРБАЧЕВА)

Лоскутов Юрий Викторович

кандидат философских наук, доцент

доцент кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: yuri-loskutov@mail.ru

Статья является ответом на работу В.Г. Горбачева «Тема человека в советской философии (особенности подхода)». На конкретных примерах показано, что философия советского периода отнюдь не выпадает из общей логики развития отечественной философии. Это обусловлено тем, что в советской философской мысли (в онтологии, гносеологии, социальной философии и т.д.) сохранилась характерная для русской философии ключевая роль философско-антропологической проблематики.

Ключевые слова: советская философия; философская антропология; человек.

В.Г. Горбачев в статье «Тема человека в советской философии (особенности подхода)» [3] настаивает на существенном и даже принципиальном отличии советской философии от дореволюционной русской философской мысли. Относительно последней В.Г. Горбачев во многом справедливо отмечает помимо прочих следующие черты: «Основное в русской антропологической философии — это в конечном счете проблема освобождения и возвышения человека, традиционно рассматриваемая и во внешнем аспекте (преобразование общества и его институтов), и в аспекте внутреннем (преобразование духовного мира человека). ... Восприятие человека как универсальной целостности, органичного единства всех сторон его природы, всей его жизни как единства духовного и практического в ней. Это — воспроизведение принципа универсализма познания применительно к философии человека. ... Протест против угнетения и эксплуатации человека, негуманного отношения к нему, против социальной несправедливости, поиск путей его реального освобождения. ... Единство человека с другим человеком, с обществом, с окружающим миром в целом как выражение всеединства, единства всего сущего. ... Опора в познании человека на материал частных наук, особенно — естественных (например, в русском материализме)» [3, с. 33–34]. И как резюме: «Универсальный антропозизм — это традиция всеохватывающего постижения человека как многомерной целостности средствами философского познания. Мы считаем

ее ведущей традицией в русской философии» [3, с. 34–35].

Строго говоря, все вышеперечисленные характеристики были присущи и советской философии, но В.Г. Горбачев с этим не согласен: «Существует точка зрения, что философия советского периода в значительной степени выпадает из общей логики развития отечественной философии. На наш взгляд, с этим нельзя не согласиться. Об этом мы судим хотя бы по тому, в какой степени была представлена в ней антропологическая проблематика, традиционная для философии как таковой. “Выпадение” это было обусловлено в конечном счете теми политическими, идеологическими и иными условиями, которые сложились и существовали в советское время и которые определяли развитие философии» [3, с. 35].

В.Г. Горбачев утверждает, что советская философия «определялась влиянием прежде всего со стороны правящей партии» [3, с. 35]. Кроме того, в связи с этим он заявляет: «Такая узкая “специализация” советской философии (роль “идейного оружия”), по нашему мнению, породила в итоге ее глубоко отчужденное состояние. Это отчуждение имело место по отношению ко многим традициям русской философии, по отношению к художественной литературе, по отношению к традициям зарубежной философии (в том числе — к “раннему” Марксу), к достижениям науки своего времени» [3, с. 35]. На это следует возразить: наверное, подобное отчуждение имело место у ряда партийных идеологов, но отнюдь не у серьезных, профессио-

нальных советских философов. Философское общество в СССР было, по сути, носителем особой научной парадигмы, а у любой науки (в том числе и у философских научных дисциплин) существует своя собственная внутренняя логика развития, равно как и своя собственная логика связи с другими науками. Советская философия всегда была детерминирована в первую очередь своими внутренними теоретическими проблемами и только во вторую очередь (если не в десятую) — партийными указаниями. Да, последние существовали, и они не всегда положительно воздействовали на философию. Так, официально поощрявшееся со стороны КПСС исследование философской категории «деятельность» явно уступает по своему эвристическому потенциалу исследованию более содержательной категории «производство». Однако живая (и нередко неофициальная) советская философская мысль развивалась самостоятельно. Именно результаты этого развития, а вовсе не многочисленные ссылки на решения съездов в философских предисловиях останутся от советского периода в учебниках по истории философии.

Причем В.Г. Горбачев противоречит сам себе, когда заявляет: «мы будем исходить из факта отсутствия в советской философии антропологического направления как относительно самостоятельного в общей структуре философского знания. Мы сможем говорить лишь о *возникновении* такого направления, но и то лишь применительно к позднему периоду в истории советской философии» [3, с. 36]. Если что-либо возникает, причем в середине, а не в конце развития данного явления, невозможно говорить об его полном отсутствии. Следует подчеркнуть, что советская философия сложилась как система философских наук (и зрелых наук, и только формирующихся), скрепленная прежде всего философско-антропологической проблематикой. Можно спорить о степени особой выделенности советской философской антропологии из других философских дисциплин, но универсальный антропологизм советской марксистской философии как единого целого, на наш взгляд, бесспорен.

Так, онтология и гносеология классического марксизма в значительной (и даже в решающей) мере имеют антропологизированный характер, и это не могло не повлиять на советскую философскую мысль. Явный антропологический аспект присутствует даже в содержании ленинского определения материи — теоретического фундамента для построения едва ли не всей общей философии в СССР: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, ко-

торая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [7, с. 131].

Человек традиционно рассматривался в советской онтологии как высшая, наиболее сложная форма материи, включающая в себя и сознание в качестве своего атрибута, вбирающая содержание всех основных природных форм объективной реальности. И в этом плане весьма странно выглядит претензия В.Г. Горбачева к советской философии по поводу того, что в ней, дескать, природное начало в человеке фактически предается забвению [3, с. 38]. Вопреки данному тезису, онтологический взгляд на человека как на «биосоциальное» существо был весьма популярным в философии советского периода, являлся для нее едва ли не «общим местом». Тем не менее, этот взгляд требовал дальнейшего уточнения, на что в 1974 г. обратил внимание В.В. Орлов: «В советской философской литературе концепция биосоциальной природы человека ... дается с рядом поправок. Важнейшая из них заключается в том, что социальное рассматривается в качестве главной стороны человека как единого целого. Однако эта поправка не меняет существа дела, ибо социальное и биологическое оказываются все же двумя сторонами (главной и неглавной) единого целого, которое (целое) или имеет некую не известную нам третью природу или не имеет единой природы вообще. Социальное и биологическое остаются, таким образом, рядомположенными и соединенными внешним образом. Между тем каждый сформировавшийся объект, обладает определенной, т.е. единой природой. С позиций диалектико-материалистической философии, человек представляет собой сложное интегральное образование, включающее в себя биологический и собственно социальный уровни. При этом высший, социальный уровень подчиняет себе биологический и определяет целостную, интегральную природу человека. Человек, таким образом, имеет не двойственную биологическую и социальную, но интегральную социальную природу, включающую в себя, в подчиненном виде, свою биологическую основу. Марксистская концепция человека преодолевает крайности как механистической концепции социально-биологической природы человека, по существу уравнивающей биологическую и социальную “стороны” человека, так и концепции, абсолютизирующей различия между человеком и его биологической основой. ... Концепция интегральной социальной природы человека дает общее теоретическое обоснование необходимости применения понятий и методов биологии для изу-

чения человека. Только с позиций этой концепции можно избежать ошибочных крайностей как биологизации природы человека, так и чрезмерной ее «социализации», состоящей в игнорировании биологической стороны человека и человеческой деятельности» [8, с. 302–303].

Человек как субъект познания — это, по сути, центральная тема советской гносеологии. В 1989 г. В.С. Степин выдвинул концепцию постнеклассического научного познания, в котором разнообразный учет человеческого фактора выступает обязательной и, главное, полезной составляющей [11].

Советскую социальную философию В.Г. Горбачев характеризует следующим образом: «Абсолютный социоцентризм означает безусловный примат общества, социальной среды над человеком» [3, с. 36]. Однако такая характеристика несправедлива, что можно легко доказать указанием на труды ряда крупных философов. В.П. Тугаринов: «Ценность личности не может быть поколеблена ни мистическими, ни трансцендентальными и никакими иными соображениями, ибо личность человека есть реальный, непосредственный и верховный факт действительности» [12, с. 81]. Более того, В.П. Тугаринов утверждает, что коммунизм «создает решающие объективные условия для совершенствования и самосовершенствования личности», но «не решает *всех* проблем личности» [12, с. 96]. К.А. Абишев: «Строго говоря, не условия создают людей, а люди создают самих себя посредством изменения условий» [1, с. 26]. З.М. Какабадзе: «Не всё в бытии человека в виде личности можно объяснить влиянием его бытия в виде члена общества и даже, наоборот, в некоторых отношениях это последнее становится понятным лишь на основании понимания первого. Конечно, человек как личность формируется в обществе. Но общественная организация не есть некая самоцель, спускающаяся к человеку сверху и наделенная соответствующей энергией, чтобы навязать себя. Она, со своей стороны, основана на специфических устремлениях и возможностях людей как личностей» [4, с. 226]. С.М. Ковалев: «Поскольку закрепощение человека состоит в рабской зависимости от природы, общественных отношений и своих пороков, то и освобождение может мыслиться лишь как освобождение от этих трёх зависимостей человека» [5, с. 97].

Что касается этических взглядов советской философии, то В.Г. Горбачев сам невольно подчеркивает их преемственность по отношению к русской социальной этике предшествовавшего периода. Последняя характеризуется им так: «Первенство духовных начал в жизни человека

над вещными, утилитарными ориентациями, критика вещиизма и потребительства как неприемлемой жизненной установки и образа жизни» [3, с. 34], а советская социальная этика — так: «В работах по теории личности всегда очень большое внимание уделялось критике индивидуализма как глубоко порочной жизненной установки и образа жизни, развенчивалось потребительство как проявление мещанства, всячески развенчивался буржуазный тип личности» [3, с. 36].

Важными элементами советской философской антропологии выступали: концепция сущностных сил (сущностных свойств) человека, заимствованная у Фейербаха и Маркса, а также связанные с этой концепцией категории «отчуждение» и «овещнение». В этой связи надуманными выглядят претензии о «забвении» в советской философии «раннего» Маркса.

Серьезное философско-антропологическое значение имеет концепция овещнения, разработанная в 1981 г. известным советским философом Г.С. Батищевым на основе Марксова анализа превращенных (превратных, овещненных) форм, принимаемых производительными силами и производственными отношениями. Овещнение, согласно Батищеву, — это «такой социально-исторический процесс и в то же время такое социально-историческое отношение, в сфере действия которого происходит практическое низведение всякой действительности до уровня объектно-вещного бытия» [2, с. 229]. Персонализированными составляющими, «субъектами», такого бытия выступают (в противовес деперсонализированным индивидам) как предметы экономического богатства, так и разнообразные социальные институты [2, с. 234]. Тремя векторами овещнения являются: овещнение продуктов человеческой культуры (включая сферу поступков), овещнение социальных связей и, наконец, овещнение самих человеческих индивидов [2, с. 243–250]. В условиях товарного производства эти векторы распространяются на экономику, социальную структуру, политику, право, науку, искусство, мораль. Овещнение приводит к тому, что «плоды деятельной жизни субъектов перестают быть предметным зеркалом, отражающим каждому из них взаимное свечение их сущностей ... В этом овещненная форма противоположна по своей роли человеческой предметности вообще» [2, с. 235]. В эпоху так называемой «предыстории» человечества социальная действительность как целостность «несет на себе печать всепронизывающей двойственности: она всякий раз есть одновременно и историческое бытие самого человека-субъекта, его предметный мир культуры и цивили-

зации, и столь же историческое не-бытие его как субъекта, отрицание его человеческого развития, иной предметный мир — нечеловеческий, хотя и социальный. Это как бы два мира!» [2, с. 233–234]. Хотя при капитализме овещнение приобретает классический характер, имеются некоторые основания для того, чтобы распространить хронологические рамки существования данного феномена за пределы товарного производства вообще и капитализма в частности [2, с. 232, 236, 257]. Дело в том, что овещнение, независимо от любых возможных ступеней исторического процесса, «выявляет в наиболее чистом виде превратный характер субъектного человеческого бытия вообще» [2, с. 274]. Так, овещнение самих человеческих индивидов происходит тогда, когда в ту или иную эпоху, в тех или иных ситуациях «человек или целые социальные коллективы отказываются от решения кардинальных проблем-противоречий своей исторической судьбы и пытаются загородиться от них, спрятаться от них за своими уже имеющимися налицо опредмеченными результатами цивилизации. ... Но эта всеобщая возможность ниспадения или принижения человека до объектно-вещного уровня превращается в действительность тогда, когда указанная подмена утверждается как специфическое отношение — социальное отношение между индивидами, между социальными группами, между человеком и миром» [2, с. 257]. Таким образом, в социально-философскую концепцию Г.С. Батищева с помощью философской антропологии вводится общеполитический аспект, имеющий ярко выраженный мировоззренческий характер. В результате овещнения «извращается и перевертывается само действительное отношение человека (и любого социального коллектива) ко всему остальному миру» [2, с. 261]. Ибо лишь с подлинно человеческого, «глубинного» общения людей друг с другом, не скрытого под «ролевыми масками» как продуктами овещнения, может начинаться подлинное, адекватное отношение человека к миру: «Но только со встречи с другим человеком, “здесь и теперь” уникальным, может начинаться реально также и встреча с универсальным, с космическим, с беспредельным. Поэтому, отвертываясь от ближних, т.е. делая не далеких ближними, а ближних далекими, индивид тем самым занимает позицию “спиной” к миру вообще» [2, с. 273–274].

Вопрос о связи человека с «беспредельным» (бесконечным) волновал и других советских философов. В марксистской философской традиции тема бесконечности существует прежде всего как концепция единого закономерного мирового процесса бесконечного развития материи. В результа-

те включения низших форм материи в состав высших материя получает «послойную» структуру, в которой аккумулируются основные этапы единого закономерного мирового процесса [8, с. 138]. Таким образом, на магистрали развития материи выстраивается многоуровневая иерархия. Человек, общество в качестве наиболее сложной, универсальной формы материи обладает иерархической, интегрально-социальной сущностью, включающей в себя как физические, химические, биологические, так и собственно социальные свойства [9, с. 33]. Однако важно отметить, что «сущность высшей ступени развития не является простым агрегатом содержания низших ступеней, а представляет собой их материальное обобщение и синтез». Таким образом, человек как универсальное материальное существо выражает в обобщенном и сжатом виде бесконечное содержание материи, является высшей ступенью её развития [9, с. 35]. Процесс развития социальной формы материи (человека) — *единый закономерный исторический процесс* — является высшей ступенью единого закономерного мирового процесса [6, с. 97–98].

Общую динамику бытия человека в едином закономерном мировом процессе проследил советский философ-марксист З.М. Какабадзе. С его точки зрения, «бытие представляет собой диалектическое единство противоположных тенденций. С одной стороны, это — инерция, т.е. тенденция к покою, к повторениям отношений, к ограничению одними и теми же отношениями, к внешнеобусловленности. С другой стороны, это — тенденция к самодвижению в направлении расширения и усиления возможностей самодвижения, к порождению новых отношений и форм, расширяющих и усиливающих возможности этого порождения ... т.е. тенденция к восхождению ... от простого к сложному» [4, с. 218]. Таким образом, бытие включает в себе два типа необходимости: необходимость как «инерцию» и необходимость как универсальную тенденцию бытия к самодвижению [4, с. 219]. Акт самодвижения имеет своим результатом «расширение и усиление возможностей самодвижения». Каждая новая, более сложная структура расширяет и усиливает возможности порождения новых структур: «Человеческую свободу и человеческое творчество можно рассматривать как высшие достижения и высший уровень этой общей тенденции бытия. И тогда человеческую свободу как отход от инерции и соответствующих требований бытия можно представить как вместе с тем ... приобщение к фундаментальной тенденции бытия» [4, с. 213].

Таким образом, З.М. Какабадзе рассматривал свободу как ключевую нравственную ценность, имеющую прежде всего объективный характер. Свобода реализуется в ситуации нравственного выбора, самый глубокий критерий которого — это «соответствие не любым интересам, фактически действующим в обществе, а объективно значимым интересам общества»: «Итак, в качестве высшего критерия выбора человек имеет в виду универсально-объективную тенденцию бытия, выраженную в объективно-значимых интересах общества и открытую им в виде его внутреннего призвания» [4, с. 208]. При этом З.М. Какабадзе отмечал: «Необходимость как универсальная тенденция к самодвижению, к восхождению от простого к сложному “на моем участке бытия” может осуществиться лишь с моей помощью. Я несу всю ответственность за себя и за свой “участок бытия”» [4, с. 219–220]. Универсальная тенденция к самодвижению никогда не умирает и всегда ждет реализации, рассчитывая на вечность. Она непоколебима, она осуществима «в конечном итоге», несмотря на то, что те или иные отдельные люди могут ее и не осуществлять [4, с. 220]. «Человек весьма часто уступает ... силам инерции, силам ограничения и делает выбор в пользу них. В таком случае он отклоняется и отдаляется от своей собственной сущности, от своего призвания. И бесконечность “не принимает никаких других мер” против этого отклонения, кроме того, что, представляя собой “предмет” существенно-глубинных стремлений человека — пусть не всегда осознанный им, представляя собой его дальнюю “родину”, в конечном итоге порождает в нем своеобразную “ностальгию”, проявляемую в чувствах глухой неудовлетворенности, тоски, скуки, одиночества, опустошенности, бесследного исчезновения, и “зовет” к возврату. Человек начинает искать выход, и бесконечность, выглядывая из глубоких недр человеческого сознания, из дальней истории вселенной, предлагает себя ищущему взору человека в виде альтернативы исхода против безысходности» [4, с. 223–224].

Заметим, что «линия восхождения» от простого к сложному, упоминающаяся у Какабадзе, — это и есть единый закономерный мировой процесс, соответствие основной тенденции которого означает для человека соответствие своей собственной сущности.

В.В. Орлов в работе «Человек. Мир. Мировоззрение» (1985 г.) также рассматривал проблему соотношения бесконечности и человека в качестве одной из ключевых: «Осознавая причастность к бесконечному, человек тем самым осознает и бес-

конечное в своей природе. Реальный процесс человеческой жизни как ее непрерывное воспроизводство и развитие, как борьба со всем, что ей препятствует, борьба прогресса с регрессом, добра со злом, человечности с бесчеловечностью, здоровья с болезнью и смертью — в сущности, есть непрерывная борьба тенденции жизни к бесконечности с тенденцией распада, деградации, смерти. ... Осознание причастности как к бесконечному, всеобщему, так и особенному — общественному, творческое практическое участие в социальном прогрессе — это признак высокого развития человеческого духа, глубокого понимания смысла человеческого существования» [10, с. 207–208].

Таким образом, в советской философии место философской антропологии было важным и заметным, поэтому вполне правомерно констатировать факт продолжения в Советском Союзе лучших традиций русской философской мысли. Уместно, на наш взгляд, говорить не просто о советской философии, но о *русской философии советского периода*.

Список литературы

1. Абишев К.А. Предметная деятельность как отношение субъекта к объекту // Проблема субъекта и объекта в марксистской философии. Алма-Ата: Казахстан, 1975. 192 с.
2. Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. 464 с.
3. Горбачев В.Г. Тема человека в советской философии (особенности подхода) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 3(19). С. 33–39
4. Какабадзе З.М. Человек как философская проблема // Какабадзе З.М. Проблема человеческого бытия. Тбилиси: Мецниереба, 1985. 309 с.
5. Ковалев С.М. О человеке, его порабощении и освобождении. М.: Политиздат, 1970. 304 с.
6. Ласточкин А.В. Развитие общества как единый закономерный исторический процесс // Концепция единого, закономерного мирового процесса и современность / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1989. 144 с.
7. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 18. С. 7–384.
8. Орлов В.В. Материя, развитие, человек / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1974. 397 с.
9. Орлов В.В. Развитие материи как закономерный процесс // Развитие материи как закономерный процесс / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1978. 182 с.
10. Орлов В.В. Человек. Мир. Мировоззрение. М.: Молодая гвардия, 1985. 221 с.
11. Стетин В.С. Научное познание и ценности тех-

ногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.

12. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. 124 с.

Получено: 29.07.2014.

References

1. Abishev K.A. [Substantive work as an attitude of a subject towards an object. *Problema sub'ekta i ob'ekta v marksistskoj filosofii* [The problem of a subject and an object in the Marxist philosophy]. Alma-Ata, Kazakhstan Publ., 1975. 192 p. (In Russian).
2. Batischev G.S. *Vvedenie v dialektiku tvorchestva* [Introduction into the dialectics of creative work]. Saint Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 1997, 464 p. (In Russian).
3. Gorbachev V.G. [The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2014, no 3, pp. 33–39. (In Russian).
4. Kakabadze Z.M. [A human as a philosophical problem]. *Problema chelovecheskogo bytiya* [A problem of a human existence]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1985, 309 p. (In Russian).
5. Kovalev S.M. *O cheloveke, ego poraboschenii i osvobozhdenii* [Concerning a man, his enslavement and liberation]. Moscow, Politizdat Publ., 1970, 304 p. (In Russian).
6. Lastochkin A.V. [An evolution of society as a united determined world development]. *Kontseptsiya edinogo zakonomernogo protsessa i sovremenost'* [A concept of a united determined world development and modernity]. Perm, Perm State University Publ., 1989. 144 p. (In Russian).
7. Lenin V.I. [Materialism and Empirio-Criticism] *Polnoe sobranie sochinenij. 5-e izdanie*. [Complete set of works. 5th edition], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 18, pp. 7–384. (In Russian).
8. Orlov V.V. *Materiya, razvitie, chelovek* [Matter, development, human]. Perm, Perm State University Publ., 1974, 397 p. (In Russian).
9. Orlov V.V. [Development of a matter as a determined process]. *Razvitie materii kak zakonomernyj protsess* [Development of a matter as a determined process]. Perm, Perm State University Publ., 1978. 182 p. (In Russian).
10. Orlov V.V. *Chelovek, mir, mirovozzrenie* [A human, a world and a mindset]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1985, 221 p. (In Russian).
11. Stepin V.S. [Scientific cognition and the values of technogenic civilization]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 1989, no 10, pp. 3–18. (In Russian).
12. Tugarinov V.P. *Teoriya tsennostey v marksizme* [A theory of values in Marxism]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1968, 124 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 29.07.2014.

RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD (ABOUT V.G. GORBACHEV'S ARTICLE)

Yuriy V. Loskutov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article is a response to the V.G. Gorbachev's work «The theme of the human being in the Soviet philosophy (approach characteristics)» and shows with the specific examples that the philosophy of the Soviet period does not fall out from the general logic of the Russian national philosophy. It is determined by the fact that in the Soviet philosophical thought (ontology, epistemology, social philosophy, etc.) the key role of anthropological perspective, typical for Russian philosophy, remained.

Key words: Soviet philosophy; philosophical anthropology; human.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лоскутов Ю.В. Русская философия советского периода (о статье В.Г. Горбачева) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 40–45.

Please cite this article in English as:

Loskutov Yu.V. Russian philosophy of the Soviet period (about V.G. Gorbachev's article) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 40–45.

УДК 316.2+330.1

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР» В ФИЛОСОФИИ ЭКОНОМИКИ

Чащин Елисей Владимирович

кандидат философских наук

доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, Пермь, Комсомольский пр., 29

e-mail: chashin86@mail.ru

Основной целью данной статьи является изучение феномена экономического мышления. Последнее является важным компонентом ментального комплекса современного человека, во многом определяющим его социальное бытие. Этот тип мышления не входит в число всесторонне исследованных, однако его изучение может раскрыть некоторые стороны современных экономических проблем. Экономическое мышление рассматривается как категория социальной гносеологии и социальной психологии в философии экономики. Именно последняя (при признании всей роли и значимости классических экономических теорий) способна дать ответы на многие «неудобные» вопросы, касающиеся противоречивых кризисных явлений, имеющих место в современном социуме. При ведущей роли объективных процессов, влияющих на формирование мировой хозяйственной системы, не стоит принижать значение ряда субъективных факторов. Формирование адекватного этим вызовам экономического сознания является важной задачей, стоящей перед современными общественными институтами.

Ключевые слова: мышление; социум; экономика; субъективность; симуляция; абстрактный товар; кризис.

Мышление человека, живущего в период глобального перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации, представляет собой сложноорганизованную совокупность различных ментальных типов и стилей. Экономическое мышление, наряду с технологическим, экологическим, гуманитарным, составляют особые специфические компоненты современного ментального комплекса. Понимание роли и значения экономического мышления становится актуальным после постановки перед современным исследователем ряда задач, требующих ответов на сложные и противоречивые вопросы. Насколько поведение производительных сил современной глобальной экономики обусловлено некими объективными принципами, способными быть вписанными в математические модели, быть подверженными формализации, верификации и т.д.? Насколько оно зависит от настроений конкретных, отдельно взятых субъектов? И не зависит ли от того, в чём именно у последних будет потребность? Какие именно ментальные принципы, коллективные желания, импульсы социального мышления, страсти будут управлять вовлечённым в производство населением? Большинство современных экономи-

стов, разделяющих позиций как классической, так и неоклассической экономических парадигм [6], не отступает от строгости и математической рациональности основных принципов и положений современной экономической теории. Эта позиция не предполагает какого-либо опровержения. Однако помимо экономики как таковой в процесс исследования экономической стороны общественного бытия включена также и философия экономики. Последняя занимается исследованием широкого спектра вопросов, связанных, в частности, и с различными уровнями общественного сознания. Именно социально-психологический аспект и будет нас интересовать. Социально-психологическая сторона философии экономики предполагает отступление от традиционных законов и принципов, требующих «технологического» обоснования, поскольку рассматривает как обыденное, так и теоретическое мышление вкупе с эмоциональным и ценностным уровнями. Однако именно представление и осмысление ряда социально-психологических обстоятельств позволяет взглянуть на экономическую сторону общественного бытия более широко и многопланово, дать более развёрнутое объяснение её эволюции.

Первым таким обстоятельством можно считать механизм формирования кризисов. История раскрывает нам глаза на то, что наиболее разрушительные экономические кризисы, затрагивающие огромные массы населения, порождает не сам дефицит ресурсов или их переизбыток, не сами социальные потрясения (войны, революции) как таковые, а то, что всегда способствовало подобным кардинальным переменам в жизни общества, — социальная паника. Именно исходящее из инстинкта самосохранения желание обезопасить себя, спасти своё имущество, уменьшить влияние источника риска подталкивало людей на необдуманные и порой опасные поступки. В современном трансформирующемся обществе поводов для беспокойства становится больше, поэтому кризисы становятся сильнее, глубже, масштабнее. Их главная социально-психологическая причина, на наш взгляд, — порождаемая объективным движением капитала жадность и панические настроения. Именно желание одних получить максимальную прибыль, не считаясь с интересами других, подталкивает экономические элиты к стратегически непродуманным шагам. Влияние регулирующей «невидимой руки» рынка, о которой часто упоминали философы экономики недавнего прошлого, в настоящем на уровне общественного сознания оказывается опасным заблуждением. Демпинг, необоснованные манипуляции с ценами на те или иные товары провоцируют панику. И вот уже тысячи людей готовы избавиться от того, что ещё недавно было для них дорого, представляло ценность и интерес. Конкретная материальная ценность становится аморфной. Она бесконечно мимикрирует, превращается в симуляцию [2]. И вместе с этим само понимание ценности как такой в мировоззрении современного человека переживает девальвацию. Часто она проявляется в том, что материальные, а также и духовные и социальные ценности приобретают черты условностей. Это становится ещё одним фактором нестабильности и синкретизации мышления.

Вторым обстоятельством, требующим более гибкого подхода к пониманию современной социально-экономической ситуации на планете, следует считать распространение нового экономического мышления, не похожего на предшествующее. Каждый современный человек в той или иной степени обладает экономическим мышлением на обыденном уровне. Сложные общественные изменения распространили этот свойственный узким профессиональным сообществам тип мышления на широкие народные массы, сформировав в совокупности с другими металными типами — обыденным, групповым — новый стиль мышления.

Безусловно, экономическое мышление специалистов будет отличаться большей теоретической обоснованностью и профессиональной ориентированностью, однако и обыденная форма экономического мышления предполагает специфический взгляд на многие явления окружающей действительности. Одной из её особенностей будет то, что в мире абстрактного труда и мимикрирующей ценности человек оценивает всё окружающее как потенциальный товар. Каждый субъект ежедневно и многократно играет разные социальные роли. Выступая в различных ипостасях, он примеряет на себя обязанности продавца и покупателя. Это проявляется не только тогда, когда он приобретает тот или иной товар или услугу, но и тогда, когда он продает свой труд, когда договаривается с близкими людьми о какой-то совместной деятельности. Постиндустриальный принцип «произребителя» (производителя и потребителя) [7] все более обретает черты «продокупателя» — продавца и покупателя (товаров, услуг). Товаром становится не только информация, но и эмоции, настроение. В качестве черт, свойственных товару, рассматриваются также вера и безопасность. Последнее оказывается особо ценным и важным товаром, когда приобретает форму оценки рисков. Абстрактность подобного товара приводит к тому, что у каждого человека возникают свои собственные представления об оценке стоимости своего труда, своих эмоций, мыслей — потенциально ценных идей, в конечном счёте своего таланта в той или иной отрасли. Субъективность, предполагающая отсутствие единых критериев, порождает сомнения в справедливости стоимости подобного товара. Поскольку информационное общество соединяет в себе черты «массовой уникальности» — неограниченного обмена и тиражирования бесконечно возникающих ноу-хау и «экономической целесообразности», сомнения отдельных людей становятся достоянием всего рынка. Вместе с предложенным обществу своим уникальным авторским товаром каждый из «продокупателей» предлагает другим участникам и свою субъективную цену, практически никогда не совпадающую с представлениями о цене на этот товар других «продокупателей». Субъективность переносится на разные сферы экономических взаимоотношений, поднимается на рыночные вершины глобального порядка. Распространение нового экономического мышления, предполагающего значительное влияние подобной субъективности, необходимо воспринимать не иначе, как субъективный фактор в экономической сфере общественного бытия. Субъективная оценка каждым субъектом своего труда на общем рынке в русле собственного мировоззрения — это ещё и оценка

всего рынка, всех условий формирования стоимости, в том числе и объективных, поскольку в конечном счёте за стоимостью любого товара будет скрываться труд конкретных людей. Получается, что на «объективные» социально-экономические условия накладывается печать субъективности, т.е. рынок в этом аспекте — эмоционально зависим. В непосредственном плане его будет определять и настроение масс, а не только его объективные законы и отражающие их математические модели. Последние способны с большой долей допущения прогнозировать поведение народных масс, которое становится менее предсказуемым в процессе движения к информационному обществу. Таким образом, при оценке современных социально-экономических процессов необходимо учитывать то, что не только объективные законы и закономерности, но и иррациональные факторы характеризуют собой экономическую сторону общественного бытия. В качестве близкого нам примера можно привести ситуацию, сложившуюся в России при переходе от плановой экономической системы к рыночной. В нашей стране в 90-х гг. XX в. низкий спрос на значительную часть дорогих товаров и услуг, вопреки многим прогнозам, не повлёк за собой уменьшения их стоимости. Поставщик из-за разного рода социальных рисков предпочел ограничить объёмы предложения, сделав его более эксклюзивным, нежели получать прибыль за счёт увеличения товарооборота при снижении стоимости. Иными словами, продавец и покупатель тогда так и не смогли договориться. Каждый из нас, примеряя на себя роль продавца и опираясь на собственные представления, оценивает результаты как своего, так и чужого труда по разным критериям. Современное экономическое мышление заставляет нас осуществлять подобную оценку исходя, например, из категории престижности, брендовости (если речь идёт о конкретном товаре), т.е. критериев, обусловленных исключительно бэконовскими «идолами театра» [3], но не фактическим качеством, особой необходимостью, редкостью или незаменимостью данного товара или услуги. Абстрактный символический товар, связываемый в мышлении субъекта с конкретным товаром, также требует особых условий собственной оценки, задавая заинтересованному лицу неоднозначные вопросы. Например, для сферы страхования таким вопросом будет: правомерно ли считать стоимостью риска потенциальный убыток от его актуализации? Если да, то каким образом рационально обосновать стоимость того, что могло произойти, но не произошло? Если нет, то каким должен быть критерий оценки того, что, по сути, характеризует собой лишь меру человеческой тревожности? Со-

циальный риск при этом оказывается не самым трудным для оценки своей стоимости товаром. Так, ещё более сложной задачей является попытка обнаружить взаимосвязи между событиями как товарами. Свершившееся событие, например победа той или иной футбольной команды, является товаром, имеющим значение не только для участников букмекерских сделок, но и для многочисленных болельщиков, получающих удовольствие от игры, для развитой спортивной бизнес-инфраструктуры, также ориентированной на достижение максимальной спортивной зрелищности. Поэтому установление стоимости подобного события с очень большой натяжкой можно считать исключительным делом наук, оперирующих в своей деятельности только объективными законами. Справедливее отнести это к делу междисциплинарного знания, всегда учитывающего субъективность, значение более открытого и независимого, чем в классической науке, творчества.

Таким образом, возникает третье обстоятельство, требующее большей осторожности в представлении философии, опирающейся на строгую экономическую теорию, как абсолютной доминанты в оценке социально-экономической стороны общественного бытия. Этим закономерно вытекающим из первых двух условий будет именно уникальность, субъективность, высокий творческий потенциал как самого товара, так и оценки его стоимости, т.е. превалирование человеческого фактора в самом широком смысле в обществе эпохи постиндустриальной трансформации. Именно формирование собственного представления каждого субъекта о стоимости чужого товара, обусловленное уникальностью мировоззрения этого человека, формирует конечную стоимость того или иного товара (особенно если этот товар является абстрактным). Не столько объективные условия ценообразования, сколько творческий, не шаблонный труд размывает привычные границы цены как совокупности трудовых затрат. Последнее также имеет большое значение, поскольку экономическое мышление как специалиста, так и обывателя — это ещё и мышление менеджера, хозяйственника, заинтересованного в достижении наибольшей эффективности с минимальным расходом сил и средств. Одной из ключевых задач современного человека является то, как лучше распорядиться своим личным временем, так как оно представляет собой один из главных нематериальных ресурсов, а значит, и товаром (или средством производства в ряде случаев, когда именно время способствует приращению прибавочной стоимости, наряду с инструментарием и другими ресурсами). Именно желание организовать свою деятельность, эффектив-

но распределив интенсивность трудовой нагрузки и способов отдыха, заставило человека пересмотреть свои представления о производстве, сделав искусством умение достигать искомое. Творческий характер труда общества, стремящегося к постиндустриализму, превращает каждого вовлечённого в экономическую деятельность субъекта в «менеджера», управляющего своим внутренним индивидуальным производством. Шаблонный труд конвейерных производств индустриальной эпохи не мог быть охарактеризован чем-то подобным. Безусловно, современность также предполагает тиражирование, массовое распространение новых идей, но последние постоянно должны пополняться, иначе их стоимость будет неумолимо, а часто и катастрофически падать. Идея, понимаемая как единица ценной информации, в этом случае может быть рассмотрена в качестве своеобразного вида неистощимого ресурса. Умение работать с разного рода ресурсами, их комбинирование и эффективное распределение является залогом успешного решения поставленных современностью задач, а также возможностью уменьшения производственных рисков. Именно в работе с непосредственными ресурсами, а не в оценке их стоимости скрывается основной научный компонент экономического мышления.

Особенностями современного экономического мышления будут научность, рефлексивность, рациональность, понимаемая как умение эффективно с минимальными затратами решить поставленную задачу [1]. Развитие и массовое распространение экономического мышления происходит, в частности, в связи с ограниченностью ресурсов и необходимостью рационально и эффективно их использовать. Примером массовости экономического мышления могут стать некоторые страны Юго-Восточной Азии. Так, Сингапур, где успешно пытаются создать безотходное производство, является одним из ключевых экономических игроков региона. В производстве этого небольшого государства главенствует своеобразный замкнутый цикл, в котором, подобно жизнеобеспечению космической станции, всё предельно рационально, логично, взвешенно и ориентировано на многократное использование. Япония, взявшая за основу своей экономики плановую модель В.В. Леонтьева, во главе угла которой рациональность распределения усилий и ресурсов, эффективно противостоит как мировому кризису, так и местным катастрофам, обрушившимся на неё в 2011 г. [5]. Специалистам в области экономики и управления не удалось бы достичь подобных результатов без осознания широкими слоями населения необходимости рационального использования ресурсов. Понимание

сущности происходящих процессов, общественный отклик и поддержка предложенного курса стали возможны и благодаря развитости экономического компонента в ментальном комплексе общественного сознания этих азиатских народов.

Массовое экономическое мышление является одновременно достижением развития гуманитарной и технической мысли. Экономический тип мышления сходен с техническим тем, что требует от субъекта видения конкретных вещей за числами, абстрактными схемами, необходимыми для отображения происходящих вокруг него процессов. То есть абстрактное в ментальном акте человека должно быть ассоциировано с конкретным. Это остаётся характерным для экономического мышления и при общественном распространении, когда методика использования передовых технических средств из узких профессиональных сообществ стала достоянием общественности, будучи совмещённой с умением и стремлением масс мыслить категориями социальной экономики. Кроме того, экономическое мышление одновременно проявляет себя и в иррациональном, и в рациональном аспектах, причём первое оказывается фактически менее изученным, нежели второе. Большинство исследователей считают феномен экономического мышления как социальной категории исключительным проявлением влияния экономических связей на жизнь каждого человека [4]. Из профессионального обихода экономистов-практиков специальный экономический тип мышления при соединении с другими ментальными типами переходит в сферу разнообразных направлений науки. Постепенно новое экономическое мышление проникает и в другие отрасли человеческого бытия — образование, здравоохранение, сферу искусства и культуры. Иногда в случае сверхдоминирования над другими компонентами мышления это может привести к негативным последствиям, например, в чрезмерном стремлении за выгодой, нарушающем логику и гармонию развития соответствующей сферы жизни общества. Однако чаще всего распространение экономического мышления приносит пользу, поскольку позволяет взглянуть на проблему шире. Человек начинает рассматривать каждый акт своей деятельности и как локальную тактическую задачу, направленную на достижение личной цели, и как элемент общей стратегии, соизмеряя собственные шаги с шагами других людей. Осознание общего дела, ответственность перед другими людьми, которые могут пострадать от неэффективности принятия решения, формируют у личности особый взгляд на собственный труд и окружающую действительность. Умение экономически мыслить за-

кладывается у современного человека ещё на ранних этапах социализации. Во многом для социума это вынужденная мера, позволяющая не только адаптировать человека к изменчивым сторонам его бытия, но и сохранить баланс, сложившийся в системе производства и потребления.

Список литературы

1. Абалкин Л.И. Новый тип экономического мышления. М.: Экономика, 1987. 189 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО, 2001. 220 с.
3. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Новый органон. Л.: ОГИЗ: СОЦЭКГИЗ, 1935. 384 с.
4. Гринюк Ж. Экономическое мышление. Социально-экономические аспекты развития // SATIO. URL: <http://www.satio.by/publications/business/33.html> (дата обращения 29.01.2013).
5. Леонтьев В.В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты, политика. М.: Политиздат, 1990. 408 с.
6. Маршалл А. Принципы экономической науки. URL: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshall/index.html> (дата обращения 10.01.2013).
7. Тоффлер О. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 261 с.

Получено: 26.07.2014.

References

1. Abalkin L.I. *Novyj tip ekonomicheskogo myshleniya* [New type of economic thinking]. Moscow, Ekonomika Publ., 1987, 189 p. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Sistema veschej* [The system of objects]. Moscow, RUDOMINO, 2001, 220 p. (In Russian).
3. Bacon F. *Velikoe vosstanovlenie nauk. Novyj organon* [The Great Instauration. Novum Organum Scientiarum]. Leningrad, OGIZ-SOTSEKGIZ Publ., 1935, 384 p. (In Russian).
4. Grinyuk Zh. [Economic thinking. Social and economic aspects of development]. [SATIO]. Available at: <http://www.satio.by/publications/business/33.html> (accessed: 29.01.13). (In Russian).
5. Leont'ev V.V. *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty, politika* [Economic essays. Theories, researches, facts, politics]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 408 p. (In Russian).
6. Marshall A. *Printsipy ekonomicheskoy nauki* [Principles of economics]. Available at: <http://exsolver.narod.ru/Books/Econom/Marshall/index.html> (accessed 10.01.13). (In Russian).
7. Toffler A. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow, AST Publ., 1999, 261 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 26.07.2014.

ECONOMIC THINKING AS A «HUMAN FACTOR» IN PHILOSOPHY OF ECONOMICS

Elisey V. Chaschin

Perm National Research Polytechnic University; 29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia

The main purpose of this article is the exploration of economic thinking. It is an important component of the mental complex of modern man, in many respects defining its social life. This type of thinking is not included in the number of thoroughly investigated types, however, this study can reveal some of the contemporary economic problems. Economic thinking is considered as a category of social epistemology, and social psychology in the philosophy of economics. Only philosophy of economics (while recognizing the role and importance of all classical economic theory) can provide answers to many «inconvenient» questions concerning crisis in the contemporary society. The leading role of objective processes that influence the formation of the world economic system, do not belittle the importance of some subjective factors. Formation of the adequate by these challenges economic thinking is an important issue of modern social institutions.

Key words: thinking; society; economy; subjectivity; simulation; an abstract of the goods; the crisis.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чащин Е.В. Экономическое мышление как «человеческий фактор» в философии экономики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 46–50.

Please cite this article in English as:

Chaschin E.V. Economic thinking as a «human factor» in philosophy of economics // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 46–50.

УДК 176+17.023.32+316.74

ФИЛОСОФИЯ ГЕНДЕРА В СОВРЕМЕННОМ ЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫЧЕСТВЕ

Шиженский Роман Витальевич*кандидат исторических наук, доцент**заведующий научно-исследовательской лабораторией**«Новые религиозные движения в современной России и странах Европы»**Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина**603950, Н. Новгород, ул. Ульянова, 1**e-mail: heit@inbox.ru*

Цель статьи — характеристика важнейших сегментов женского вопроса в мировоззренческом дискурсе идеологов от язычества XX–XXI вв.: Варга Викернеса и Алексея Добровольского. К основополагающим структурным частям их концепций относятся: взгляд на место женщины в историческом дискурсе (истории «своей» и «чужой»), в социально-политической, семейно-бытовой и религиозной практике европейских обществ. Удалось выявить как общие, так и принципиально отличные черты во взглядах радикалов на женскую составляющую гендера. К общим относятся: описания пороков современного слабого пола; поиск женского идеала в исторической ретроспективе; комплекс идентичных утверждений связанных с доминированием сакральной, магически-ведовской функции у женщин; особый взгляд на внутренне семейный функционал — женщина как мать; поиск этиологии женского вопроса в религиозной и расовой сферах (преимущественно через критику монорелигиозности). Из множества отличий наиболее важным представляется подход языческих лидеров к проблеме идеального общественного устройства и напрямую связанное с последним определение эпохи золотого века.

Ключевые слова: философия гендера; неоязычество; община; семья; феминизм; золотой век.

Размышления над социальным обликом полов, ролью и местом мужчины и женщины в обществе (подчеркнём, обществе как своём — диаспоральном, «традиционном», так и чужом, «внешнем», мультикультурном) занимают одно из центральных мест в мировоззренческих построениях, своеобразных «языческих рефлексиях» норвежского нативиста В. Викернеса и русского мистического анархиста А. Добровольского (Доброслава). Исключительность гендерного вопроса в рассматриваемых религиозных системах подтверждается не только и не столько количеством обращений радикалов к проблеме мужского и женского, фиксируемых в массе источников языческих вождей. Об уровне значимости гендера скорее можно судить по неизменным вкраплениям тематического материала в конструируемую прозелитами религиозной оппозиционности и предлагаемую неофитам, а также массе сочувствующих историческую канву. Дело в том, что социокультурный и религиозный аспект половой принадлежности буквально пронизывает все исторические миры, представляющие собой часть гипотетически-доказательного фунда-

мента языческой идеологии XX–XXI вв. Мужчина и женщина присутствуют в русско-норвежских доисторических зарисовках, на них ссылаются в «осязаемые» исторические периоды, идеальные образы вновь созданных сильного и слабого пола улавливаются и в языческой перспективе — эпохе нового золотого века.

Гендерный ряд в мировоззренческих построениях норвежского язычника включает несколько базовых тем, основное содержание которых в том или ином виде встречается во многих опубликованных работах, в материалах интервью. Наиболее острые рассуждения скандинава сосредоточены в двух ракурсах анализируемой проблематики: определение первенства в «войне полов» и рассмотрение религиозной стороны взаимоотношений мужчины и женщины.

Анализ текстов В. Викернеса показал, что одним из важнейших духовных светочей северного язычника является образ Матери-Земли. Норвежец синкретически связывает религиозную деградацию современного общества с призывом к отказу от пагубного материалистического использования при-

родных недр. В частности, язычник пишет о необходимости возвращения уважения человечества к природе, поиске духовности именно в окружающем людей универсуме. Искомое мировоззрение музыкант планирует воссоздать за счёт ритуалов — религиозной практики. Вкладывая в образ родной планеты пантеистическое начало и отвергая идею посмертного рая, этнорадикал призывает своих читателей «жить здесь и сейчас и в будущем на нашей красивой Матери-Земле» [3, с. 89]. Несмотря на подчеркнуто культовое отношение скандинавского язычника к женскому божеству — земле (матери-природе), Викернес придерживается идеи разности мужского и женского в религиозных представлениях его предков. Он выстраивает божественную иерархию, высшим идеалом которой становится отнюдь не женский элемент: «...мы — и земные, и божественные существа; наши тела рождены от Матери-Земли, но наш разум (или так называемые “души”) рождён от Буре... бога неба — и тогда как разум стремится домой (в Асгард), тело держит его на Земле до тех пор, пока мы не очистимся и не усовершенствуемся в достаточной степени» [2]. Следовательно, мужское = духовное в мировоззренческой картине мира В. Викернеса превалирует над женским = земным. В подтверждение своей гипотезы норвежец прибегает к помощи своего «источничкового конька» — скандинавской мифологии. Рассказывая о роли и значении валькирий, отнюдь не второстепенных мифических образов северных мифов, создатель норвежского языческого фронта подчёркивает зависимость, в какой-то мере божественную неполноценность сакральных женских дружин. Крылатые девы полностью подчиняются Одину, главные обязанности валькирий — снабжение воинов ратной амуницией и прислуживание за столом во время праздничных пиров [3, с. 68–70]. Безусловно, северный музыкант отмечает как воинскую, так и магическую «службу» женской когорты Валгаллы, однако данные обязанности «богатырш» на страницах «Скандинавской мифологии» выглядят если не второстепенными, то вторичными по отношению к «традиционным» занятиям женской половины человечества.

Доминирование мужского над женским ещё более усиливается, приобретает открытые формы при обращении Викернеса к историческому материалу. Рассуждая на тему «войны полов», скандинавский писатель строит свою систему гендерных отношений. Так как в данной системе основа мужского величия была заложена во времена «доистории», весьма интересным выглядит не-

большое путешествие, своеобразный исторический спуск, с помощью которого можно будет в полной мере представить роль мужчины и женщины в мире пропагандиста скандинавской альтернативной религиозности.

Излагая свою точку зрения на современное положение социальных полов, В. Викернес весьма критично высказывается о женщинах XXI в. В интервью 2005 г. после весьма интересной преамбулы, включающей утверждение о равенстве полов при их разности и весьма интересной фразы: «...о женщинах я могу сказать только хорошее, но я не могу сказать ничего хорошего о современных женщинах» [12], норвежец перечисляет пороки сегодняшнего слабого пола. Таблица женских минусов, обнаруженных северным язычником, включает: развращённую культуру (отказ от приготовления пищи, нежелание иметь детей и семьи в целом), набор признаков, позволяющих стать «как мужчины» (жажда получения теоретического образования, мужские профессии, «мужской внешний вид»). В заключение норвежец констатирует: «Истинные женщины абсолютно равны мне, я их обожаю и уважаю, но современных женщин я вижу отвратительными, примитивными и испорченными животными, или лучше — недочеловеками» [12]. Далее, возможно, пытаясь смикшировать сказанное, отмежевываясь от ярлыка мужского шовиниста, норвежец обращает внимание и на испорченное состояние современных мужчин (сильный пол Викернес сравнивает с больными собаками, находящимися в стадии скорого усыпления) всего человечества. Особо следует отметить, что корень презируемого северянином феминизма последний находит в «иудеохристианской (анти) культуре», уничтожающей здоровую половую жизнь [1, с. 32].

Возникают закономерные вопросы: если сегодняшние женщины не устраивают скандинавского рагап-мыслителя, то существует ли в мировоззрении Викернеса идеал северной девы? Если да, то каковы критерии женского совершенства? Что предлагает норвежец взамен отрицаемому феминистскому = монорелигиозному? В цитируемом выше интервью скандинав называет, хотя и весьма условно, золотым веком «истинных» женщин эпоху Древней Скандинавии. Единственным ориентиром, позволяющим хронологически очертить правильную древность, становится всё тот же религиозный фактор. Для Викернеса, отрицающего авраамическую религиозность априори, искомым временем искомым женщинам становится языческий, следовательно, практически безвременный период родной истории. Набор качеств, необходимых, по

мнению музыканта, настоящей женщине, во-первых, включает подборку антонимов пороков слабой половины человечества, выявленных самим Викернесом, во-вторых, они базируются на взглядах скандинава, обращённых в историю, «историю с женским лицом». Спуск по исторической лестнице женского вопроса у норвежского этно-радикала имеет ярко выраженный скоростной характер. Глубоко не вдаваясь во временные вопросы, смену исторических эпох, создатель норвежского языческого фронта концентрирует внимание на преступлениях носителей новой веры — «азиатского христианства», когда, по словам скандинавского мыслителя, были сожжены миллионы европейских женщин и девушек [3, с. 88, 171]. Религиозная составляющая женского гендера становится первостепенной в языческой истории норвежского писателя. Викернес признаёт представительниц прекрасной половины человечества искусными магами, чья сила была (есть, будет?) сосредоточена в духе и эмпатии. Однако, практически полностью отдав женщинам сакральную власть в идеализированном языческом прошлом, скандинав даже в области магического ставит служительниц Фрейи в зависимое положение от духовенства мужского — жрецов (сейдманов) [3, с. 173].

Другую составляющую женского идеала, напрямую связанную со сферой духовной, северный язычник находит в девичьей невинности. Именно чистота становится «градусом», «физическим мерилом», позволяющим женщине занимать должное и достойное социальное положение в золотом веке прошлого [1, с. 34]. Итак, обрисовав искомый идеал — деву-жрицу, норвежец находит применение «смертным богиням». Женщины должны выполнить свою главную функцию — материнскую, стать «символами жизни». Оставаясь верным законам евгеники, расовой гигиены, Викернес на примере изменения цвета глаз рассуждает о необходимости введения института полигамной семьи, причём исключительно в виде многожёнства [1, с. 68]. Аргументальный ряд в защиту подобного семейного союза базируется на религиозно-расовых установках: арийской чистоте языческой девы-матери. Внутрисемейный кодекс, в представлении нашего героя, наполнен чисто мужским звучанием. Измена мужу карается смертной казнью. Женщины, лишённые девственности вне брака, разведённые и вдовы, пытающиеся выйти замуж вновь, в гендерной философии норвежца приобретают статус изгоев — «грязных женщин», неполноценных членов социума [1, с. 33–34]. Несмотря на признание нор-

вежцем сакральности, духовности, наконец, божественности женского образа, назначение последнего не выходит за рамки служения образу мужскому. Женщина — лишь часть целого, фрагмент, пусть и весьма важный [1, с. 34].

Основу взглядов Викернеса на гендер следует искать в его трактовках истории противостояния двух знаменитых форм первобытно-общинных отношений — матриархата и патриархата. Наиболее полно рассматриваемые представления скандинавского язычника отражены в разделе «Возраст богов» одной из основных его работ «Скандинавская мифология и мировоззрение»: «Женская натура пассивна и вполне согласуется с консерватизмом, который ищет уверенности в том, что есть, в то время как мужская натура — это быть активным и искать развития и улучшения; мужчина желает ставить на кон свои жизнь и здоровье в попытке их улучшить. Поэтому культурное развитие и наука впервые продвинулись вперёд, когда общество двинулось от матриархата к патриархату. Чем больше мужчины доминируют в обществе, тем больший прогресс осуществляется в культуре и науке» [3, с. 196].

Безусловно, гендерная концепция В. Викернеса не является стопроцентным оригинальным материалом автора. Да, скандинавский «мифологический налёт», собственная трактовка образов древних мифов могут быть отнесены к личному творчеству скандинава, но корни главной идеи — безоговорочное доминирование мужчины — следует искать в источниках иного происхождения. Последние включают интеллектуальный багаж мыслителей, относимых исследовательским сообществом к ариософам, традиционалистам, консервативным мыслителям и т.д. и т.п. Как отмечает сам Викернес, одно из центральных мест в списке «людей, о которых я очень высокого мнения» [12], занимает писатель барон Юлиус Эвола.

Возможно, именно работы итальянского философа-традиционалиста сыграли решающую роль в становлении норвежца как крайнего антифеминиста. В данной связи весьма показательна статья Ю. Эвола с говорящим названием «Феминизм и героическая традиция», написанная автором в 1933 г. Относя феминизм к признакам вырождения, философ отмечает и последствия введения социального равенства полов, перечень которых характерен и для размышлений В. Викернеса [16, с. 170]. Кроме того, в ряде других статей Эвола неоднократно подчеркивает древность и неарийское происхождение гинекокрации (цивилизации женщин). Преобладание женского над мужским,

встречающееся в исторических культурах, одно-значно расценивается итальянским мыслителем как «искажение нормальных отношений, свойственных традиционному порядку в его чистом и абсолютном состоянии» [15, с. 113]. Отсюда выводимый из матриархата пантеизм, преподносимый Эволой как «бесформенное освобождение, вырывающееся в беспорядочных опытах», соотношение женского с лунными и хтоническими элементами, в противоположность мужским — ураническим [14, с. 180–181].

К числу возможных учителей В. Викернеса в плане гендерных отношений можно отнести и известного австрийского оккультиста Гвидо фон Листа, однако лишь отчасти. Так, мистик европейского языческого возрождения XIX–XX вв. разделяет точку зрения норвежца о превалировании в германских женщинах религиозного начала, но вместе с тем по-иному смотрит на институт арийского брака. Да, Г. фон Лист, подобно В. Викернесу, заявляет о так называемом законном союзе — браке женщины только с одним мужчиной, запрете внебрачных связей. Говорит о необходимости соблюдения расовой чистоты, законном отказе смешанных браков. Вместе с тем австрийский мистик отвергает столь желанное В. Викернесом многоженство, институт полигамной семьи [11, с. 146–147].

Наконец, третьим «наставником» основателя норвежского языческого фронта в интересующем нас вопросе следует признать французского писателя второй половины XIX в. графа Ж.А. де Гобино. Прежде всего отметим тот факт, что на страницах своего основного «расового труда» граф высказывает идею в духе мужской гегемонизации В. Викернеса о существовании на земле «мужских» и «женских» (феминизированных) рас. «Если исключить тевтонское семейство и часть славян, на нашем континенте останутся только группы, скудно наделённые прагматическим чувством, которые уже сыграли свою роль в предыдущие эпохи, и повторить это им больше не дано» [5, с. 93]. Расставив приоритеты в расовом вопросе, поделив население Европы на расы «мужские», «женские» и констатируя «хронологическую смерть» феминизированных рас прошлого, автор переходит от общего к частному, обращается к характеристике идеальной семьи арийца-германца. Гобино, как вслед за ним (?) и норвежец, помещает желанную ячейку германского общества в хронологическое безвременье, в некие времена выхода арийцев из Верхней Азии. Образ главы арийского семейства на страницах «Опыта» представлен в

полной «деспотической красе». Далеки от одно-значности и выводы мыслителя XIX в. о прямой зависимости процента арийского элемента у народа от женского авторитета в обществе [5, с. 654].

Помимо гендера расового и «гендера обычного» роднит мысли В. Викернеса и Гобино и взгляд на роль полов в религиозном аспекте. Женщины севера, в представлении французского писателя, отвечали за медицинские знания, вели колдовскую и магическую практики [5, с. 654].

Рассмотрев основополагающие идеи гендерного вопроса В. Викернеса и определив возможные источники его происхождения, обратимся к социальной роли полов в интерпретации А.А. Добровольского. Проблемный ряд сферы мужского и женского вятского панентеизма в целом совпадает с вопросами, раскрываемыми норвежским этнорадикалом. Новой опцией, вводимой Доброславом в исследуемую проблематику, является образ «девы воинствующей», отсутствующий в построениях В. Викернеса.

Наиболее полно точка зрения русского мистика-анархиста о современном состоянии отечественного гендера и особенно роли женщины в социальных отношениях постсоветской России изложена в письме автору от 04.07.2012. Приведем ключевой фрагмент данного источника: «Мы живём в мире, где мужчины — да и женщины, к сожалению, тоже — руководствуются общественными понятиями, предрассудками и нормами, установленными мужчинами и ориентированными на мужчину... Безусловно, приниженное положение женщины, ограниченные возможности для её самореализации препятствуют духовному обновлению общества, уровень развития которого всегда измеряется той ролью, какую играет в нём женщина, ибо в ней, по словам Ликурга, скрыта сила народа» [13, с. 1]. В принципе, на тех же позициях стоит и «сравниваемый» с Добровольским В. Викернес, и большинство из приведённых «заочных учителей» норвежского радикала. Другое дело, как развиваются и во что проистекают столь возвышенные начальные характеристики... Весьма близки к скандинавским и перечисленные Доброславом современные пороки русского общества в целом и его женской половины в частности: «поощряется безбрачие, приветствуется однополая “любовь”, наркотики, расовое кровосмешение и прочие мерзости. Наши же доморощенные “феминистки” взяли от западных коллег всё самое дурное и нечистоплотное: отвращение к семейной жизни, “право” на аборт, отказ от рождения и воспитания потомства» [13, с. 1]. Затронутая здесь

проблема феминизма, движения, столь критикуемого Викиернесом, на страницах рассматриваемого эпистолярного источника в корне противоположна. Доброслав не только не выступает против феминизма, но и ставит его в ряды возможных союзников неоязычества наряду с экологами и антиглобалистами. Идеолог от языческого анархизма видит в феминизме «настоящем», неиспорченном «освобождение женщин от деспотического патриархального наследия западной цивилизации, прежде всего в РЕЛИГИОЗНОМ её аспекте» [13, с. 2]. Разница со взглядами В. Викиернеса очевидна.

Обзор работ Добровольского, непосредственно раскрывающих суть религиозной стороны взаимоотношений полов, позволяет утверждать, что «пантеоны» русского и северного язычников при одинаковом составе значительно разнятся в плане иерархии. Взамен второстепенной роли Матери-Земли и безграничной власти мужских богов северного олимпа Доброслав строит славянский божественный мир, ставя во главу сонма высших сил именно женское начало. По мнению отшельника, культ живой земли — великой богини жизни не только общеиндоевропейского единства, но и «всего юного человечества» уходит своими корнями во времена изначального матриархата [10, с. 31].

Если во взглядах на мифологическую функцию мифологических полов наши герои не только далеки друг от друга, но и прямо противоположны, то описание современными язычниками религиозной составляющей женщин реальных, исторических во многом являет собой пример мировоззренческого единства. Одной из важнейших особенностей, «обнаруженных» в слабом поле и В. Викиернесом, и А. Добровольским, становится женская сакральность, способность, в отличие от мужчин, мыслить потусторонними категориями. Добровольский обращается и к конкретным мифическим примерам. Он наделяет сказочный персонаж — Бабу-Ягу даром шаманизма, «профессией» детского воспитателя, «блюстительницей родовых обычаев и руководительницей женских посвященных обрядов» [10, с. 69–70]. По-своему используя сравнительно-исторический метод, русский языческий лидер привлекает к системе доказательств и примеры женщин-прорицательниц из древней германской истории [6, с. 82–83].

Ещё одной общей темой гендера, безусловно, следует признать обвинения, предъявляемые норвежско-русским «языческим тандемом» служителям христианской церкви. Основа обвинений — инквизиционные преследования слабой половины

человечества. Если в сочинениях Викиернеса осуждение ревнителей экстрамер по колдовским, равно женским, процессам занимает в общей сложности несколько строк, то в работах Добровольского аналогичные деяния представлены намного масштабнее. Используя большое количество зарубежных иллюстративных примеров, идеолог нового русского язычества особое внимание обращает на женоненавистническую практику средневековых охотников на еретиков, основываясь на которой ставит диагноз определённой части служителей церкви [8, с. 102–104]. Исходя из данных текста, позиция автора выкристаллизовывается на сто процентов. Во-первых, женщина (дева) — основной хранитель и транслятор «знаний для посвящённых»; во-вторых, в религиозных преследованиях Средневековья женская половина человечества пострадала значительно больше, нежели мужская; в-третьих, основной источник неравноправия — монорелигиозность в лице многоконфессионального христианства.

Последнее, что объединяет этнорадикалов во взглядах на социальное положение женщины, — функция воспроизводства, деторождения. Подчёркивая исключительную важность материнства, продолжения рода, вятский мистик связывает это и даже ставит в прямую зависимость от религиозной, природоцентричной составляющей [8, с. 97].

Если антихристианство Доброслава, даже в гендерном вопросе, следует расценивать как мировоззренческую константу, то на какой платформе строится данная постоянная? Ответ — в рассмотренной выше «войне полов» — эпохе перехода от матриархата к патриархату. Причём, называя одно «событие» в качестве исходного, Викиернес и Добровольский подходят к его итогам с абсолютно противоположных позиций. В отличие от скандинава, вятский мыслитель именно с матриархатом связывает истоки человеческой культуры и потерянный, а возможно, и искомый золотой век. Опираясь в своих построениях на гипотезу немецкого социолога Э.З. Фромма о первобытном матрицентризме, Доброслав заявляет: «Никакого “засилья” женщин не было. Власти, как таковой, не было; о насилии, принуждении, навязывании кому-либо чужой воли не могло быть и речи, когда Женщина находилась в центре общественной жизни... Мать была скорее Божеством, чем начальством; она ассоциировалась с Матерью-Землёй, и вокруг неё строилась и вся семейная, и вся социальная жизнь» [7, с. 15–16]. К первобытному = матриархальному обществу писатель относит и эпоху равенства полов. Соответ-

ственно, с приходом патриархата, по Добровольскому, начинается период открытия земледелия и скотоводства, мужчина приносит в мир «уродливые порождения» — государство и искомый нами монотеизм. Кроме того, исходя из концепции матрицентризма, Доброслав значительно расширяет сферу женской деятельности, вступая в прямое столкновение с тезисами Варга об ограниченном функционале слабого пола. Отечественный языческий просветитель покусается на главное (по Викирнесу) мужское занятие — войну. Девушки-революционерки, террористки, боровшиеся с царским режимом, на страницах одной из последних работ А.А. Добровольского преподносятся как героини, боровшиеся с любыми проявлениями деспотизма [9, с. 33–35].

Не останавливаясь на «книжных институтах», собственном опыте лесного затворника, что способствовало формированию матриархально-центрических взглядов А.А. Добровольского, выделим одного из авторов прошлого, чьи мысли, как отметил сам Доброслав, весьма близки ему в интересующем нас аспекте. Речь идёт о профессоре Германе Феликсе Вирте, который специалистам известен как глава общества Аненербе (Наследие предков). Кроме того, Вирт — автор ряда исследований («Священная прото-письменность», «Происхождение человечества»), издатель и ярый защитник древнефризской рунической книги (подлинность которой вызывает большие сомнения) «Хроника Ура Линда» [4]. Изучение текста последней (в переводе и с комментариями А.В. Кондратьева) позволяет определить общее, а местами и полностью идентичное в концептуальных построениях Г.Ф. Вирта и А.А. Добровольского.

Эпоха мифического «золотого века», райских времен ассоциируется у Г.Ф. Вирта и А.А. Добровольского с господством матриархата. В комментариях к тексту «Хроники» профессор отводит управлению, сосредоточенному в руках «почётной матушки» и «дев-градоправительниц», важнейшую роль. Главное в данной системе не столько степень влияния фризских избранниц на социально-политическое развитие своего народа, сколько приписываемые последним сакрально-культовые функции. «Культе являлся... делом общественным, государственным и государственно-упорядоченным: он находится в руках женщин. А та из этих женщин, которая призывает возглавлять и сохранять культовый порядок, оберегать народную традицию и т.д., несёт на себе тем самым высочайшую ответственность за управление государст-

вом» [4, с. 276]. Подобное общественное устройство Вирт называет демократией, именно эту матриархальную общину он считает союзом и свободных, и равных (первобытный анархо-коммунизм, по А.А. Добровольскому).

В обеих декларируемых системах переход власти от женщин к мужчинам, эра господства патриархата мыслится как регресс, конец земного рая. Профессор, как и языческий дидакал, считает приход новой чужеродной власти, основанной на новых религиозных воззрениях, одним из главных атрибутов, разрушающих традиционную архаику. Весьма близки у рассматриваемых персоналий и хронологические рамки расцвета материнского культа. Добровольский не единожды пишет об открытиях человечества времён первобытного, равно — женского, века. Вирт прямо заявляет: «...культ *matres* или *matronae*, “Белых” или “Мудрых” Дам, “народных матушек”, принадлежит изначально культуре мегалитических гробниц широкого круга Северного моря» [4, с. 282].

Подведём некоторые итоги. Во-первых, анализ гендерного вопроса в мировоззрении В. Викирнеса и А.А. Добровольского показал значительный процент «женского материала», рассмотренного и интерпретированного авторами. Во-вторых, данные текстов европейских язычников позволяют выделить сегменты, составившие в итоге образ женского пола двух этнорадикалов. К основополагающим структурным частям обеих концепций относятся: взгляд лидеров от альтернативной религиозности на место женщины в историческом дискурсе (истории «своей» и «чужой»), место прекрасной половины человечества в социально-политической, семейно-бытовой и религиозной практике европейских обществ. В-третьих, в результате работы с авторским наполнением приведённой структуры удалось выявить как общие, так и принципиально отличные черты во взглядах радикалов на женскую составляющую гендера. К общим относятся: описания пороков современного слабого пола при разности подходов языческих лидеров к проблеме феминизма; поиск женского идеала в исторической ретроспективе; комплекс идентичных утверждений, связанных с доминированием сакральной, магически-ведовской функции у представительниц слабой половины человечества; особый взгляд на внутренне-семейный функционал: женщина = мать, продолжательница рода; поиск этиологии женского вопроса в религиозной и расовой сферах (преимущественно через критику монорелигиозности). Из массы отличий наиболее важным является подход языческих лидеров к

проблеме идеального общественного устройства и напрямую связанное с последним определением эпохи золотого века.

Список литературы

1. Викernes В. Речи Варга. Тамбов: Полюс, 2007. 176 с.
2. Викernes В. Речи Варга II. URL: <http://nordlux-digi.org> (дата обращения: 14.10.2010).
3. Викernes В. Скандинавская мифология и мировоззрение. Тамбов: ПОЛЮС, 2006. 232 с.
4. Вирт Г.Ф. Хроника Ура Линда. Древнейшая история Европы // пер. с нем. А.В. Кондратьев. М.: Вече, 2007. 624 с.
5. Гобино Ж.А. де. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей, 2011. 765 с.
6. Доброслав. Зов Туле. Б.М.: Хлыновский экспресс, 2006. 83 с.
7. Доброслав. Об идолах и Идеалах. Б.М.: Новая Земля, 2007. 89 с.
8. Доброслав. Сарынь на кичку! Киров: Вятка, 2004. 110 с.
9. Доброслав. Своим путём // Очерки Природоведения. Убожество единобожия. Своим путём. Как хрестьяне стали крестьянами. О главном. Б.М., б.г. С. 26–35.
10. Доброслав. Язычество: Закат и Рассвет. Киров: Вятка, 2004. 80 с.
11. Лист Г. Первооснова. Тамбов: ExNordLux, 2009. 176 с.
12. Митчел К. Интервью с Варгом Викернесом // The Metal Crypt. 10.05.2005 / пер. с англ. Kriolith / BURZUM.ORG. Official Varg Vikernes website. URL: http://www.burzum.org/rus/library/2005_interview_metalcrypt.shtml (дата обращения: 01.02.2012).
13. Письмо А.А. Добровольского Р.В. Шиженскому от 04.07.2012. Из личного архива автора.
14. Эвола Ю. Живём ли мы в гинекократическом обществе? // Традиция и Европа. Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. С. 179–186.
15. Эвола Ю. Красное знамя // Традиция и Европа. Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. С. 108–115.
16. Эвола Ю. Феминизм и героическая традиция // Традиция и Европа. Тамбов: Ex Nord Lux, 2009. С. 166–171.

Получено: 24.07.2014.

References

1. Vikernes V. *Rechi Varga* [Varg's speeches]. Tambov, POLYUS Publ., 2007, 176 p. (In Russian).
2. Vikernes V. *Rechi Varga II* [Varg's speeches II]. Available at: <http://nordlux-digi.org> (accessed at 14.10.2010). (In Russian).

3. Vikernes V. *Skandinavskaya mifologiya i mirovozzrenie* [Germanic mythology and Worldview]. Tambov, POLYUS Publ., 2006, 232 p. (In Russian).
4. Wirth H. *Khronika Ura Linda. Drevnejshaya istoriya Evropy* [Ura Linda chronicle. The ancient history]. Moscow, Vechе Publ., 2007, 624 p. (In Russian).
5. Gobineau J.A. *Opyt o neravenstve chelovecheskikh ras* [The inequality of human races]. Moscow, Odissey, 2011, 765 p. (In Russian).
6. Dobroslav. *Zov Tule* [The call to Tula]. No place of edition, Khlynovskij ekspress Publ., 2006, 83 p. (In Russian).
7. Dobroslav. *Ob idolakh i Idealakh* [About idols and ideals]. No place of edition, Novaya Zemlya Publ., 2007, 89 p. (In Russian).
8. Dobroslav. *Saryn' na kichku!* [All the ruble to the galleys!]. Kirov, VYATKA Publ., 2004, 110 p. (In Russian).
9. Dobroslav. [By one's way]. *Ocherki prirodovedeniya. Ubozhestvo edinobozhiya. Svoim putyom. Kak khrest'yane stali krest'yanami. O glavnom* [Sketches of nature study. Meanness of monotheism. By one's way. How khrest'yane has become peasants. About the main thing]. No place of edition, no year of edition, pp. 26–35. (In Russian).
10. Dobroslav. *Yazychstvo: Zakat i Rassvet* [Paganism: Decline and Break]. Kirov, VYATKA Publ., 2004, 80 p. (In Russian).
11. List G. *Pervoosnova* [Principium]. Tambov, Ex-NordLux Publ, 2009, 176 p. (In Russian).
12. Mitchel K. *Interv'y u s Vargom Vikernesom* [Interview with Varg Vikernes]. The Metal Crypt. 10th of May 2005. Available at: http://www.burzum.org/rus/library/2005_interview_metalcrypt.shtml (accessed 01.02.2012). (In Russian).
13. [The letter from A. A. Dobrovol'skiy to R. V. Shizhenskiy, June 4, 2012]. Author's personal files. (In Russian).
14. Evola J. [Do we live in a gynaeocratic society?]. *Traditsiya i Evropa* [Tradition and Europe]. Tambov, ExNordLux Publ, 2009, pp. 179–186. (In Russian).
15. Evola J. [The red banner]. *Traditsiya i Evropa* [Tradition and Europe]. Tambov, ExNordLux Publ, 2009, pp. 108–115. (In Russian).
16. Evola J. [Feminism and heroic tradition]. *Traditsiya i Evropa* [Tradition and Europe]. Tambov, Ex-NordLux Publ, 2009, pp. 166–171. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 24.07.2014.

PHILOSOPHY OF GENDER IN THE CONTEMPORARY EUROPEAN PAGANISM

Roman V. Shizhenskiy

*Minin Nizhniy Novgorod State Pedagogical University;
1, Ulyanov str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russia*

The main goal of this research is characteristics of the most important segments of woman question in world-view discourse of pagans' of XX–XXI century ideologues: Varg Vikernes and Alexey Dobrovolsky. The fundamental structural parts of both concepts are: opinion of the leaders from alternative religiosity on the place of woman in historical discourse, place of fair sex in the socio-political, family — household and religious practices of European societies. As a result of work with author's content of given structure it was able to identify both common and fundamentally distinctive features in the view of radicals on female component of gender. The common ones include: descriptions of the vices of contemporary weaker sex; search of the feminine ideal in historical perspective; complex of identical allegations, related with dominance of the sacred; magically — witching function of representatives of the weaker half of humanity; a special look at internally — family functional — woman = mother; search of the etiology of woman question in the religious and racial spheres (mainly through criticism of monoreligiosity). From the mass of differences the most important one is the approach of the pagan leaders to the problem of the ideal social order and, directly related to the last, definition of era of the Golden age.

Key words: philosophy of gender; neo-paganism; community; family; feminism; the Golden Age.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шиженский Р.В. Философия гендера в современном европейском язычестве // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 51–58.

Please cite this article in English as:

Shizhenskiy R.V. Philosophy of gender in the contemporary European paganism // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 51–58.

УДК 167/168+51:101.8

К ОБЪЯСНЕНИЮ СВЯЗАННОСТИ ТРЕБОВАНИЙ КОЛМОГороВА ДЛЯ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Резников Владимир Моисеевич

кандидат философских наук

старший научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

e-mail: mathphil1976@gmail.com

Показана методологическая значимость требований Колмогорова для вероятностей, изучаемых в приложениях. Так, на основе первого требования близости теоретической вероятности и частот при большом числе испытаний применяются многие результаты, относящиеся к теории вероятностей и математической статистике. На основе второго требования — принципа Курно проверяются статистические гипотезы. Показано, что этот же принцип лежит в основе концепции фальсификационизма в философии Поппера. Обоснованность попперовского фальсификационизма по формальным основаниям напрямую связана с корректностью и универсальностью принципа Курно. Особое внимание уделено исследованию факта связанности этих требований. Показано, что объяснение связанности французских математиков не вписывается в эмпирическую традицию. Анализируются подходы Шейфера и Вовка к объяснениям связанности требований Колмогорова. Проведена классификация этих объяснений по степени их обоснованности. Обсуждаются наиболее обоснованные объяснения, предлагаются и исследуются новые подходы к объяснению связанности этих требований. Основная идея нового объяснения заключается в том, что формальная зависимость первого требования от второго является взаимной и в свою очередь предполагает семантическую зависимость второго условия от формально зависимого требования.

Ключевые слова: принцип фальсификации; вероятность; независимость; принцип Курно; теорема Бернулли, частотная интерпретация.

Считается, что теория вероятностей имеет существенный философско-онтологический аспект в связи с диалектической необходимостью случайного. Данная же статья посвящена изучению методологического значения данной теории — значительная методологическая роль философии в отношении науки после работ К. Поппера и его последователей также редко подвергается сомнению.

В 1933 г. в Германии вышла книга А.Н. Колмогорова: «Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung» [14], а в 1936 г. под названием «Основные вопросы теории вероятностей» [2] она была издана в Советском Союзе. В ней Колмогоров впервые предложил аксиоматику теории вероятностей, принятую впоследствии математическим сообществом. Предложенная им аксиоматика означала, что четвертая проблема Д. Гильберта получила частичное решение. Гильберт о поставленной им четвертой проблеме писал так: «...с исследованиями по основаниям геометрии связана задача об аксиоматическом по-

строении по этому же образцу тех физических дисциплин, в которых уже теперь математика играет выдающуюся роль: это в первую очередь теория вероятностей и механика» [5, с. 34]. В книге Колмогорова кроме описания собственно теории вероятностей с учетом последних достижений в области теории меры и теории интегрирования кратко изложены вопросы методологического характера о связи математического формализма с реальным миром. Исследование методологических вопросов в монографии Колмогорова не является случайным. Колмогоров, несмотря на то, что основные его достижения относились к чистой математике, также интересовался приложениями математики. Его интерес к приложениям находит частичное объяснение в письме к М. Фреше. Колмогоров отмечал: «Формальная аксиоматизация должна быть дополнена анализом ее реального смысла» [18, р. 71]. И далее он продолжает: «Мы можем исследовать любой математический формализм, который нам нравится, но

мы имеем право назвать его вероятностью, только если мы можем объяснить как связать классически рассматриваемый феномен с помощью теории вероятностей» [18, р. 71].

В работе А.Н. Колмогорова рассматривается несколько вопросов методологического характера. Во-первых, вопрос о введении в модель свойства независимости. Колмогоров полагал, что в рамках математики получение полного множества предпосылок, предполагающих введение в модель свойства независимости, невозможно. Эта проблема относится к области философии естественных наук [2, с. 19]. Во-вторых, анализ концептуальных оснований связи математики с областью ее приложений. Колмогоров отмечает, что в вопросах применения математики в целом следует Р. Мизесу [2, с. 12]. В наших предыдущих работах показано, что требования Колмогорова к вероятностям, одно из которых предполагает близость вероятности к частотным характеристикам при большом числе испытаний, а другое запрещает появление события с низкой вероятностью в единственном испытании, представляют не только исторический интерес, но и практическую, методологическую значимость. В частности, в связи с этими требованиями применяются многие результаты в математической статистике и теории вероятностей [8–10].

Отметим, что, в отличие от аксиоматики Колмогорова, которую хорошо знают математики и конкретные специалисты, применяющие математику, а также методологи, требования Колмогорова к приложениям менее известны, так как они не популярны и в известной литературе не анализировались, поэтому их исследование представляется актуальным. Особый интерес связан с тем фактом, что требования Колмогорова оказываются зависимыми. Возникает вопрос: «Почему А.Н. Колмогоров остановился на зависимых условиях, не логичнее ли было использовать только независимое условие и необходимые для вывода зависимого, теоремы?». В настоящей статье на основе анализа условий А.Н. Колмогорова и объяснений их связанности в работах Г. Шейфера и В. Вовка предлагается новое объяснение факта связанности в контексте эмпирической интерпретации теории вероятностей.

В статьях Г. Шейфера и В. Вовка [17, 18] и их монографии (частично) [16] рассматриваются результаты, полученные Колмогоровым [2]. Как отмечают Шейфер и Вовк, их интересовали два аспекта. Во-первых, анализ достижений, на основе которых Колмогоровым была получена аксиома-

тическая теория вероятностей. Как считает большинство математиков, работа А.Н. Колмогорова заключалась не в улучшении этих достижений, а в синтезе его теории на основе этих результатов [18, р. 70]. Во-вторых, описание известных концепций, определяющих условия развития теории вероятностей и ее связи с миром данных. Согласно Шейферу и Вовку, на предложенные Колмогоровым условия применения теории вероятностей в существенной степени влияли взгляды французской математической школы. Так, представители французской школы теории вероятностей полагали, что развитие теории основано на предположении о равновероятности всех изучаемых событий. Применение теории, по их мнению, основано на принципе А. Курно, запрещающем появление маловероятного события в единственном эксперименте. Курно писал: «Следовательно, физически невозможное событие — это такое событие, математическая вероятность которого бесконечно мала» [4, с. 89]. Так как на основе теоремы Бернулли и сильного принципа Курно выводится утверждение о близости теоретической вероятности и частот, то тем самым, по мнению П. Леви, достигается объективность изучаемых вероятностных характеристик изучаемых событий [18, р. 73]. Предположение о влиянии французских математиков на предложенные Колмогоровым условия применения теории вероятностей имеет большие основания. Во-первых, А.Н. Колмогоров в своих публикациях ссылается на П. Леви [18, р. 74], во-вторых, математические проблемы обсуждались во время визита Колмогорова во Францию. Сам А.Н. Колмогоров отмечал, что в контексте проблемы применения теории вероятностей его подход близок к Р. Мизесу, основателю частотной концепции теории вероятностей. Согласно Мизесу, частотная интерпретация предполагает сходимость частотных характеристик к вероятности. Требования Колмогорова к применению теории вероятностей таковы:

«А. Можно практически быть уверенным, что если комплекс условий S будет повторен большое число раз n и если при этом через m обозначено число случаев, при которых событие A наступило, то отношение m/n будет мало отличаться от $P(A)$.

В. Если $P(A)$ очень мало, то можно практически быть уверенным, что при однократной реализации условий S событие A не будет иметь места» [2, с. 13].

Требования А.Н. Колмогорова представляют собой комбинацию подходов П. Леви и Р. Мизеса. Условие А — это финитный вариант требования

Мизеса о сходимости частот к вероятности, а условие В является сильным принципом Курно. В работе [10] показано, что требования Колмогорова значимы в практическом и методологическом плане. Их значимость обусловлена тем, что они широко используются. Так, на основе условия А применяются объективистские концепции теории вероятностей, к которым относятся: частотные интерпретации теории вероятностей и в некотором смысле стандартную работающую теорию вероятностей Колмогорова. На основе условия В достигается наилучшая аппроксимация теоретической вероятности с помощью частот в теореме Бернулли, кроме того, второе требование о невозможности реализации маловероятного события в единственном эксперименте является базовым принципом проверки статистических гипотез. Основания всех методов проверки статистических гипотез предполагают фальсификацию проверяемой гипотезы. В случае опровержения гипотезы она отбрасывается, если гипотеза устояла, то она временно принимается. Поэтому принцип Курно имеет методологическую значимость для фальсификационизма, исследуемого в философии К. Поппера. Как известно, философия Поппера основана на принципе фальсификации, поэтому формальная обоснованность концепции Поппера напрямую зависит от обоснованности и универсальности принципа Курно [7, 15].

В настоящее время факт связанности условий Колмогорова не является объясненным в полной мере и представляет интерес для исследования, хотя, как пишут Г. Шейфер и В. Вовк, уже современники А.Н. Колмогорова, в частности Э. Борель и П. Леви, отмечали, что условие А выводится на основе теоремы Бернулли и условия В [18, р. 91]. Борель, Фреше, Леви и др. не занимались исследованием проблемы связанности условий Колмогорова, но на основе их высказываний о роли субъективных вероятностей для развития теоретического аппарата теории вероятностей и значимости принципа Курно как моста, соединяющего теорию вероятностей с миром данных, содержится неявное объяснение факта связанности условий Колмогорова. С философско-методологических оснований представляет интерес неявное объяснение смысла связанности в работах французских математиков. Согласно Борелю, Леви, Фреше и др., связанность условий в контексте теоремы Бернулли имеет значение, так как обеспечивает на основе теоремы Бернулли и субъективных вероятностных оценок как для вероятности, определяемой принципом Курно, так и

для вероятностей, используемых в теореме Бернулли, получение объективистских оценок о близости частот и теоретической вероятности. Однако объяснение французских математиков не является удовлетворительным в рамках эмпиризма. Можно привести несколько контраргументов к идее французских математиков. Во-первых, классики эмпирической традиции, в частности Конт полагали, что корректному применению аналитического аппарата предшествует скрупулезное измерение значений некоторых переменных путем тщательных экспериментов. Затем на основе уравнений, которые связывают измеренные переменные с переменными, недостижимыми экспериментально, и решением этих уравнений получают искомые значения переменных. Во-вторых, в данном случае, уместна аналогия с жерновом и пшеницей. Для того чтобы получить муку хорошего качества, необходимо, чтобы техника помола жернова была высокого качества и исходные данные (пшеница) также должны быть должного качества. В случае исходных данных, полученных на основе единичных экспериментов, а не тщательно спланированных многократно проведенных испытаний, на основе применения теоремы Бернулли сложно рассчитывать на получение надежных частотных оценок.

Отметим, что в настоящее время ни в научной, ни в учебной литературе условия Колмогорова не являются популярными. Если условие А иногда приводится в учебной литературе, то условие В полностью игнорируется. Только в известном учебнике по математической статистике Г. Крамера эти условия представлены полностью [3]. Какие-либо объяснения связанности нигде не были предложены, за исключением выше упомянутых работ Шейфера и Вовка, где даны различные объяснения зависимости условия. Однако, прежде чем исследовать объяснения Шейфера и Вовка, сделаем ряд замечаний. На первый взгляд возникает несколько вопросов к факту выводимости условия А на основе условия В и теоремы Бернулли.

Во-первых, вопрос об адекватности этих условий для использования в теории вероятностей и, в частности, как применить теорему Бернулли к условию В, чтобы получить А. Проблема возникает, так как условия А и В заданы неформально. Условие А свидетельствует о близости частоты события и его вероятности, однако остается неясным, насколько близки частота и вероятность этого события. Условие В утверждает, что в единственном эксперименте запрещено появле-

ние маловероятного события. Однако оно не говорит о том, насколько ничтожной должна быть вероятность события для того, чтобы это событие не произошло. Тем не менее, данные обстоятельства не являются препятствием для применения теоремы Бернулли, так как при ее использовании исследователь задает, какова близость частоты и вероятности и насколько малой должна быть вероятность события для того, чтобы его считать невозможным. Отметим, что если условия Колмогорова рассматривать как неформальные, которые и не предполагалось формализовывать, тогда вполне объяснимо, почему практически все математики, читавшие книгу Колмогорова, не заметили, что эти условия оказываются связанными посредством теоремы Бернулли.

Во-вторых, возникает вопрос о необходимости условия В вообще, так как условие А является заключением теоремы Бернулли и при этом оно выводится без использования В. Однако условие В имеет значение, потому что когда оно учитывается, то условие А оказывается верным на любой конечной типичной выборке, т.е. условие В приводит к получению А на выборках меньшего объема по сравнению с непосредственным выводом А на основе теоремы Бернулли. Перейдем к объяснениям, которые были предложены Шейфером и Вовком, мы их классифицировали по степени обоснованности и приводим в порядке ее возрастания.

1. Зависимость не является существенным недостатком, так как в книге Колмогорова условия применения теории вероятностей представлены после его аксиоматики, следовательно, теорема Бернулли еще не была получена и поэтому вывод требования А на основе требования В и теоремы Бернулли не мог быть сделан. По нашему мнению, это объяснение является формальным и не вполне серьезным.

2. Колмогоров мог просто не обращать внимания на то, что его требования к вероятностям оказались зависимыми. Это предположение основано на том, что Колмогоров нигде не дал каких-либо объяснений факта зависимости его требований к вероятностям. Однако трудно предположить, что Колмогоров и многочисленные читатели его книги не замечали формальной связанности этих требований, скорее всего условия Колмогорова воспринимались неформально. Однако если требования к применению математики являются неформализуемыми, то они оказываются вне математики и не могут быть строго проанализированы и использованы в приложениях.

К вполне серьезным и обоснованным относятся следующие объяснения:

3. Условие А, хотя и выводимо на основе условия В, имеет самостоятельное значение, так как является частотным, а Колмогоров отмечал, что его требования к применению теории вероятностей близки к Мизесу, одному из основателей частотной интерпретации теории вероятностей. А.Н. Колмогоров писал: «В изложении необходимых предпосылок для приложимости теории вероятностей к миру действительных событий автор в значительной мере следует выводам Мизеса» [2, с. 12].

4. Существуют трудности верификации свойства независимости в исследуемых данных, когда они представлены выборкой большого объема. Проверка независимости имеет значение для корректного применения теоремы Бернулли, так как первоначально теорема была доказана в предположении независимости данных.

В нашей статье объяснения Шейфера и Вовка усилены путем привлечения дополнительных аргументов в пользу значимости условия А в контексте третьего и четвертого объяснений. Вначале приведем новые аргументы, обосновывающие самостоятельную значимость условия А и тем самым усиливающие третье объяснение Шейфера и Вовка путем сравнительного анализа условий А и В. В эпистемологическом плане условие А является естественным, однако требование В, совпадающее с сильным принципом Курно, является не вполне корректным, как фактически, так и концептуально. Во-первых, маловероятные события в действительности реализуются, но редко. Во-вторых, требование запрета маловероятных событий имеет не вероятностный, а в лучшем случае вероятностно-детерминистский характер. В онтологическом плане А существенно отличается от В: во-первых, вероятность А, как правило, является высокой, а вероятность В — низкой. Во-вторых, А относится к математике, а В — это в существенной мере философский «мост», связывающий теорию вероятностей с миром опыта. Сравнительный анализ условий А и В дополним критическим анализом принципа Курно с логических и операциональных оснований. В операциональном плане принцип Курно заслуживает критики, так как не учитывает объем необходимых экспериментов для получения устойчивой оценки малой вероятности. Так, для того чтобы определить вероятность порядка 10^{-n} , необходимо проведение, по скромной оценке Ю.И. Алимова, порядка 10^{n+1} экспериментов [1, с. 20]. В методоло-

гическом отношении принцип Курно также заслуживает критики. В последние годы представителями различных наук по различным основаниям критикуется методология проверки статистических гипотез [11, 12].

Для данной работы представляют интерес основания критики принципа Курно. Он критикуется, так как существуют структуры данных, для которых появление маловероятного события полностью подтверждает гипотезу, вопреки стандартной логике проверки гипотез. Приведем известный из литературы пример. Предположим, что Джон — американец. Следовательно, маловероятно, что он член конгресса США. Однако он член конгресса США. Тогда по логике проверки статистических гипотез гипотеза, что он американец, опровергается, хотя очевидно, что это верная гипотеза [11]. Данный пример не является единственным, приведем собственный пример. Майк — профессиональный хирург и специалист в области лечения определенной болезни. Один из его пациентов практически безнадежно болен. Однако если операцию делает Майк, то вероятность благополучного исхода с учетом всех известных негативных (состояние здоровья пациента) и позитивных (квалификация и опыт Майка) факторов мала, но больше нуля. Он сделал операцию и пациент остался жив. Произошло маловероятное событие. По логике проверки гипотез предположение, что Майк — профессиональный хирург, должно быть отвергнуто [9, с. 107].

Хотя условие А формально выводимо на основе условия В и теоремы Бернулли, однако в рамках частотной традиции имеет смысл выводимость на основе вероятностей, которые были получены на основе устойчивых частот. Поэтому вероятность, определенная в соответствии с принципом Курно, должна быть согласована с условием А или в определенном эмпирическом смысле от него зависима.

Теперь приведем аргументы в пользу значимости условия А в контексте четвертого объяснения Шейфера и Вовка путем анализа теоремы Бернулли. В начале приведем формулировку теоремы Бернулли. В простейшем случае теорема Бернулли формулируется так.

Теорема. Проводится n независимых испытаний события А, и в m экспериментах произошло событие А. Известно, что теоретическая вероятность появления события А в каждом эксперименте равняется $p(A)$, m/n — это частота события А, ε — это точность вычислений. Тогда, при бес-

конечном числе экспериментов выполняется следующее равенство:

$$\lim_{n \rightarrow \infty} P(|m/n - p(A)| < \varepsilon) = 1 \quad (1)$$

Иногда утверждают, что теорема имеет операциональное и эпистемологическое значение по следующим основаниям. Во-первых, теорема устанавливает близость теоретической вероятности и эмпирических частот. Во-вторых, еще более важно то, что она определяет вероятность для этой близости. В-третьих, она обеспечивает получение объективных вероятностей на основе субъективных вероятностей. Мы полагаем, что ее значимость переоценивается. Во-первых, в теореме предполагается известной заранее теоретическая вероятность, хотя теоретические величины априори неизвестны. Во-вторых, утверждение, что математика обеспечивает получение объективных оценок на основе вычислений над субъективными оценками, представляется сомнительным. Математические науки обладают свойством консервативности истины, обеспечивая получение истинных утверждений путем правильных рассуждений, применительно к ранее полученным истинным утверждениям. В-третьих, при естественной эмпирической интерпретации требуется намного больше вычислений, чтобы определить внешнюю вероятность P в выражении (1) по сравнению с внутренней вероятностью $p(A)$ [6]. В-четвертых, в контексте эмпиризма применение прикладной статистики является обоснованным для многократно экспериментально полученных устойчивых оценок. Поэтому применение теоремы Бернулли предполагает, что вероятность успеха испытаний в этой теореме — это теоретическая вероятность, которая была определена на основе устойчивых частотных оценок, а также вероятность, соответствующая принципу Курно, получена на основе статистических испытаний. Получается, что формальная зависимость условия о близости теоретической вероятности к частотам от принципа Курно и теоремы Бернулли предполагает, что вероятность, определенная принципом Курно, и вероятность успеха испытаний, входящие в теорему Бернулли, согласованы с условием о близости частот к вероятности и в некотором смысле от него зависимы. Отметим, что сложности применения теоремы Бернулли связаны не только с проверкой независимости для выборок большого объема данных, но и с проверкой на малую свя-

занность, так как теорема верна и для малозависимых экспериментов.

Итак, при эмпирической интерпретации зависимости условия А от условия В и теоремы Бернулли предполагает, что вероятность, соответствующая принципу Курно, и вероятности, входящие в теорему Бернулли, являются статистически устойчивыми, т.е. согласованными с условием А или в некотором семантическом смысле от него зависимыми. Возможно, что семантическая зависимость условия В от А, трудности проверки условий применимости теоремы Бернулли и недостатки принципа Курно объясняют, почему Колмогоров не считал, что формальная зависимость условия А является недостатком. Наше объяснение связанности условий Колмогорова, так же как и объяснения Шейфера и Вовка, являются реконструкциями этих условий и не могут быть окончательными, так как Колмогоров не оставил развернутых комментариев к предложенным им условиям применимости теории вероятностей.

Проведенное исследование относится к области «точной философии», которая на наш взгляд, может выступать в качестве раздела философии науки. Выделение «точной», или «формальной», философии в отдельное направление, с одной стороны, связано с популярностью формальных методов в различных областях знания, включая философию науки, аналитическую философию и др. С другой стороны, хотя математические и логические результаты являются формально корректными, это не исключает семантическое, практическое и методологическое несовершенство этих методов, препятствующее их обоснованному использованию в практике научных исследований. Кроме того, некоторые предпосылки формальных методов являются не точными, а лишь правдоподобными, например рассмотренный нами принцип Курно. Эти особенности формальных методов приводят к двум значимым задачам: 1) необходим всесторонний анализ (методологический, философский, практический и т.д.) формальных методов, особенно популярных в приложениях; 2) возможно и необходимо искать решение ряда научных и философских проблем с помощью формальных методов. Данное направление представляется перспективным. Во-первых, в «формальной философии» для ряда проблем находятся решения. Во-вторых, эти решения оказываются не самого общего характера. Однако решение некоторых частных проблем в ряде случаев имеет эвристическую значимость и может привести к нахождению общего решения. Неплохое, на наш взгляд, введение в основные

принципы и методы «формальной философии» предложено в интересной работе Хендрикса и Симона (2006) [13].

Список литературы

1. *Алимов Ю.И.* Альтернатива методу математической статистики. М.: Знание, 1980. 84 с.
2. *Колмогоров А.Н.* Основные понятия теории вероятностей. М.: Наука, 1974. 120 с.
3. *Кramer Г.* Математические методы статистики. М: Мир, 1975. 648 с.
4. *Курно А.* Основы теории шансов и вероятностей. М: Наука, 1970. 384 с.
5. *Проблемы Гильберта.* М.: Наука, 1969. 240 с.
6. *Резников В.М.* Анализ условий применения теории вероятностей по Колмогорову // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар: КубГАУ. 2014. № 04(098). URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/108.pdf>. (дата обращения: 07.05.2014).
7. *Резников В.М.* Вероятностные идеи в философии К. Поппера // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Новосибирск, 2013. Т. 11, вып. 2. С. 143–148.
8. *Резников В.М.* Критический анализ условий применения теории вероятностей по Колмогорову // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10, вып. 1. С. 19–24.
9. *Резников В.М.* Об адекватности математической статистики // Знания-Онтологии-Теории: материалы Всеросс. конференции с международным участием, 8–10 октября 2013 г. Новосибирск: Прайс-Курьер, 2013. Т. 2. С. 106–111.
10. *Резников В.М.* Об адекватности принципа Курно в математике // Философия математики: актуальные проблемы. Математика и реальность: тез. Третьей Всеросс. науч. конференции. 27–28 сентября 2013 г. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2013. С. 91–95.
11. *Cohen J.* The Earth is Round ($p < 0,05$) // *American Psychologist*. 1994. Vol. 49, № 12. P. 997–1003.
12. *Fidler F.* From statistical significance to effect estimation: Statistical reform in psychology, medicine and ecology. Department of History and Philosophy of Science. The University of Melbourne, 2005. URL: http://www.botany.unimelb.edu.au/envisci/docs/fidler/fidlerphd_aug06.pdf (date of access: 22.05.2014).
13. *Hendricks V., Symons J.* Masses of Formal Philosophy. London: Automatic Press, 2006. 264 p. URL: <http://www.formalphilosophy.com> (date of

access: 12.08.2014).

14. Kolmogoroff A. Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung. Berlin: Springer, 1933. 62 s.
15. Popper K. The propensity interpretation of the calculus of probability, and quantum theory // Observation and interpretation: A symposium of philosophers and physicists / ed. by S. Körner. M.H.L. Pryce. L., 1957. P. 65–70.
16. Shafer G., Vovk V. Probability and Finance It's Only a Game! N.Y.: A Wiley-Interscience Publication, 2001. 414 p.
17. Shafer G., Vovk V. The origins and legacy of Kolmogorov's Grundbegriffe. URL: <http://www.probabilityandfinance.com/articles/04.pdf> (date of access: 22.05.2014).
18. Shafer G., Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // Statistical Science. 2006. Vol. 21, № 1. P. 70–98.

Получено: 14.08.2014.

References

1. Alimov Yu.I. *Al'ternativa metodu matematicheskoy statistiki* [An alternative to the method of mathematical statistics]. Moscow, Znanie Publ., 1980, 84 p. (In Russian).
2. Kolmogorov A.N. *Osnovnye ponyatiya teorii veroyatnostej* [Basic terms of theory of probability]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 120 p. (In Russian).
3. Cramer G. *Matematicheskie metody statistiki* [Mathematical methods of statistics]. Moscow, Mir Publ., 1975, 648 p. (In Russian).
4. Cournot A. *Osnovy teorii shnsov i veroyatnostej* [Exposition of the theory of chance and probability]. Moscow, Nauka Publ., 1970, 384 p. (In Russian).
5. *Problemy Gil'berta* [Problems of Hilbert]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 240 p. (In Russian).
6. Reznikov V.M. [Analysis of application conditions of the theory of probability sensu Kolmogorov]. *Politematicheskij setevoy elektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic net online scientific journal of Kuban State Agrarian University]. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Publ., 2014, no 4(098). Available at: <http://ej.kubagro.ru/2014/04/pdf/108.pdf> (accessed: 07.05.2014). (In Russian).
7. Reznikov V.M. [Probability ideas in K. Popper's philosophy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series "Philosophy"]. 2013, vol. 11, no 2, pp. 143–148. (In Russian).
8. Reznikov V.M. [Critical analysis of application conditions of the theory of probability sensu Kolmogorov]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series "Philosophy"]. 2012, vol. 10, no 1, pp. 19–24. (In Russian).
9. Reznikov V.M. [Concerning adequacy of mathematical statistics]. *Znaniya-Ontologii-Teorii: Materialy vserossijskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Knowledge-Ontologies-Theories: Proceedings of All-Russian Scientific Conference with international participation]. 8–10th October. Novosibirsk, Prais-Kur'er Publ., 2013, vol. 2, pp. 106–111. (In Russian).
10. Reznikov V.M. [Concerning adequacy of Cournot's principle]. *Filosofiya matematiki: aktual'nye problemy. Matematika i real'nost': Tezisy tret'ej vserossijskoj nauchnoj konferentsii*. [Philosophy of mathematics: current issues. Mathematics and reality: Proceedings of the 3rd All-Russian scientific conference]. 27–28th of September 2013. Moscow, Centre of Strategic Conjecture Publ., 2013, pp. 91–95. (In Russian).
11. Cohen J. The Earth is Round ($p < 0,05$) // *American Psychologist*. 1994. Vol. 49, № 12. P. 997–1003.
12. Fidler F. From statistical significance to effect estimation: Statistical reform in psychology, medicine and ecology. Department of History and Philosophy of Science. The University of Melbourne, 2005. Available at: http://www.botany.unimelb.edu.au/envisci/docs/fidler/fidlerphd_aug06.pdf (accessed: 22.05.2014).
13. Hendricks V, Symons J. *Masses of Formal Philosophy*. London: Automatic Press, 2006. 264 p. Available at: www.formalphilosophy.com (accessed 12.08.2014).
14. Kolmogoroff A. Grundbegriffe der Wahrscheinlichkeitsrechnung. Berlin: Springer, 1933. 62 p.
15. Popper K. The propensity interpretation of the calculus of probability, and quantum theory // Observation and interpretation: A symposium of philosophers and physicists / ed. by S. Körner M.H.L. Pryce. L. 1957. P. 65–70.
16. Shafer G., Vovk V. Probability and Finance It's Only a Game! N.Y.: A Wiley-Interscience Publication, 2001. 414 p.
17. Shafer G., Vovk V. The origins and legacy of Kolmogorov's Grundbegriffe. URL: <http://www.probabilityandfinance.com/articles/04.pdf> (дата обращения: 22.05.2014).
18. Shafer G., Vovk V. The Sources of Kolmogorov's Grundbegriffe // Statistical Science. 2006. Vol. 21, № 1. P. 70–98.

The date of the manuscript receipt: 14.08.2014.

ON THE EXPLANATION OF CONNECTEDNESS
OF KOLMOGOROV'S CONDITIONS FOR PROBABILITIES
Vladimir M. Reznikov

Institute of philosophy and law of SB RAS; 8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630099, Russia

The methodological significance of Kolmogorov's conditions for probabilities studied in applications is demonstrated. For instance, on the basis of the first condition about the proximity of theoretical probability and frequencies under a large number of experiments we used many results in probability theory and mathematical statistics. On the basis of the second condition — Cournot's principle — verification of statistical hypotheses is carried out. The same principle is the foundation of the concept of falsificationism in Popper's philosophy. The validity of Popper's falsificationism for formal reasons is directly connected with the correctness and universality of Cournot's condition. A special attention is paid to studying the explanations of the fact of connectedness of the requirements. It is demonstrated that the explanation of connectedness by the French mathematicians is not empirical in character. The approaches of Shafer and Vovk to the explanation of connectedness of Kolmogorov's requirements are analyzed. A classification of these explanations according to their feasibility is presented. The best justified explanations are discussed; new approaches to the explanation of connectedness of the requirements are proposed and studied. The basic idea of the new explanation is that the formal dependence of one requirement on another presupposes, in turn, the semantic dependence of the formally independent requirement on the formally dependent one.

Key words: principle of falsification; probability; independence; Cournot's principle; Bernoulli's theorem; frequency interpretation.

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Резников В.М. К объяснению связанности требований Колмогорова для вероятностей // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 59–66.

Please cite this article in English as:

Reznikov V.M. On the explanation of connectedness of Kolmogorov's conditions for probabilities // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 59–66.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

**СОЦИАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКСТРЕМИЗМА
(ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)****Гайворонская Александра Александровна**

кандидат психологических наук, доцент
Смоленский филиал Юридического колледжа
международной полицейской ассоциации
214025, Смоленск, ул. Багратиона, 63
e-mail: agajvoronskaya@yandex.ru

В статье анализируются социальные стереотипы относительно экстремизма психосемантическими методами (микросемантический анализ и метод «множественной идентификации»). Автор считает, что для современного российского общества характерно неустойчивое состояние общественного сознания, что обусловлено социальным напряжением, конкуренцией за право доминирования определенной идеи. Анализ факторной структуры стереотипов об экстремизме свидетельствует об активности и наступательной силе экстремизма. Противодействие экспансии экстремизма предполагает организацию пропаганды идей толерантности.

Ключевые слова: экстремизм; социальные стереотипы; микросемантический анализ; метод «множественной идентификации».

**Социальные стереотипы населения
об экстремизме**

Изменения в современном мире затрагивают общество, культуру. Отмечается растущий интерес общества к политике, религии, а также увеличение количества преступлений на национально-религиозной почве, повышается уровень идеологического насилия, а его характер становится все более организованным. Современная социальная ситуация требует не только активного, гибкого поведения, но и устойчивого противостояния негативным воздействиям.

Экстремизм (от лат. *extremus* — крайний) в самом широком смысле принято определять как приверженность к крайним взглядам, мерам. Семантическое поле данного понятия: *экстремальный* — *экстрим* — *экстремист*. Общие представления об экстремизме связаны, как правило, с его отдельными видами, формами (политический, религиозный, молодежный). Действия, которые связаны с опасностью, риском для жизни, часто называют «экстрим», «экстремизм» (спортивный, развлекательный).

В психологических исследованиях, экстремизм (его многоаспектная природа возникновения, многовариантные формы в обществе) исследуется как социально-психологический феномен, выраженный в действиях групп, группировок и индивидов.

Л.Н. Аксеновская считает, что «экстремизм по результатам, по своим последствиям есть вид аутоагрессии социума, механизм самоуничтожения культуры и жизни в целом. Своего рода вид культурного и социального суицида». Автор, рассуждая о природе данного феномена, называет его контркультурным явлением, связанным с метакulturой человеческого сообщества в целом [1]. В.А. Кольцова и В.А. Соснин связывают феномен экстремизма с политическими или социальными идеологиями, имеющими скрытое значение незаконности идей или методов [2].

Мы поддерживаем точку зрения С.Б. Целиковского, который полагает, что индивидуальный экстремизм может охарактеризовать стиль личности с высоким выбором крайних точек зрения, предельных средств и способов выбранных целей, а также крайние варианты самих целей [6].

П. Колеман и А. Бартоли полагают, что оценка экстремистских действий «зависит от ценностей, политических убеждений, нравственных ограничений оценивающего, а также от его отношений с деятелем» [7]. Вместе с этим В.А. Соснин выделяет в экстремистском стиле поведения следующие характеристики: стремление исказить реальность относительно своих представлений, избегание критического анализа убеждений и взаимодействие исходя из личного недоброжелательства к оппонентам, рационализация своих специфических интересов под предлогом общественного благополучия [4].

Обобщая вышеприведенные точки зрения, представляется обоснованным рассматривать экстремизм как совокупность асоциальных установок сознания, вызывающих агрессивное поведение. При этом известно, что установка представляет собой психологическую основу стереотипа и выражает готовность воспринимать явление определенным образом, вписывать его в определенный контекст предшествующего опыта, выполняя функцию регуляции социального поведения, взаимодействия с социальной средой во всех возможных проявлениях [5].

На наш взгляд, для социально психологического исследования экстремизма необходим анализ возможных социальных феноменов (социальные представления, установки, стереотипы), обусловленных ценностями.

В связи с этим представляется интересной точка зрения К.В. Кузнецова на религиозный экстремизм, который он рассматривает как крайнюю форму проявления фанатизма. По его мнению, религиозный фанатизм переходит в экстремизм тогда, когда нет никаких иных «удерживающих» форм идентификации: национальных, гражданских, родовых, имущественных, клановых, корпоративных [3]. Следовательно, изучение экстремизма при помощи идентификаций будет способствовать выявлению содержания социальных стереотипов о данном феномене.

В свою очередь мы понимаем под стереотипом, описывающим экстремизм, упрощенное, схематичное представление о данном феномене. Оно характерно для обыденного сознания и обладает большой устойчивостью.

Цель данного исследования — изучение стереотипов относительно экстремизма при помощи психосемантических методов (микросемантический анализ и метод «множественной идентификации»).

Метод «микросемантический анализ» был разработан А.В. Брушлинским в конце 70-х гг. прошлого века. Он предназначен для изучения закономерностей мыслительного процесса на основе выявления возможных связей значений, систем значений, описывающих решение мыслительной задачи. Микросемантический анализ способствует обнаружению в интерпретации феномена экстремизма разных объяснений (описаний), психологических характеристик процесса интерпретирования [интеллектуальных (когнитивных) или оценочных (эмоциональных)].

Метод множественной идентификации впервые был представлен в работах В.Ф. Петренко, он был разработан для изучения общественного сознания, а именно стереотипов, автостереотипов и связанных с ними социальных установок, социальных представлений. Как известно, совокупность этих феноменов в различном сочетании и с разной степенью выраженности имманентно присутствует в общественном сознании, оказывает на него влияние, конструирует архетипическую память. Метод «множественной идентификации» предполагает сопоставление ролевых позиций и выявление стоящих за ними идентификаций (вероятности совершения и описание характерных поступков). Множественная или коллективная идентификация способствует определению позиции «я» в общей картине мира. Интерпретация результатов связана с реконструкцией социальных стереотипов, описывающих проявления экстремизма.

При помощи контент-анализа мы выявляли смысловые единицы сочинений. Ими были описания действий — поступки, связанные, по мнению испытуемых, с экстремизмом.

На первом этапе исследования для выявления действий — поступков, описывающих экстремизм, мы использовали методику мини-сочинений. Респондентов просили описать, что такое экстремизм, какие действия, по их мнению, свойственны экстремистам. При анализе и обработке данных использовались микросемантический анализ и контент-анализ.

На втором этапе исследования мы использовали метод множественной идентификации. Каждому респонденту предлагалось оценить возможность совершения того или иного поступка (из списка 28 возможных) для каждой из восьми ролевых позиций по семибальной шкале (от -3 до +3). Ролевые позиции были выбраны следующие: *верующий, политик, обычный человек, атеист,*

националист, пацифист и др. Выбор ролевых позиций был обусловлен тем, что данные роли/позиции выражают принадлежность к какой-либо роли, позиции.

В исследовании приняло участие 332 человека в возрасте от 17 до 55 лет; средний возраст $M = 30,9$ лет; стандартное отклонение $SD = 1,79$; 152 женщины.

Все испытуемые были отобраны на основе рандомизированного отбора. Это постоянно проживающие в Смоленске, Смоленской области, Москве, Екатеринбурге, Волгограде учащиеся колледжей, обучающиеся различным специальностям, студенты различных вузов, работающее население. Женщины и мужчины были представлены равномерно. В состав выборки вошли представители разных конфессий, национальностей и политической ориентации. Количественные различия статистически незначимы.

Описание и анализ результатов исследования

Контент-анализ протоколов мини-сочинений позволил выделить более 1200 дескрипторов (описание поступков, характерных для религиозного экстремизма). В среднем на каждый протокол приходилось около 3,5 дескрипторов. Ведущие темы в описании феномена экстремизма были следующие:

- а) насилие, нетерпимость;
- б) альтернативная политика, религия;
- в) закамouflированный способ достижения власти.

Для большинства испытуемых экстремизм определялся как насилие, нетерпимость: «Экстремизм — это нетерпимость к другим» (муж. 32 года); «...неприязнь к другим взглядам» (муж. 21 год); «...идеология допустимости использования крайних мер» (муж. 32. года); «...действия против существующих порядков» (жен. 19 лет.), «...неуважение и непонимание других интересов» (жен. 25 лет), «...форма конфронтации» (муж. 44 года).

Очень часто в протоколах отмечалось описание конкретных видов борьбы (акции, листовки, провокации, теракты) для утверждения своих интересов, например: «экстремизм — это акции “Пусси Райт” и других таких же», «...выступления с криками, лозунгами против кого-либо» (жен. 25 лет), «...превосходство над другими» (муж. 23 года).

Встречалось мнение, что экстремизм — это «антипозиция», или «другая альтернативная

идеология», или, например, «экстремист — это революционер, обгоняющий время» (муж. 51 год); были и такие суждения: экстремизм — «...это нарушение прав, свобод и интересов человека по национальному, религиозному признаку» (муж. 39 лет), «...это протест против устаревших традиций и ценностей» (жен. 19 лет), «это вражда политиканов» (жен. 33 года), «...это борьба за свои идеалы» (муж. 27 лет).

В протоколах также отмечалось, что экстремизм связан с оскорблением по национальному или религиозному признаку: «экстремизм — это неуважение и непонимание других религий» (муж. 25 лет), «...пренебрежение к национальным традициям» (жен. 19 лет), «...издевательства над служителями церкви» (муж. 30 лет), «...неприличное поведение в общественных местах» (жен. 20 лет).

По мнению респондентов, экстремист, совершая противоправные действия, не боится ответственности за них, объясняя их как временные или вынужденные меры для изменения существующих порядков: «экстремисты верят, что они совершают правильные деяния» (муж. 29 лет), «...перекладывают ответственность на Бога и полностью подчиняются идее» (жен. 33 года), «Считая свою идею самой правильной и самой верной, они злобно отрицают другие идеи и авторитеты» (муж. 25 лет).

Очень часто в протоколах встречались исправления, зачеркивания, были и отказы от участия в исследовании (более 35 %), иногда этот феномен объясняли иронично: «Фанатики, которые слушают только себя» (жен. 19 лет), «Это те, кто всем навязывает свое мнение» (жен. 19 лет).

Были часто и такие записи: «Четко охарактеризовать затрудняюсь, скажем, так: для меня слово неразрывно связано с терактами» (жен. 30 лет). У многих респондентов экстремистская деятельность связана со страхом: «Поступки из ряда вон выходящие, вызывающие страх у нормальных людей» (жен. 19 лет). Хотелось бы отметить, что никто из респондентов не одобрял экстремистскую деятельность.

В результате анализа был составлен словарь понятий, содержащий более 136 дескрипторов: экстремизм — это осуществление насилия, действия против общества, борьба с властью, желание адреналина, агрессия, пропаганда исключительности, терроризм, бандитизм, стремление поработить волю большинства, распространение листовок, превосходство над другими, навязывание на-

строений, фашизм, насилие, провокации, беспорядки, вред людям, нехватка ярких впечатлений, распространение экстремистских материалов, бескомпромиссность, террористические акции, достижение личных выгод, погромы, настенная уличная агитация, опасное явление, взятие заложников, межнациональная рознь, демонстрирование нацистской атрибутики и др.

На втором этапе исследования респондентами был предложен метод множественной идентификации с последующим факторным анализом. Для факторного анализа пригодность имеющихся данных была подтверждена достаточным результатом теста Кайзера – Мейера – Олкина (КМО) (0,76) и значимым уровнем теста сферичности Бартлетта ($p < 0.001$). К матрице была применена процедура факторного анализа методом главных компонент с последующим поворотом факторных структур по принципу Варимакс.

В результате было получено 8 факторов, объясняющих 98% дисперсии, где для содержательного анализа было выбрано 5 факторов. Рассмотрим эти факторы.

Первый фактор, ведущий, объясняет 33 % общей дисперсии:

власть над обществом: 0,96;
насилие против тех, кто не разделяет взгляды: 0,94;
рискованный проект: 0,87;
вред людям: 0,85;

состояние души, когда человек не может жить без острых ощущений: 0,80;
риск: 0,80;
несправедливость: –0,55.

Этот фактор обозначен как лидирующий конструкт **власть над обществом**. Содержательные, входящие в него, выражают совокупность жестоких форм и средств насилия для достижения власти. Для экстремизма характерно доминирование силовых методов для достижения своих целей.

Второй фактор, биполярный, объясняет 16 % общей дисперсии:

противозаконность: 0,84;
несогласие: 0,75;
противоправные действия: 0,74;
навязывание настроений: 0,67;
взятие заложников: –0,60;
необдуманные поступки: –0,56.

Этот фактор обозначен нами как **противоправные действия**. Конструкт, набравший самое высокое значение, — это *противозаконность* (0,84). Для экстремистки ориентированной личности характерно достижение поставленных целей любыми способами, в том числе и нарушая закон, осуществляя противоправные действия. В этом факторе проявились конструкты *несогласие*, *навязывание настроений*.

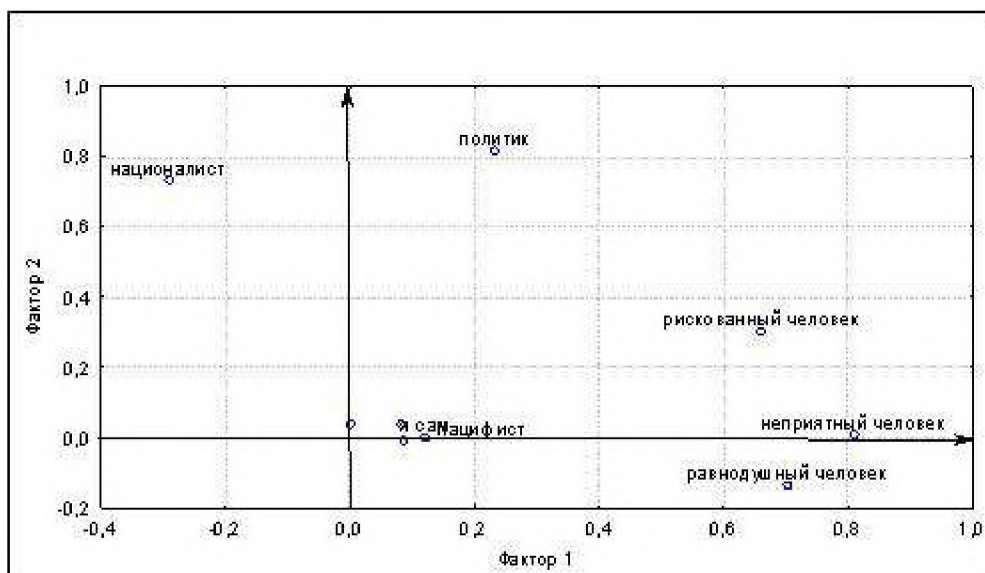

Рис. 1. Семантическое пространство первого и второго факторов

В семантическом пространстве фактора *власть над обществом* лидирующую позицию занимает *неприятный человек*. Возможно, что тот человек, который имеет власть над обществом, неприятен для окружающих. В этом факторе проявляются позиции, с одной стороны *рискованный человек*, с другой стороны, *равнодушный человек*.

В семантическом пространстве второго фактора проявились ролевые позиции: *политик* и *националист*. Вероятно, в каких-то ситуациях политик, националист могут нарушить закон и осуществлять экстремистки ориентированную деятельность для достижения своих интересов (см. рис. 1).

Третий фактор объясняет 13 % общей дисперсии:

- террор: 0,93;
- навязывание настроений: 0,91;
- террористические акции: 0,87;
- распространение листовок: 0,80;
- погромы: 0,79;
- унижение окружающих: 0,76;
- провокации: 0,65.

Третий фактор получил название по своему ведущему конструкту *террор* (0,93) — обозначен нами как **терроризм**. Кризисные процессы, проис-

ходящие в обществе, ограничение возможностей тех или иных движений бороться за достижение своих целей легальными способами, дискредитация, беззаконие и нарушение прав человека обуславливают их разрешение путем террора.

Четвертый фактор объясняет 10 % общей дисперсии:

- настенная уличная агитация: 0,94;
- провокации: 0,92;
- демонстрирование нацистской атрибутики: 0,89;
- достижение личных выгод: 0,72;
- акции: 0,58;
- распространение листовок: 0,55.

Четвертый фактор обозначен нами как **пропаганда**. Для экстремистки ориентированных личностей важно привлечь как можно больше последователей. Осуществляется пропаганда массовой культуры, с элементами насилия, противоречащая ценностям, принятым в российском обществе. Для пропаганды экстремизма активно используются современные информационно-коммуникационные технологии. Лидирующий конструкт — «настенная уличная агитация» (0,94).

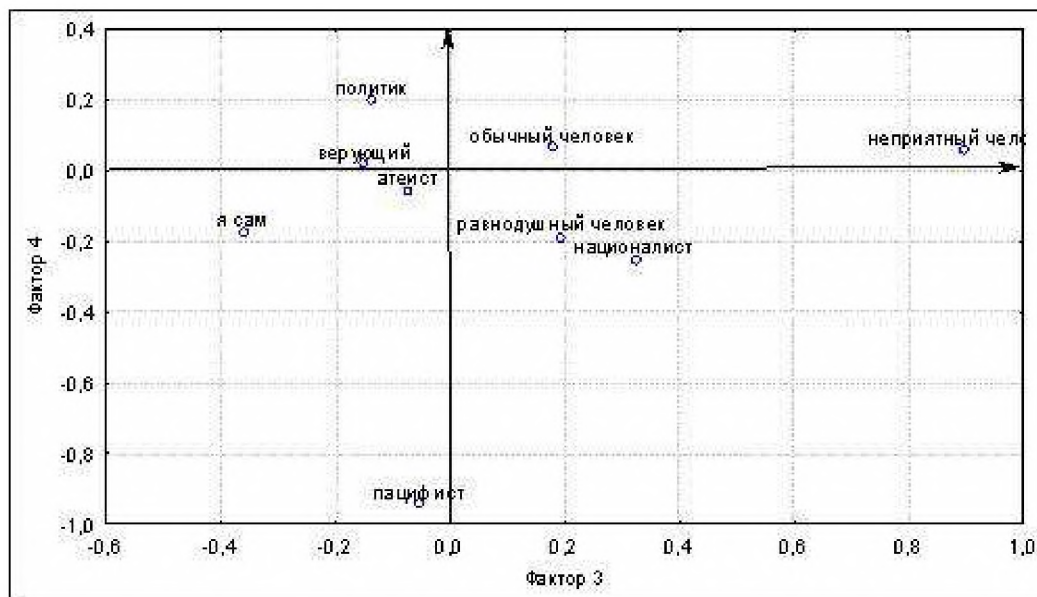

Рис. 2. Семантическое пространство третьего и четвертого факторов

В семантическом пространстве фактора *терроризм* лидирует ролевая позиция *неприятный человек*. Те, кто занимается террористической деятельностью, вызывают неприятие, отторжение у населения. Известно, что цель террористического действия — это устрашение, запугивание (кон-

структы: *навязывание настроений, распространение листовок, унижение окружающих*). В семантическом пространстве четвертого фактора проявились ролевые позиции: *политик, обычный человек*. В склейке ролевые позиции *верующий человек и атеист*. Пропаганда может содержать

призыв к совершению экстремистской деятельности, объяснение как оправдание необходимости осуществления такой деятельности (конструкты: *провокация, достижение личных выгод*). Предназначена данная пропаганда для обычных людей, верующих, атеистов, возможно, политиков. На противоположном полюсе располагается ролевая позиция *пацифист* (*сопротивление любому насилию*), неприятие даже на уровне идеи (см. рис. 2).

Пятый фактор:

нарушение прав человека: 0,91;
неуравновешенность: 0,87;
действия против общества: 0,81;
необдуманные поступки: 0,72;
идеология жестокости: 0,58.

Этот фактор получил 8 % дисперсии и был обозначен как **дискриминация**. Основным конструкт в этом факторе *нарушение прав человека* (0,91). Действия, нарушающие права человека, неуравновешенность, максимализм выражают повышенный уровень тревожности, готовность к диффузным действиям (конструкт — *необдуманные поступки* (0,72)), решительным действиям (конструкт — *нарушение прав человека* (0,91)), бескомпромиссность в выборе мер (*идеология жестокости* 0,58). Все действия [конструкты — *нетерпимость* (0,58), *отклонение от нормы* (0,55), *рискованный проект* (0,51), *культ собственной исключительности* (0,50)] направлены на достижение желаемой цели.

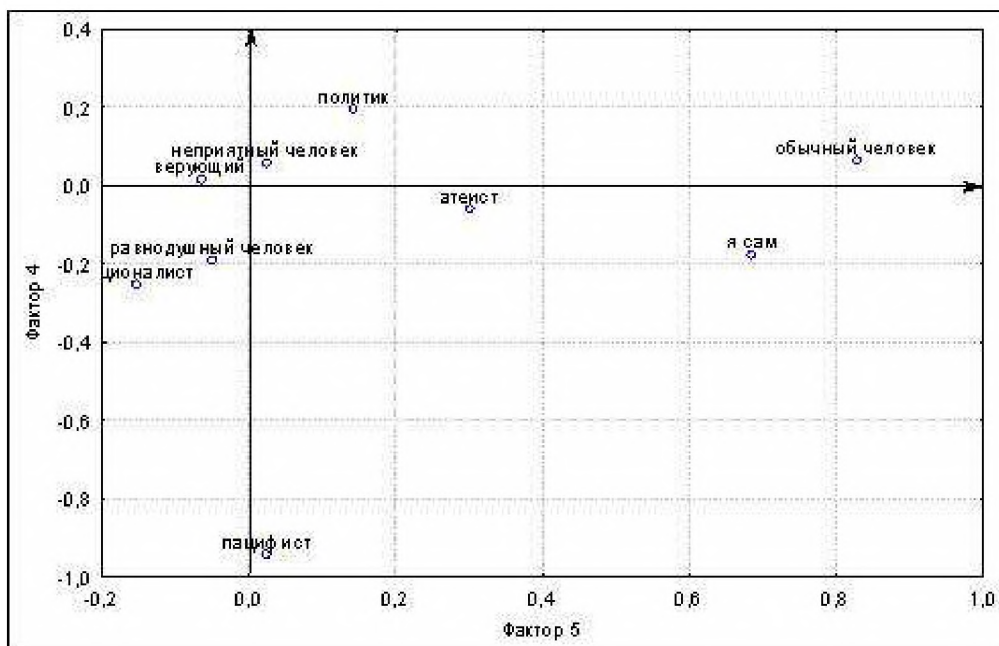

Рис. 3. Семантическое пространство пятого и четвертого факторов

В семантическом пространстве фактора *дискриминация* проявилась ролевая позиция *обычный человек*. Далее мы видим ролевую позицию *я сам*. Вероятно, коррупция, социальная несправедливость, снижение уровня жизни, преступность обуславливают поиск виноватых, в качестве которых для экстремистки ориентированных личностей выступают лица другой религии, национальности, любой иной социальной группы. В основе

лежит дискриминация, античеловеческая идеология (конструкты: *нарушение прав человека, действия против общества, идеология жестокости*) (см. рис. 3).

В результате мы получили вероятностную модель стереотипов населения об экстремизме (см. рис. 4).

Рис. 4. Вероятностная модель стереотипов населения относительно экстремизма

Выводы:

1. Для современного российского общества характерно неустойчивое состояние общественного сознания, обусловленное межконфессиональным, этническим и политическим напряжением, конкуренцией за право доминирования определенной идеи, религии в общественном сознании.

2. Поверхностные, неглубокие знания социальной сущности традиционных ценностей приводят к искажениям и деформациям установок на способы пропаганды взглядов.

3. Факторная структура стереотипов об экстремизме (*власть над обществом, пропаганда, действия против закона, терроризм, дискриминация*) подчеркивает активность и наступательную силу экстремизма.

4. Результаты исследования методами психосемантики социальных стереотипов относительно экстремизма позволяют утверждать, что изучаемый феномен восполняет вакуум мировоззренческих, идеологических взглядов, обслуживает функцию самоопределения, самопрезентации отдельных индивидов, способствует стабилизации их Я-концепции путем причисления себя к борцам за справедливость, истинную веру, против коррупции.

5. Противодействие экспансии экстремизма предполагает организацию широкомасштабной

пропаганды среди населения социально приемлемых вариантов презентации идей толерантности, образцов поведения.

Список литературы

1. Аксеновская Л.Н. Экстремизм: смысл и результат (ордерный аспект) // Экстремизм и средства массовой информации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Астерион, 2006. С. 9–10.
2. Кольцова В.А., Соснин В.А. Экстремизм и средства массовой информации: проблема воспитания патриотизма // Экстремизм и средства массовой информации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. В.Е. Семенова. СПб.: Астерион, 2006. С. 28–30.
3. Кузнецов К.В. Понятие и основные признаки религиозного экстремизма — необходимое знание для формирования умений антипропаганды религиозного экстремизма у студентов гуманитарных вузов // Гуманитарные научные исследования. 2012. Июнь. № 6(10). URL: <http://human.snauka.ru/2012/06/1331> (дата обращения: 12.03. 2014).
4. Соснин В.А. Психология современного терроризма. М.: Форум, 2010. 160 с.
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН: Академ. проект, 1999. 290 с.
6. Целиковский С.Б. О психологических и идеологических предпосылках радикализма, экстремизма терроризма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гума-

- нитарные науки. 2009. № 14(69). С. 123–129.
7. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism. URL: <http://ru.scribd.com/doc/37479833/Addressing-Extremism-Pt-Proiect> (дата обращения: 08.04.2014).

Получено: 03.05.2014.

References

1. Aksenovskaya L.N. [Extremism: meaning and result (order aspect)]. *Exstremism i sredstva massovoy informatsii: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Extremism and mass media: proceedings of all-Russian scientific conference]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2006, pp. 9–10. (In Russian).
2. Kol'tsova V.A., Sosnin V.A. [Extremism and mass media: patriotism training problem]. *Exstremism i sredstva massovoy informatsii: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Extremism and mass media: proceedings of all-Russian scientific conference]. Saint Petersburg, Asterion Publ., 2006, pp. 28–30. (In Russian).
3. Kuznetsov K.V. [Concept and main attributes of religious extremism – the essential knowledge for development of antipropaganda skills of religious extremism of humane universities]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanities scientific researches]. 2012, June, no 6(10). Available at: <http://human.snauka.ru/2012/06/1331> (accessed 12.03.2014). (In Russian).
4. Sosnin V.A. *Psikhologiya sovremennogo terrorizma* [Psychology of modern terrorism]. Moscow, Forum Publ., 2010, 160 p. (In Russian).
5. Stefanenko N.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., Akademicheskij proekt Publ., 1999, 290 p. (In Russian).
6. Tselikovskij S.B. [Concerning psychological and ideological prerequisites of radicalism, extremism, terrorism]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennoo universiteta. Humane sciences* [Belgorod State University scientific bulletin. Humane sciences]. 2009, no 14(69), pp. 123–129. (In Russian).
7. Coleman P.T., Bartoli A. Addressing Extremism. Available at: <http://ru.scribd.com/doc/37479833/Addressing-Extremism-Pt-Proiect> (accessed 08.04.2014).

The date of the manuscript receipt: 03.05.2014.

SOCIAL STEREOTYPES ABOUT EXTREMISM (PSYCHOSEMANANTIC APPROACH) *Alexandra A. Gayvoronskaya*

*Smolensk branch of College of law of the International Police Association;
63, Bagration str., Smolensk, 214025, Russia*

The article undertakes analysis of social stereotypes about extremism using psychosemantic methods (microsemantic analysis and method of «multiple identification»). We believe that the modern Russian society is characterized by an unstable state of public consciousness due to social tensions and competition for dominance of an idea in the minds of the population. Factorial structure of stereotypes about extremism emphasizes activity and offensive power of extremism. Counteraction against expansion of extremism assumes the organization of ideas of tolerance propaganda for the population.

Key words: extremism; social stereotypes; mikrosemanticheskyy analysis; the method of «multiple identification».

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайворонская А.А. Социальные стереотипы относительно экстремизма (психосемантический подход) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 67–74.

Please cite this article in English as:

Gayvoronskaya A.A. Social stereotypes about extremism (psychosemantic approach) // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 67–74.

УДК 159.93/94:378

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КУРСОВ

Никитин Александр Акиндинович*доктор педагогических наук**профессор кафедры психологии развития**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: nikitin@psu.ru***Петрованова Надежда Александровна***студентка специальности «Психология»**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: colonel6669@yandex.ru*

В статье рассматриваются результаты исследования проблемы саморегуляции учебной деятельности студентов высших учебных заведений. Саморегуляция учебной деятельности студентов вуза играет важную роль в успешности образовательного процесса. Цель исследования – выявление и сравнение особенностей саморегуляции студентов 1 и 5 курсов. В связи с переходом вузов на новые модели обучения и изменениями учебных планов, повышением роли самостоятельной работы доказана необходимость формирования у студентов оптимального стиля саморегуляции учебной деятельности.

Ключевые слова: учебная деятельность студентов; саморегуляция; особенности саморегуляции; показатели саморегуляции; стилевая саморегуляция.

Взаимодействуя с окружающим миром, человек постоянно сталкивается с необходимостью выбора способов реализации своей активности в достижении поставленной цели, в зависимости от своих индивидуальных особенностей и с учетом разнообразия условий действительности, а также особенностей взаимодействующих с ним других людей. В ситуациях выбора снятие возникшей неопределенности возможно лишь при помощи саморегуляции, когда человек самостоятельно исследует ситуацию, программирует свою активность, контролирует ее ход и коррелирует в случае необходимости полученные результаты [1].

В связи с переходом вузов на новые модели обучения, изменениями учебных планов и введением новых курсов повышается роль самостоятельной работы в учебной деятельности студентов. Психологическую основу самостоятельности составляет сформированная система саморегуляции, так как только если студент сам осознает значимость приобретаемой им профессии, он может сознательно ставить перед собой учебные цели, добиваться их исполнения, видеть

возможности дальнейшего профессионального совершенствования [2, 3, 5].

Осознанная саморегуляция учебно-профессиональной деятельности студентами вуза имеет важное значение для успешности образовательного процесса, личностного развития и субъектного становления студентов. Следовательно, необходимо формировать у них оптимальный стиль саморегуляции учебной деятельности [1, 4].

Цель проведенного под нашим руководством эмпирического исследования — выявить и сравнить особенности саморегуляции у студентов 1 и 5 курсов. В исследовании приняли участие 80 студентов гуманитарных факультетов 1 и 5 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета.

Для анализа особенностей и степени выраженности показателей саморегуляции и учебной мотивации студентов 1 и 5 курсов использовались методы описательной статистики и ранжирования.

Картина выраженности показателей саморегуляции студентов 1 курса представлена в табл. 1.

Таблица 1. Описательная статистика показателей саморегуляции студентов 1 курса

Показатель	Сред. знач.	Медиана	Мода	Част. моды	Стат. откл.	Асимметрия	Экссесс
Планирование	5,33	5,50	6	10	2,27	0,23	-0,85
Моделирование	4,65	4,62	3	13	1,75	0,27	-0,51
Программирование	5,48	6,00	6	11	1,80	-0,04	-0,90
Оценка результатов	5,33	6,00	6	12	1,59	-0,61	-0,22
Гибкость	5,93	7,00	7	11	2,20	-0,39	-0,83
Самостоятельность	6,00	6,00	4	15	1,93	0,13	-0,55
Общий уровень саморегуляции	28,70	27,00	—	—	5,91	0,46	0,44

Как видно из таблицы, значения среднего арифметического, медианы и моды по большинству показателей саморегуляции студентов 1 курса были близки друг к другу. Значения асимметрии и эксцесса в большинстве случаев были в пределах нормы ($p < 0,5$). Эти данные свидетельствуют о том, что по показателям саморегуляции выборка студентов 1 курса адекватно отражает генеральную совокупность и может быть исследована с помощью параметрических методов анализа (t-критерия Стьюдента и корреляционного по Пирсону).

Характер распределения отдельных показателей саморегуляции студентов 1 курса наглядно представлен на рис. 1.

Данные сравнительной выраженности показателей саморегуляции распределились следующим образом (табл. 2).

Таблица 2. Ранжирование показателей саморегуляции студентов 1 курса

Показатель	Сред. знач.	Стат. откл.	Ранг
Планирование	5,33	2,27	4
Моделирование	4,65	1,75	5
Программирование	5,48	1,80	3
Оценка результатов	5,33	1,59	4
Гибкость	5,93	2,20	2
Самостоятельность	6,00	1,93	1

Как видно из таблицы, у студентов 1 курса наиболее выраженным механизмом саморегуляции выступает **самостоятельность**, на втором месте — гибкость, за ней следует программирование, далее планирование и оценка результатов и на последнем месте — моделирование.

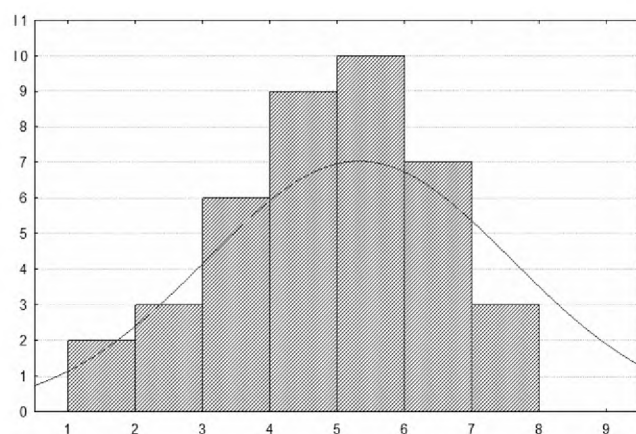
Таким образом, у студентов 1 курса наблюдается развитость регуляторной автономности, способность самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению поставленной цели, контролировать ее ход, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности.

При этом наблюдается слабая сформированность процессов моделирования, что приводит к неадекватной оценке значимых внутренних условий и внешних обстоятельств, проявляющаяся в фантазировании, которое может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации и последствиям своих действий. У студентов часто возникают трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают изменение ситуации, что часто приводит к неудачам.

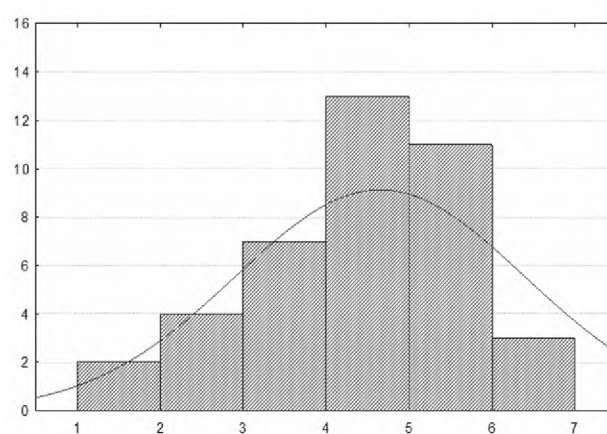
Общая картина выраженности показателей саморегуляции студентов 5 курса представлена в табл. 3.

Как видно из таблицы, значения среднего арифметического, медианы и моды по большинству показателей саморегуляции студентов 5 курса были близки друг к другу. Значения асимметрии и эксцесса в большинстве своем были в пределах нормы ($p < 0,5$). Эти данные свидетельствуют о том, что по показателям саморегуляции выборка студентов 5 курса адекватно отражает генеральную совокупность и может быть исследована с помощью параметрических методов анализа (t-критерия Стьюдента и корреляционного по Пирсону).

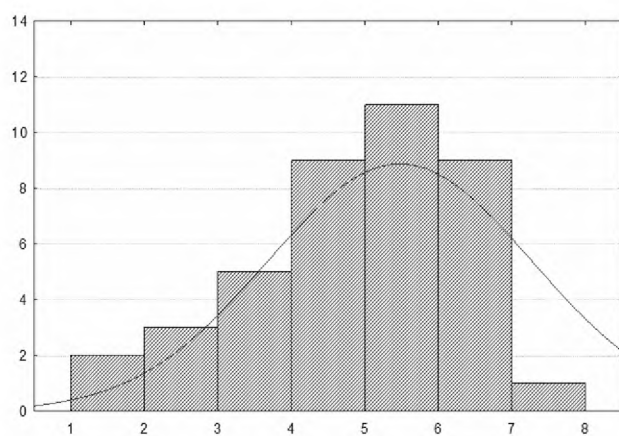
Характер распределения отдельных показателей саморегуляции студентов 5 курса представлен на рис. 2.

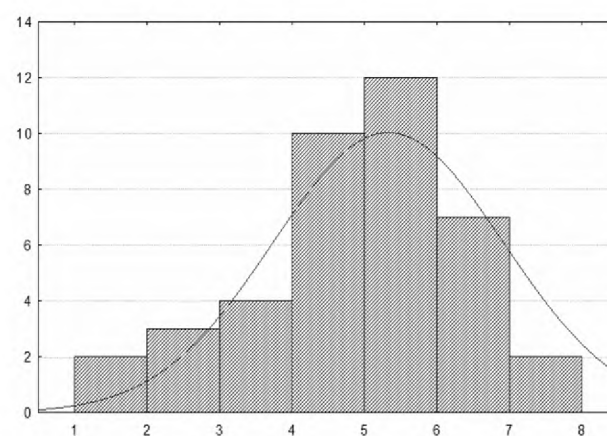
Планирование

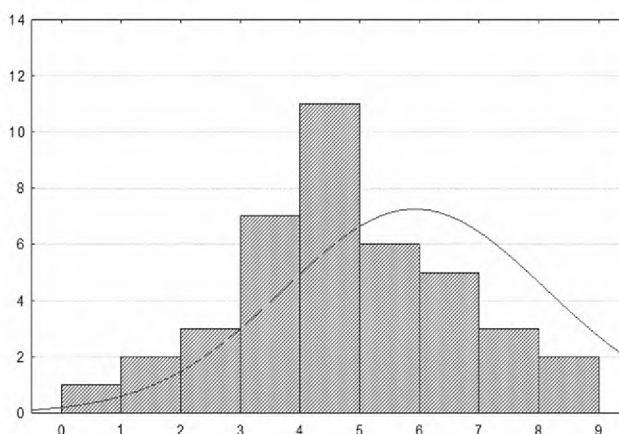
Моделирование

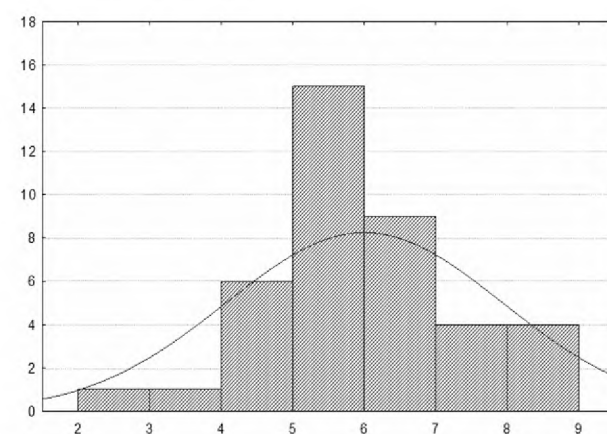
Программирование

Оценка результатов

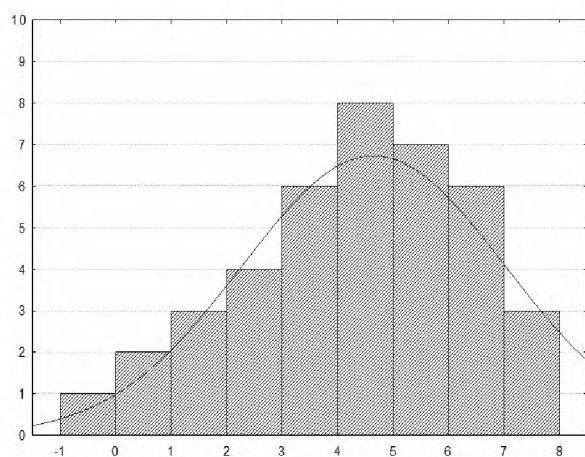

Гибкость

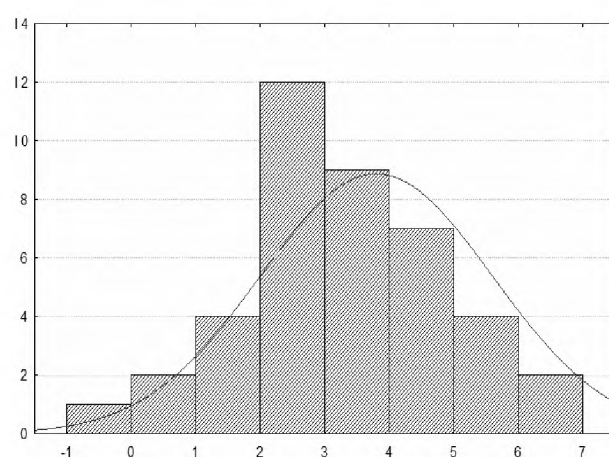

Самостоятельность

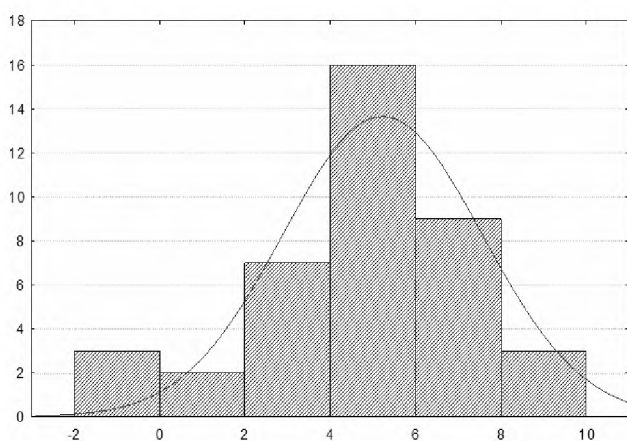
Рис. 1. Распределение показателей саморегуляции студентов 1 курса

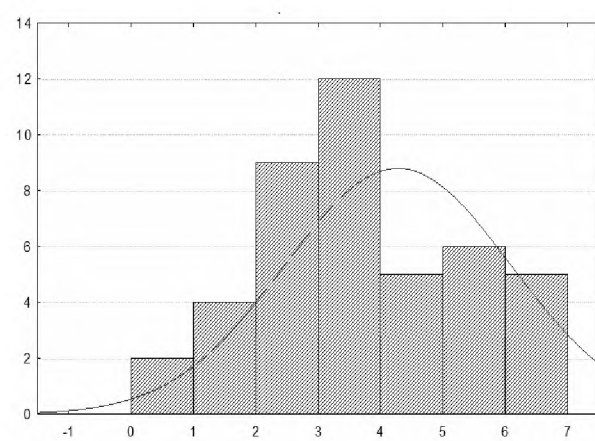
Планирование

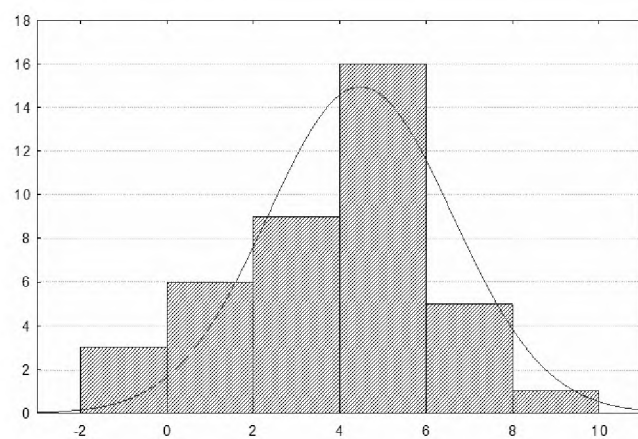
Моделирование

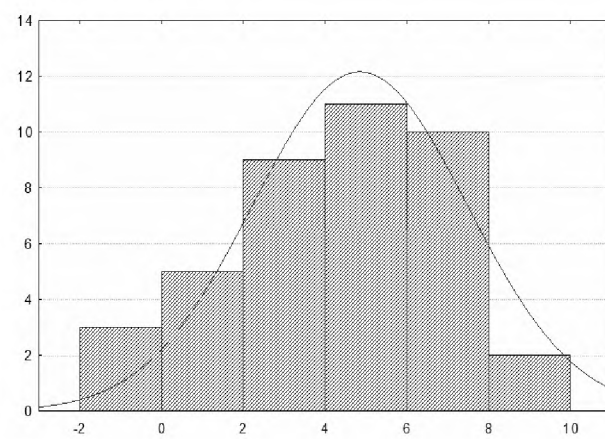
Программирование

Оценка результатов

Гибкость

Самостоятельность

Рис. 2. Распределение показателей саморегуляции студентов 5 курса

Таблица 3. Описательная статистика показателей саморегуляции студентов 5 курса

Показатель	Сред. знач.	Медиана	Мода	Част. моды	Стат. откл.	Асимметрия	Экссесс
Планирование	4,65	5,00	5	9	2,37	-0,42	-0,65
Моделирование	3,80	4,00	3	12	1,80	-0,18	0,15
Программирование	5,23	5,00	5	11	2,34	-0,53	0,18
Оценка результатов	4,28	4,00	4	12	1,81	-0,54	0,52
Гибкость	4,48	5,00	6	9	2,14	-0,45	-0,22
Самостоятельность	4,85	5,00	5	9	2,63	-0,24	-0,79
Общий уровень саморегуляции	26,38	26,85	30	6	8,80	-0,60	0,31

С точки зрения сравнительной выраженности показателей саморегуляции данные распределились следующим образом (табл. 4).

Таблица 4. Ранжирование показателей саморегуляции студентов 5 курса

Показатель	Сред. знач.	Стат. откл.	Ранг
Планирование	4,65	2,37	3
Моделирование	3,80	1,80	6
Программирование	5,23	2,34	1
Оценка результатов	4,28	1,81	5
Гибкость	4,48	2,14	4
Самостоятельность	4,85	2,63	2

Как видно из таблицы, у студентов 5 курса наиболее выраженным механизмом саморегуляции является программирование, на втором месте — самостоятельность, за далее следует планирование, затем гибкость, оценка результатов и на последнем месте — моделирование.

Таким образом, у студентов 5 курса развито осознанное программирование своих действий на потребность продумывать способы своих действий и поведение для достижения намеченных целей. Имеет место детализированность и развернутость разрабатываемых программ. Программы разрабатываются самостоятельно, они корректируются с изменением обстоятельств и устойчивы в ситуации помех. При несоответствии полученных результатов поставленным целям производится коррекция программы для достижения приемлемого для субъекта результата.

При этом у пятикурсников, как и у студентов первых курсов, наблюдается слабая сформированность процессов моделирования, что приводит к неадекватной оценке значимых внутренних ус-

ловий и внешних обстоятельств; это проявляется в фантазировании, которое может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. У них часто возникают трудности в определении цели и разработке программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают изменения ситуации, что часто приводит к неудачам.

Для анализа различий в показателях саморегуляционных свойств студентов 1 и 5 курсов нами был применен t-критериальный анализ для независимых групп. В качестве *независимой переменной (фактора)* в анализ включался показатель курса (1 или 5), а в качестве *зависимых переменных* — шкальные показатели по методикам «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой.

Результаты t-критериального анализа по показателям стилевой саморегуляции представлены в табл. 5.

Наглядно отображены различия по показателям стилевой саморегуляции между первокурсниками и пятикурсниками на рис. 3.

Анализ показал, что студенты 1 и 5 курсов **отличаются** по таким показателям стилевой саморегуляции, как *моделирование* ($p < 0,05$), *оценка результатов* ($p < 0,01$), *гибкость* ($p < 0,01$) и *самостоятельность* ($p < 0,05$). По показателю *общий уровень саморегуляции* между первокурсниками и пятикурсниками значимых различий не наблюдается.

Сравнение средних значений свидетельствует о том, что моделирование, оценка результатов, гибкость и самостоятельность в большей степени выражены у студентов 1 курса, чем у студентов 5 курса.

Это означает, что по сравнению с первокурсниками пятикурсники обнаруживают более слабую сформированность процессов моделирования, что приводит к неадекватной оценке значимых внут-

ренных условий и внешних обстоятельств деятельности, проявляется в фантазировании, которое может сопровождаться резкими перепадами отношения к развитию ситуации, последствиям своих действий. У них возникают определенные трудности в определении цели и программы действий, адекватных текущей ситуации, они не всегда замечают изменение ситуации, что также часто приводит к неудачам. Они проявляют пониженную критичность к своим действиям. Субъективные критерии успешности недостаточно устойчивы, что ве-

дет к резкому ухудшению качества результатов при увеличении объема работы, ухудшении состояния или возникновении внешних трудностей. В динамичной, быстро меняющейся обстановке пятикурсники чувствуют себя менее уверенно, с трудом привыкают к переменам в жизни, смене обстановки и образа жизни. Они в большей степени зависимы от мнений и оценок окружающих. Планы и программы действий разрабатываются несамостоятельно, обнаруживается тенденция некритично следовать чужим советам.

Таблица 5. Различия в выраженности средних значений показателей стилевой саморегуляции у студентов 1 и 5 курсов

Переменные	Сред. арифм.		t-критерий Стьюдента	Ур. знач. p	Кол-во чел.		Станд. откл.	
	1-й курс	5-й курс			1-й курс	5-й курс	1-й курс	5-й курс
Планирование	5,33	4,65	1,30	0,197	40	40	2,27	2,37
Моделирование	4,65	3,80	2,14	0,035*	40	40	1,75	1,80
Программирование	5,48	5,23	0,54	0,593	40	40	1,80	2,34
Оценка результатов	5,33	4,28	2,75	0,007**	40	40	1,59	1,81
Гибкость	5,93	4,48	2,99	0,004**	40	40	2,20	2,14
Самостоятельность	6,00	4,85	2,23	0,029*	40	40	1,93	2,63
Общий уровень саморегуляции	28,70	26,38	1,39	0,169	40	40	5,91	8,80

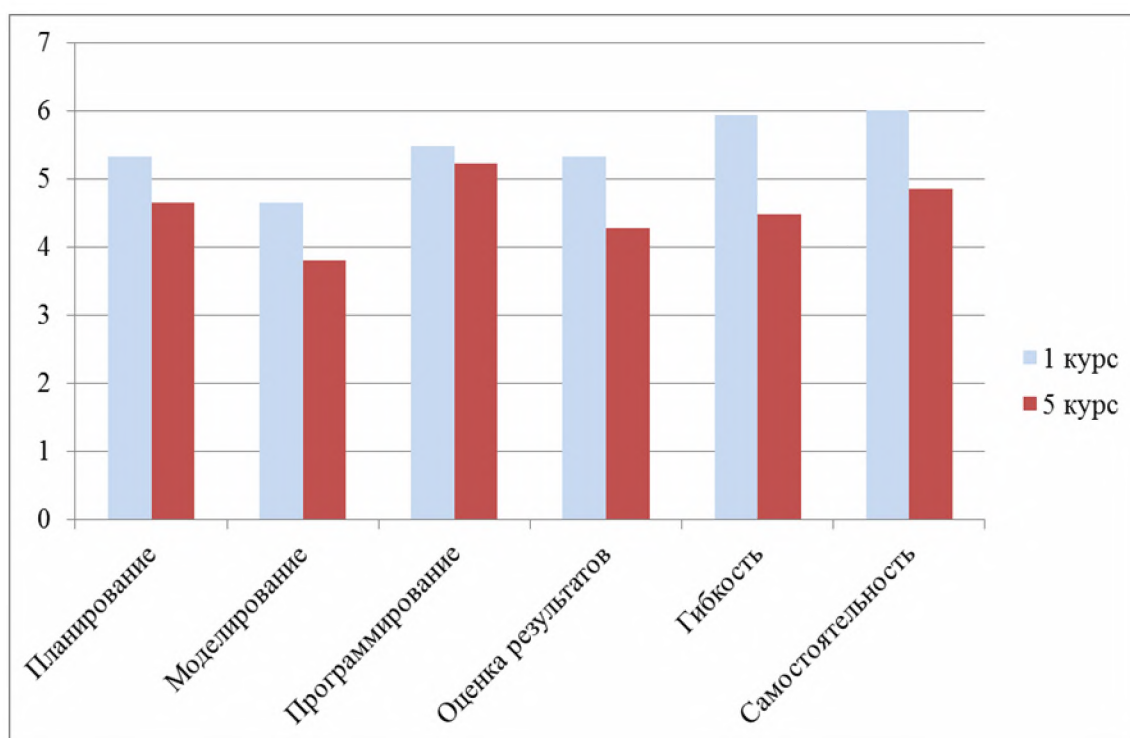

Рис. 3. Гистограмма различий в выраженности средних значений показателей стилевой саморегуляции у студентов 1 и 5 курсов

Первокурсники по сравнению с пятикурсниками способны более успешно выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов поставленным целям. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств они могут более гибко изменять модель значимых условий и соответственно программу действий. Первокурсники обнаруживают большую развитость и адекватность самооценки, сформированность и устойчивость, адекватно оценивают как сам факт расхождения полученных результатов с целью деятельности, так и приведшие к нему причины, гибко адаптируясь к изменению условий. Демонстрируют они и большую пластичность регуляторных процессов. При возникновении непредвиденных обстоятельств легче перестраивают планы и программы исполнительских действий и поведения, способны быстро оценить изменение значимых условий и перестроить программу действий. Наконец, они более автономны в организации собственной активности, способны самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать как промежуточные, так и конечные результаты деятельности.

Можно предположить, что обнаруженные различия объясняются особенностями учебной ситуации на первых и на завершающих ступенях обучения в вузе. На первом курсе студенты потенциально готовы к непредвиденным и непредсказуемым изменениям ситуации, в то время как на последнем курсе студенты действуют по привычным, выработанным за несколько лет схемам. В силу этого высокий уровень стратегий саморегуляции для них менее актуален (не востребован).

Другим объяснением может быть тот факт, что студенты 5 курса в отличие от студентов 1 курса совмещают учебу с работой. Можно предположить, что, находясь в начале своей карьеры, студенты, как правило, выполняют функции исполнителей. Данные функции не предполагают, а часто категорически исключают проявления личной инициативы.

Таким образом, экспериментальное изучение осознанной саморегуляции учебно-профессиональной деятельности студентов вуза показало,

что существующая система обучения не в полной мере обеспечивает формирование структур саморегуляции у студентов.

Список литературы

1. Конопкин О.А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития // Вопросы психологии. 2004. № 2. С. 128–135.
2. Корнеева С.А. Особенности процессов саморегуляции у студентов с разными профилями латеральной организации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2011. № 3(7). С. 87–99.
3. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Саморегуляция и самосознание субъекта // Психологический журнал. 2008. № 1. С. 14–22.
4. Barkoukis V. Psychology of self-regulation. Thessaloniki: Nova Science Publishers, Inc., 2012. 191 p.
5. Leontiev D.A. Motivation, consciousness and self-regulation. Moscow: Nova Science Publishers, Inc., 2012. 286 p.

Получено: 07.08.2014.

References

1. Konopkin O.A. [General capacity for self-regulation as a factor of subjective development]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 2004, no 2, pp. 128-135 (In Russian).
2. Korneeva S.A. [Peculiar properties of self-regulation processes of students with different patterns of lateral organisation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2011, no 3(7), pp. 87–99. (In Russian).
3. Morosanov V.I., Aronov E.A. [Self-regulation and self-comprehension of a subject]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2008, no 1, pp. 14–22 (In Russian).
4. Barkoukis V. Psychology of self-regulation. Thessaloniki: Nova Science Publishers, Inc., 2012. 191 p.
5. Leontiev D.A. Motivation, consciousness and self-regulation. Moscow: Nova Science Publishers, Inc., 2012. 286 p.

The date of the manuscript receipt: 07.08.2014.

FEATURES OF SELF-REGULATION
OF JUNIOR AND SENIOR COURSES STUDENTS

Alexandr A. Nikitin, Nadezhda A. Petrovanova

Perm State National Research University, 15, Bukirev str., Perm, Russia, 614990

This article discusses the problem of self-regulation of students' in higher education learning activities. Self-regulation of learning activities of the university students plays an important role in the success of the educational process. The purpose of the research is the identification and comparison of the peculiar properties of self-regulation of students of 1st and 5th courses. In connection with the higher education institutions' transition to the new model of learning, due to changes in curricula and the role of students' independent work increase the need for formation of students' optimal style of self-regulation of learning activity is proved.

Key words: educational activity of students; self-regulation; particularly self-regulation; self-regulation performance; the style self-regulation.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Никитин А.А., Петрованова Н.А. Особенности саморегуляции студентов младших и старших курсов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 75–82.

Please cite this article in English as:

Nikitin A.A., Petrovanova N.A. Features of self-regulation of junior and senior courses students // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 75–82.

УДК 159.9.01

К 60-ЛЕТИЮ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ИМПЛИЦИТНАЯ ТЕОРИЯ» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Федосина Светлана Сергеевна

*старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: zireal@mail.ru*

В статье представлены результаты теоретического анализа содержания понятия «имплицитная теория» в психологической науке. Дается краткое описание пяти научных подходов к изучению имплицитных теорий (традиционный подход, конструктивный альтернативизм, прототипический подход, психосемантический подход, теория теории). Подход рассматривается нами как принципиальная методологическая ориентация исследования. Показано, что, несмотря на декларируемые различия, перечисленные подходы содержат ряд общих идей на уровне философских оснований, основных положений и методов исследования.

Ключевые слова: имплицитная теория; категоризация; категория; конструкт; прототип; значение; концепт.

Введение

Считается, что понятие «имплицитная теория» впервые использовал Л. Кронбах (1954) для обозначения обобщенного восприятия личности другого человека [25]. За время своего существования в психологии оно, как и другие понятия, успело обзавестись множеством определений. В современной психологии принято выделять традиционный, альтернативный и психосемантический подходы к исследованию имплицитных теорий [5]. Проведенный нами теоретический обзор литературы позволяет говорить о существовании пяти основных подходов.

В настоящей работе мы приведем краткую характеристику их содержания, общих и специфических идей. Вслед за Э.Г. Юдиным, И.В. Блаубергом, Н.В. Ипполитовой (2009) будем рассматривать подход как «принципиальную методологическую ориентацию исследования, как точку зрения, с которой рассматривается объект изучения (способ определения объекта), как понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» (Блауберг, 1973, с. 74; по: [3]), поддающуюся анализу на трех уровнях: *философско-прескриптивный* (совокупность философских идей, лежащих в основе подхода), *концептуально-дескриптивный* (совокупность принципов, составляющих основу стратегии исследовательской деятельности на общенаучном и конкретно-научном

уровне) и *процессуально-праксеологический* (уровень методов исследования).

1. Традиционный подход

До 1950-х гг. в социальной психологии господствовал объективный подход: влияние субъективных факторов на процесс межличностного восприятия рассматривалось как систематическая ошибка. Исследования С. Аха, Дж. Брунера, Р. Тагиури и др. в области имплицитных теорий рассматриваются в настоящее время как относящиеся к парадигме конструктивизма, подчеркивающей «идею конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредствованность познания мира индивидуальными категориями, формируемыми в онтогенезе» [15, с. 36]. Соответствие знаний человека объективной действительности с этой точки зрения обеспечивается не столько за счет репрезентирования, сколько за счет активного построения модели мира.

С. Ах (1946) впервые предположил, что впечатление о другом представляет собой целостный образ, в котором черты характера отражаются в совокупности их взаимосвязей. В его экспериментальном исследовании двум группам респондентов в устной форме предъявлялся набор черт, описывающих человека (*интеллектуальный, умелый, трудолюбивый* и т.д.). Описания были идентичны во всем, за исключением одной черты: *те-*

плый или холодный. Обеим группам затем предлагалось написать сочинение — свободный самоотчет, характеризующий личность данного человека. Оказалось, что испытуемые, которые получали набор с чертой *теплый*, наделяли воображаемого человека положительными характеристиками значительно чаще, чем те, кому предъявлялась черта *холодный*.

На основании проведенного исследования С. Ах формулирует следующие положения: личность воспринимается как единое целое; черты личности, осознающиеся как принадлежащие одной личности, вступают в динамическое взаимодействие; в ходе этого процесса выделяются центральные и периферические черты; центральные черты вносят больший вклад в формирование впечатления — наличие всего одной центральной черты в наборе может до определенной степени трансформировать другие черты при описании личности другого; содержание и функциональное значение черты меняется в зависимости от контекста [18].

Позднее Дж. Брунер и Р. Тагиури (1954) обозначают механизм, лежащий в основе формирования впечатления о личности другого, термином «обыденные концепции личности» (*lay conceptions of personality*) [21].

Дж. Брунер (1957, 1977) [22], обсуждая формирование обыденных концепций с позиций теории конструктивного восприятия, утверждает, что человек строит собственную теорию, подобную научной, на основе непосредственного опыта: «деятельность по построению формальных моделей и теоретических конструктов является прототипом того, что мы имеем в виду под созданием обобщенных кодовых систем, которые позволяют индивиду выходить за пределы данных непосредственного опыта и переходить к новым и подчас плодотворным предсказаниям» [21, с. 234]. Теория, или обобщенная кодирующая система, представляет собой набор связанных категорий, отражающих сущностные характеристики объекта (под категорией понимается правило, в соответствии с которым объекты относятся к одному классу как эквивалентные друг другу). Человек обладает первичным набором врожденных категорий (движение, причинность, намерение, тождество, эквивалентность, время и пространство), которые служат основой для приобретения вторичных, сгруппированных по областям знания, категорий в ходе обучения.

Теория обеспечивает функции категоризации (отнесение предмета или явления к какому-либо

классу на основании правила), предсказания и производства выводного знания при столкновении с новой информацией; при этом сам процесс категоризации во многих случаях является неосознаваемым.

В статье Дж. Брунера, Д. Шапиро и Р. Тагиури (1958) [20] эти идеи конкретизируются применительно к социальной психологии и психологии личности. Повторяющееся устойчивое поведение другого человека рассматривается как основа формирования системы, кодирующей информацию о природе личности, или имплицитной теории личности (здесь авторы заимствуют термин Кронбаха). Сформированная имплицитная теория позволяет получать выводное знание о личности на основе вновь поступающей информации: «человек знает о людях больше, чем то, что непосредственно обозначает тот или иной акт поведения... если мы знаем, что человек обладает определенными чертами, мы делаем вывод о присутствии или отсутствии других определенных черт» [21, с. 277–278]. Таким образом, значение черты определяется выводным знанием («значение» здесь рассматривается, вслед за Ч. Пирсом, как множество гипотетических утверждений, вызываемых данной пропозицией), а также контекстом или другими чертами, вместе с которыми она предъявляется.

Для изучения того, как меняется выводное знание, когда черта предъявляется отдельно или в комбинации с другими чертами, Брунер, Шапиро и Тагиури провели экспериментальное исследование. Участнику предъявлялись четыре «ключевые» личностные черты (*тактичный, интеллектуальный, независимый, нетактичный*) поодиночке, а также в комбинациях по две и три черты (четыре черты одновременно не предъявлялись из-за несовместимости черт *тактичный* и *нетактичный*). Участник также получал список из 59 черт, представляющих собой распространенные слова-прилагательные (*агрессивный, активный, надежный* и т.д.), с просьбой оценить, насколько человеку, обладающему «ключевой чертой» (или комбинацией «ключевых черт»), свойственны черты из предлагаемого списка. Для каждой комбинации черт использовалась отдельная выборка — 120 участников.

Полученные результаты показали, что выводное знание, получаемое на основании комбинации черт, взаимосвязано с вкладом каждой отдельной черты в комбинацию. Так, если *интеллектуальный* человек и *независимый* человек по отдельности оцениваются как *честные*, то *интеллектуальный и независимый* человек, вероятнее всего, также будет

оцениваться как *честный*. Это исследование опровергло мысль С. Аха о том, что формирование целостного впечатления не может быть предсказано на основе вклада каждой отдельной черты, и открыло дорогу для экспериментальных исследований имплицитных теорий личности.

Вслед за этим исследованием последовал ряд других, поддерживающих предложение анализировать описания и оценки черт другого в терминах когнитивной организации воспринимающего наблюдателя. Как правило, исследователи использовали свободные описания или личностные опросники, которые предъявлялись испытуемому с просьбой оценить знакомого или незнакомого человека. Полученные наборы описаний/оценок подвергались факторному анализу. Сходство факторных структур при оценке испытуемым разных людей интерпретировалось как влияние имплицитных теорий личности на процесс оценивания (см., напр.: [33, 38]).

2. Конструктивный альтернативизм

Подход, который его автор Дж. Келли обозначает как «конструктивный альтернативизм», возник на фоне европейского логического позитивизма и американского прагматизма, представляя собой альтернативу господствующему в западной психологии того времени бихевиоризму. Келли предполагает, что так называемые «обычные люди» конструируют имплицитные теории так же, как ученые — научные теории; строят гипотезы и проверяют их в жизни — как ученые проводят эксперименты, чтобы подтвердить или опровергнуть проверяемое положение научной теории.

В его книге «Теория личности: психология личных конструктов» (1955) приводятся онтологические (субстантивный монизм) и эпистемологические (сочетание эмпиризма, поскольку подчеркивается роль опыта в познании мира, и рационализма, поскольку утверждается, что человек приближается к познанию мира через его истолкование) основания подхода. Утверждение, что объективный мир существует, Келли дополняет замечанием об относительности теорий о мире, которые человек строит в ходе жизни. Реальный мир предстает как «лежащий за пределами наших размытых теорий, личных или научных, всегда отказывающий нам как человеческим существам в уверенности в правильности наших убеждений, верований и идеологий простым обращением к “объективным обстоятельствам” вне нас» [36, р. 3]¹.

В рамках конструктивного альтернативизма репрезентации, составляющие теорию, рассмат-

риваются через призму понятия «конструкт». Утверждается, что конструкт, с одной стороны, используется в индивидуальном акте перцепции и с этой точки зрения соответствует традиционным «перцептам» (образам восприятия); с другой стороны, конструкт абстрактен и в этом отношении сходен с традиционными «концептами» (абстрактные категории мышления). Отличие конструкта от концепта состоит лишь в том, что конструкт рассматривается как биполярная шкала, позволяющая устанавливать сходства и различия элементов опыта.

Теория представляет собой иерархическую систему конструктов, отличающихся по диапазону пригодности, т.е. применимости к ограниченному набору классифицируемых элементов. На вершине иерархии находятся суперординатные конструкты, обладающие наиболее широким диапазоном пригодности (например, «хороший-плохой»); ниже располагаются субординатные конструкты (например, «вкусный-невкусный»).

Теория организует знания о множестве событий, обеспечивает основу для дедуктивных выводов и предсказания будущих событий. Поскольку объективный мир является сложным для изучения и непрерывно изменяется, это накладывает отпечаток на конструирование теории человеком: сложность мира обуславливает невозможность построения универсальной теории — вместо этого человек довольствуется системой теорий, каждая из которых имеет ограниченный диапазон пригодности: «Еще никто не изобрел набор конструктов, позволяющий предсказать все, вплоть до последнего взмаха крыла колибри; мы полагаем, пройдет еще очень много времени, прежде чем кому-то удастся это сделать. Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему» [6, с. 25]. Изменчивость мира в свою очередь приводит к необходимости непрерывного пересмотра теории.

Таким образом, и научные, и имплицитные теории представляют собой временные конструкции. Их различие состоит в том, что научная теория дает возможность давать предсказания с более приемлемой точностью; если теория расплывчата и позволяет толковать множество всевозможных событий в качестве ее подтверждения, то она не удовлетворяет высочайшим стандартам науки. Имплицитная теория, тем не менее, позволяет делать предсказания с достаточной точностью, чтобы обеспечить контроль над собы-

тиями в повседневной жизни и достичь со временем своей независимости от них.

Первоначально имплицитная теория каждого человека рассматривается как внутренняя конструкция — отмечается, что маленькие дети, которые стремятся уловить смысл в переживаемом опыте, но еще не обладают подходящими концептами, осуществляют неосознанное довербальное конструирование, отвечающее за иррациональные реакции на события. По мере взросления человек приобретает вербальные обозначения для многих конструктов, однако даже в этом случае один из полюсов конструкта может оставаться неосознаваемым при повседневном употреблении (например, выражение «У Мэри и Джейн мягкий характер» подразумевает, что человек использует конструкт «мягкий-грубый», хотя он может и не сознавать этого). Теории могут передаваться от одного человека к другому и получать широкое распространение в обществе, однако Келли не дает четкого ответа на вопрос, как происходит взаимодействие внутренних процессов и общественного опыта при построении теории.

Для изучения имплицитных теорий Келли предлагает использовать созданный им репертуарный тест личностных конструктов (позднее — тест репертуарных решеток, Repertory Grid Test). В общем виде он представляет собой определенным образом организованную матрицу (таблицу), которая заполняется или самим испытуемым, или исследователем в процессе структурированного интервью. В большинстве случаев выявляемые конструкты представлены в виде строк, а объекты (элементы, стимулы, понятия) оценивания — в виде столбцов. Как правило, объекты представляют собой набор явлений из какой-либо предметной области (люди, эмоции, ситуации и т.д.). В процессе заполнения репертуарной решетки испытуемый оценивает каждый объект по каждому конструкту или каким-то другим образом ставит их в соответствие конструктам. Подробно основы техники построения репертуарных решеток описаны в работе [17]. Анализ репертуарной решетки позволяет выявить имплицитную теорию человека, или систему конструктов в данной конкретной области.

Помимо указанного метода современные исследователи стремятся создать личностные опросники для изучения имплицитных теорий. Так, были разработаны шкалы для изучения суперординатного конструкта, позволяющего оценивать объекты (интеллект, моральные черты характера, воля, вина, окружающий мир) как поддающиеся или не поддающиеся изменению [24, 26, 27, 30].

3. Прототипический подход

В классическом подходе Дж. Брунера имплицитные теории личности рассматриваются как система категорий, отражающих существенные свойства объекта. При этом категория традиционно понимается в аристотелевском ключе — как имеющее четкие границы множество, членство в котором определяется через наличие или отсутствие у объекта всех существенных свойств. Все объекты, обладающие данными свойствами, равны в том смысле, что в полной мере являются членами данной категории.

В 1970-е гг. Э. Рош на основе концепции семейного сходства Л. Витгенштейна и теории нечетких множеств Л. Заде делает предположение о том, что внутренняя структура категории представляет собой нечеткое множество объектов, различающихся по степени членства в множестве: объекты, которые с наибольшей уверенностью могут быть отнесены к категории, — это прототипические объекты (самые отчетливые случаи, или лучшие примеры данной категории) [42, 43]. В экспериментальных исследованиях было показано, что категоризация на основании сравнения с прототипом характеризуется снижением времени реакции на типичный объект, высокой скоростью изучения типичных объектов как примеров категории, порядком и скоростью воспроизведения объектов по степени их типичности при предъявлении наименования категории [41].

В когнитивной психологии утверждается мнение, что имплицитные теории представляют собой прототипы. Так, У. Найссер (1979) замечает, что интеллект представляет собой условный концепт и не существует иначе, чем в прототипах (степени сходства действительно существующего, конкретного лица с «идеальным» интеллектуальным человеком) [37].

Р. Стернберг (1985), развивая эту мысль, полагает, что изучение имплицитных теорий позволяет реконструировать типичное повседневное поведение и тем самым социокультурный контекст, в котором функционирует та или иная научная психологическая теория. С его точки зрения, имплицитные теории есть построения людей, как неспециалистов, так и специалистов в данной области знания (в отличие от эксплицитных теорий, представляющих собой конструкции психологов, основанные на эмпирических данных). Благодаря имплицитным теориям люди получают возможность классифицировать данные восприятия и оценивать себя и других.

Имплицитные теории, развиваясь, дают начало построению научных теорий: «эксплицитные теории могут, таким образом, рассматриваться как формализованные имплицитные теории экспертов» [45, р. 39], поэтому исследование имплицитных теорий может оказаться полезным для открытия новой области исследований или нового подхода в уже исследуемой области, или тех аспектов феномена, которые еще не были исследованы.

В формировании имплицитных теорий большую роль играют социокультурные условия. В исследованиях Стернберга были показаны особенности имплицитных теорий интеллекта тайваньских китайцев, латиноамериканцев, белых американцев, азиатов [47]. С другой стороны, он отмечает, что независимо от социального контекста во всех культурах существуют сходные аспекты интеллекта [14]².

Стернберг указывает на то, что метод определений не подходит для исследования имплицитных теорий, поскольку «не ясно, как объединять определения. Должна ли быть область действия чьей-то теории дизъюнкцией различных определений, их конъюнкцией или некоторой другой функцией этих определений? Не ясно и то, как вычислить любую из этих функций, даже если можно было бы выбрать одну из них» [45, р. 33]. В рамках прототипического подхода выявление имплицитных теорий происходит с помощью свободных самоотчетов. Исследователь просит участника перечислить все типичные (а не существенные) образцы поведения, свойственные воображаемому человеку, обладающему исследуемой чертой личности (например, интеллектуальный человек).

Р. Стернберг с соавторами (1981) изучили таким образом имплицитные теории общего, академического и повседневного интеллекта неспециалистов (476 мужчин и женщин) и в группах специалистов (140 психологов, специализирующихся в области изучения интеллекта). Полученные в каждой группе наборы поведенческих характеристик были предъявлены экспертам (28 человек) с просьбой оценить по 9-балльной шкале, в какой мере каждый из образцов поведения соответствует человеку с идеальным общим интеллектом, человеку с идеальным академическим интеллектом и человеку с идеальным повседневным интеллектом. В результате факторизации полученных оценок выяснилось, что у неспециалистов имплицитные теории интеллекта включают три фактора: способность решать проблемы, вербальную способность и социальную компетентность; академический интеллект предстает как состоящий из

вербальной способности, способности решать задачи (проблемы) и социальной компетентности, а повседневный — как способность решать практические проблемы, социальная компетентность, характер и интерес к знаниям и культуре. В группе специалистов были получены сходные факторные структуры. Впоследствии подобным образом были описаны имплицитные теории мудрости и креативности [46].

Современные исследования [4, 9, 34] реализуют предложенную Стернбергом схему эмпирического исследования: сбор описаний «типичного человека» (интеллектуального, стремящегося к славе, порядочного и т.д.); выявление наиболее часто встречающихся характеристик; построение опросника, предъявляющегося основной выборке испытуемых с инструкцией вспомнить знакомого человека, у которого выражено исследуемое качество, и оценить, насколько то или иное утверждение подходит ему по n-балльной шкале.

4. Психосемантический подход

Психосемантический подход развивается в отечественной психологии начиная с конца 60-х гг. на основе работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструктов Дж. Келли (метод репертуарных решеток). Подробно он представлен в работах В.Ф. Петренко «Психосемантика сознания» (1988), «Основы психосемантики» (2005), «Многомерное сознание» (2009).

В рамках психосемантического подхода объективный мир описывается, вслед за Рубинштейном, как организованная иерархия различных способов существования. Бытие неизбежно предполагает познание, существование сущего и познаваемого. В гносеологическом плане психосемантика стоит на позициях конструктивизма (рассматривающего психическое отражение как моделирование и допускающего множественность возможных моделей мира) и интуитивизма (эмпатии, необходимой для понимания модели мира другого).

Отправной точкой в понимании имплицитных теорий становится понятие сознания как индивидуальной системы значений. К наиболее общим универсальным значениям (категориям) относятся «категории материи, пространства, движения, вещи, свойства, количества, качества, меры, формы, содержания, причинности, случайности, возможности, необходимости и др.» [11, с. 63]. В контексте этих категорий строятся частные имплицитные теории, или «формы организации зна-

ний субъекта в различных содержательных областях» [11, с. 62].

Частная имплицитная теория представляет собой содержательную область, отражающую индивидуальную систему значений субъекта. Значение, вслед за Л.С. Выготским, понимается как «совокупность признаков (не обязательно существенных. — С.Ф.), служащих для классификации» [12, с. 38], выраженное в вербальной и невербальной форме и опосредующее осознание объекта субъектом. При этом сами значения могут не осознаваться как таковые, но поддаются осознанию в ходе рефлексии. Полнота содержания значения зависит от количества раскрытых отношений данного значения с другими.

Имплицитная теория (или индивидуальная система значений), независимо от степени ее истинности, позволяет осуществлять категоризацию явлений действительности и влияет на поведения и действия человека. Индивидуальная система значений формируется в ходе (совместной) предметной деятельности на основе индивидуального опыта, в определенной культурно-исторической среде и существует в контексте мотивов, целей, задач субъекта на данный момент.

Экспериментально имплицитная теория моделируется через построение семантических пространств — «операциональных моделей категориальных структур индивидуального и общественного сознания» [10, с. 32].

Семантическое пространство представляет собой определенным образом структурированную систему признаков действительности в конкретной содержательной области. Его построение предполагает выделение семантических связей анализируемых объектов с помощью прямых методов установления семантических связей между объектами (субъективное шкалирование, семантический радикал, метод классификации) и опосредованных методов (свободный ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал, тест репертуарных решеток Дж. Келли). Полученная матрица оценок сходства анализируемых объектов подвергается процедуре уменьшения размерности признаков с помощью математических методов (факторного анализа, много-многомерного шкалирования, кластерного анализа). Предполагается, что выделенные структуры отражают имплицитные теории человека [13].

В современных экспериментальных исследованиях наиболее распространенным методом в рамках психосемантического подхода является семантический дифференциал. Его применение

позволяет описать структуры, ответственные за классификацию самых разных сторон действительности: имплицитные теории рекламы [1], имплицитные теории врожденного [16], имплицитные теории о лжи и обмане [7]), имплицитные теории семьи [8] и др.

5. Теория теории

На становление подхода, возникшего в психологии развития в 1980-е гг., повлияли работы Л.С. Выготского по изучению усвоения житейских и научных понятий, генетическая эпистемология Ж. Пиаже, а также исследование Д. Примака и Г. Вудраффа (1978) зачатков понятийного мышления у шимпанзе. Предложив понятие «теория психического» для обозначения способности шимпанзе делать выводы о психических состояниях (намерения, убеждения, мысли и т.д.) и предсказывать поведение другого [40], Примак спровоцировал новый виток дискуссий в философии и психологии о врожденности/приобретенности когнитивных структур, лежащих в основе познания мира.

Характеризуя состояние дел в современной психологии, А. Гопник (1996) замечает: «...психологи, работающие в сфере когнитивной психологии и психологии развития... говорят о наших повседневных концепциях мира как об имплицитных или интуитивных теориях и об изменениях в этих концепциях как об изменениях теории (Carey, 1985, 1988; Karmiloff-Smith, 1974, 1988; Gopnik and Wellman, 1992, 1994; Gopnik, 1984, 1988; Keil, 1989; Perner, 1991; Wellman, 1990; Wellman and Gelman 1992)» [28, p. 485]. Гопник предлагает использовать следующую аналогию (получившую название «теория теории») для описания когнитивного развития — ребенок, познающий объективный мир и строящий имплицитные теории о нем, подобен ученому-исследователю.

В философском плане предполагается, что отражение объективного мира в имплицитной теории осуществляется через установление референции (указание на набор объектов, которые охватывает теория данной предметной области, набор прототипов или экземпляров) и убеждение в том, что все объекты в наборе разделяют некие общие существенные свойства, определяющие их принадлежность к данной теории. Эта позиция получила название «психологический эссенциализм» [23, 31, 32].

Имплицитные теории организованы в соответствии с предметными областями (domain-specific) и различаются по степени общности: общие тео-

рии (framework theories) задают рамки описания объектов и отношений, изучающихся в данной предметной области (например, психология, математика, биология); частные теории включаются в более общие и конкретизируют их [23, 29]. Если общие теории представляют собой системы концептов, то частная теория рассматривается как единица мышления — концепт.

Большинство авторов [31, 32, 35, 44] разделяет представление о сложной гетерогенной структуре частной имплицитной теории (концепта), включающей два компонента:

1. Аналитическое ядро, основанное на убеждении, что все члены концепта разделяют некие недоступные для наблюдения свойства, обладание которыми является необходимым и достаточным условием принадлежности к категории. В наиболее сильном варианте утверждается, что человек может даже не обладать какими-либо специфическими знаниями относительно существенных свойств, но просто верить, что они существуют. Это «пустое» убеждение заменяется на специфическое в процессе приобретения соответствующих знаний.

2. Периферическая часть, содержащая знания о наборе объектов (прототипов), принадлежащих категории³.

Имплицитная теория содержит житейское знание, на которое человек опирается при размышлении об объекте или событии, а также позволяет понимать новые факты при столкновении с ними. Концептуальная организация имплицитной теории обеспечивает функцию категоризации, реализуемую посредством двух стратегий. Ядро концепта выступает основой стратегии, базирующейся на применении правила (определения, включающего существенные свойства), которая позволяет достаточно точно определить членство объекта, однако менее доступна при быстрой категоризации. Периферическая часть реализует стратегию, основанную на определении сходства с прототипом; при этом используемые способы определения членства объекта не точны. Эмпирические исследования показывают, что при реализации той или иной стратегии происходит активация разных зон коры больших полушарий [39].

Развитие имплицитных теорий происходит под воздействием трех групп факторов: врожденные нервные механизмы, социальные условия, индивидуальный опыт. С момента рождения человек обладает ограниченным набором базовых концептов (Кэри включает в этот список *объект, агент, причину, число*), на основе которых разви-

ваются зрелые интуитивные теории. Процесс развития представляет собой последовательный процесс концептуальных сдвигов в разных предметных областях: в младенчестве и раннем детстве дети начинают строить интуитивные теории собственной психики и психики других. В период раннего детства и школьный период они строят и пересматривают интуитивные теории биологического мира. Есть также работы по детскому пониманию физического мира, начинающегося в младенчестве и продолжающегося весь подростковый период. В настоящее время наблюдается рост исследований по интуитивным теориям социального мира у детей [29].

Эмпирическое изучение имплицитных теорий младенцев осуществляется преимущественно с помощью экспериментальных техник. При исследовании детей более старшего возраста (с 3–4 лет) начинают применяться методы, ориентированные на языковые способности. Так, используя метод определения конкретных понятий у детей в возрасте от 3.6 до 5.6 лет, Ф. Кейл (1989) показал, что по мере взросления определения начинают включать меньше случайных и больше существенных свойств.

Выводы

1. Философско-прескриптивный уровень понятия «имплицитная теория» представлен двумя парадигмами: конструктивизм (или близкий ему социальный конструкционизм) и психологический эссенциализм; при этом большинство авторов явно или неявно придерживаются конструктивистских взглядов, что ставит проблему соответствия содержания имплицитных теорий объективной действительности.

2. На концептуально-дескриптивном уровне существует набор идей, общих для всех рассматриваемых подходов: люди, не являющиеся учеными, строят в повседневной жизни теории; теории организованы иерархически по степени общности и обеспечивают функцию категоризации (классификации) объектов и явлений действительности; теории осознаны, по крайней мере, частично. Специфическое проявляется в определении структурных единиц теории (категория, конструкт, прототип, значение, концепт).

3. Ограничения выбора методов на процессуально-праксеологическом уровне связаны с определением структурной единицы теории и возрастной группой респондентов. Для изучения имплицитной теории используется широкий круг методов, ряд которых (эксперимент, личностный

опросник, тест репертуарных решеток, свободный самоотчет) используется в рамках более чем одного подхода.

4. Пересечение содержания указанных подходов создает возможность для исследований, эклектически сочетающих теоретические положения и методы эмпирического изучения имплицитных теорий.

Примечания

¹Келли, обходя стороной вопрос о возможности получения истинного знания, неявно высказывает убеждение в истинности научных теорий: «хотя сама теория и не должна обладать очевидной достоверностью холодного факта, от нее ожидают, что в руках мыслящих людей она будет производить непрерывный ряд гипотез, которые в свете экспериментирования оборачиваются твердыми истинами» [6, с. 37].

²Более поздняя работа Стернберга [19] демонстрирует его приверженность социальному конструкционизму.

³Предложенная структура является синтезом классического подхода, определяющего имплицитную теорию как набор существенных свойств и прототипического подхода, в котором теория рассматривается как прототип.

Список литературы

1. *Александрова Ю.М.* Психосемантический анализ имплицитной теории рекламы студенческой аудитории // *Социология*. 2000. № 12. С. 66–76.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. *Ипполитова Н.В.* Взаимосвязь понятий «методология» и «методологический подход» // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки*. 2009. № 13(146). С. 9–15
4. *Казарян М.Ю.* Представления о творческой личности и профессионале в юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 28 с.
5. *Калашикова Ю.А.* Содержание имплицитных теорий личности на разных этапах онтогенеза: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 196 с.
6. *Келли Дж.* Теория личности (теория личностных конструктов). СПб.: Речь, 2000. 249 с.
7. *Любимова Н.Г.* Реконструкция «имплицитных теорий» о лжи и обмане: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003. 23 с.
8. *Минеева О.А., Лидерс А.Г.* Имплицитные теории семьи // *Семейная психология и семейная психотерапия*. 2004. № 4. С. 15–24.
9. *Пархоменко О.Г.* Имплицитные теории интеллекта студентов педагогического университета: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 28 с.
10. *Петренко В.Ф.* Междисциплинарный подход к исследованию сознания и личности: экспериментальная психосемантика // *Ярославский психологический вестник*. 2005. Вып. 12. С. 32–37.
11. *Петренко В.Ф.* Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2009. 440 с.
12. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд., доп. СПб., 2005. 490 с.
13. *Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 208 с.
14. *Стернберг Р.Дж., Форсайт Дж.Б., Хедланд Дж. и др.* Практический интеллект. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
15. *Улановский А.М.* Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // *Вопросы психологии*. 2009. № 2. С. 35–45.
16. *Улыбина Е.В.* Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001. 264 с.
17. *Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности: Руководство по репертуарным личностным методикам: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. Ю.М. Забродина, В.И. Похилько. М.: Прогресс, 1987. 236 с.
18. *Asch S.E.* Forming impressions of personality // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1946. № 41. P. 258–290.
19. *Beall A.E., Sternberg R.J.* The Social Construction of Love // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1995. Vol. 12, No. 3. P. 417–438.
20. *Bruner J.S., Shapiro D., Tagiuri R.* The meaning of traits in isolation and in combination // *Tagiuri R., Petrollo I. (Eds.). Person perception and interpersonal behavior*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1958. P. 277–288.
21. *Bruner J.S., Tagiuri R.* The perception of people // *Lindsey G. (Ed.): Handbook of social psychology*. Cambridge: Addison-Wesley, 1954. Vol. 2. P. 634–654.
22. *Bruner J.S.* Going beyond the information given // *In Search of Pedagogy. Vol. I: The Selected Works of Jerome Bruner*. 1957–1978. P. 7–23; Originally published in *Bruner J.S. Going beyond the information given* // *Bruner J.S., Brunswik E., Festinger L. et al. (Eds.). Contemporary approaches to cognition*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1957. P. 41–69.
23. *Carey S.* The Origin of Concepts. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2009.
24. *Chiu C., Dweck C.S., Tong J.Y., Fu J.H.* Implicit theories and conceptions of morality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. № 73. P. 923–940.

25. Cronbach L.J. Processes affecting «understanding of others» and «assumed similarity». Technical report no. 10 / Study performed under Contract N6-ori-07135 with the Office of Naval Research. Project on social perception and group effectiveness. August, 1954.
26. Dweck C.S., Chiu C., Hong Y. Implicit theories and their role in judgments and reactions: a world from two perspectives // *Psychological Inquiry*. 1995. № 6. P. 267–285.
27. Gervy B., Chiu C., Hong Y., Dweck C.S. Differential use of person information in decision-making about guilt vs. innocence: The role of implicit theories // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. № 25. P. 17–27.
28. Gopnik A. The Scientist as Child // *Philosophy of Science*. 1996. Vol. 63, No. 4. P. 485–514.
29. Gopnik A., Wellman H.M. Reconstructing constructivism: Causal models, Bayesian learning mechanisms and the theory theory // *Psychol Bull*. 2012. Nov., № 138(6). P. 1085–1088.
30. Job V., Dweck C.S., Walton G.M. Ego Depletion-Is It All in Your Head?: Implicit Theories About Willpower Affect Self-Regulation // *Psychological Science*. 2010. № 21(11). P. 1686–1693.
31. Jylkkä J. Concepts and Reference: Defending a Dual Theory of Natural Kind Concepts: dissertation / University of Turku, 2008.
32. Keil F.C. Concepts, kinds, and cognitive development. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
33. Kloot W.A. van der, Kroonenberg P.M. Group and individual implicit theories of personality; an application for three-mode principal component analysis // *Multivariate Behavioral Research*. Vol. 17. № 4. P. 471–492.
34. Maltby J. et al. Implicit theories of a desire for fame // *British Journal of Psychology*. 2008. № 99. P. 270–292.
35. Margolis E., Laurence S. Concepts // *The Blackwell Guide to Philosophy of Mind* / Ed. by S.P. Stich, T.A. Warfield. 2002. December. P. 190–213.
36. Neimeyer R.A. An invitation to constructivist psychotherapies // Neimeyer R.A. & Mahoney M.J. (Eds.). *Constructivism in psychotherapy*. Washington, DC: American Psychological Association, 1995. P. 1–8.
37. Neisser U. The concept of intelligence // R.J. Sternberg & D.K. Detterman (eds.). *Human intelligence: Perspectives on its theory and measurement*. Norwood, N.J.: Ablex, 1979. P. 179–189.
38. Norman W.T., Goldberg L.R. Raters, ratees, and randomness in personality structure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1966. Vol 4(6). Dec. P. 681–691.
39. Patalano A.L., Smith E.E., Jonides J., and Koepe R.E. PET evidence for multiple strategies of categorization // *Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience*. 2001. № 1(4). P. 360–370.
40. Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behav. Brain Sci*. 1978. № 1. P. 515–526.
41. Rosch E., Mervis C.B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // *Cognitive Psychology*. 1975. № 7. P. 573–605.
42. Rosch E. Cognitive representations of Semantic Categories // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1975. № 104(3). P. 192–233.
43. Rosch E. Principles of categorization // Rosch E. & Lloyd B.B. (Eds.). *Cognition and categorization*. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1978.
44. Smith E.E. Three distinctions about concepts and categorization // *Mind and Language*. 1989. № 4(1–2). P. 57–61.
45. Sternberg R.J. Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence. N.Y.: Cambridge University Press, 1985.
46. Sternberg R.J. Intelligence, wisdom, and creativity: Three is better than one // *Educational Psychologist*. 1986. № 21. P. 175–190.
47. Sternberg R.J. Culture and Intelligence // *American Psychologist*. 2004. № 59(5). P. 325–338.

Получено: 14.08.2014.

References

1. Aleksandrova Yu.M. [Psychosemantic analysis of implicit theory of advertisement of student audience]. *Sotsiologiya* [Sociology]. 2000, no 12, pp. 66–76. (In Russian).
2. Vygotsky L.S. *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 352 p. (In Russian).
3. Ippolitova N.V. [Interrelation of the terms «methodology» and «methodological approach»]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki* [South Ural State University Bulletin. Series: Education. Pedagogical sciences]. 2009, no 13(146), pp. 9–15. (In Russian).
4. Kazaryan M. Yu. Predstavleniya o tvorcheskoy lichnosti i professional'e v yunosheskom vozraste: Aftoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Concept of a creative person and a professional in youth age: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 2009. (In Russian).
5. Kalashnikova Yu.A. *Soderzhanie implitsitnykh teoriy lichnosti na raznykh etapakh ontogeneza: Dissertatsiya kandidata psikhologicheskikh nauk* [Content of implicit theories of personality on different stages of ontogeny: Dissertation for procuring of

- degree of candidate of psychological sciences]. Moscow, 1997, 196 p. (In Russian).
6. Kelly G. *Teoriya lichnosti (teoriya lichnykh konstruktov)* [A theory of personality. The psychology of personal constructs]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2000, 249 p. (In Russian).
7. Lyubimova N.G. Rekonstruktsiya implitsitnykh teorii o lzhi i obmane: Aftoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Reconstruction of implicit theories of lie and deceit: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Khabarovsk, 2003. 23 p. (In Russian).
8. Mineeva O.A., Liders A.G. [Implicit theories of family]. *Semejnaya psikhologiya i semejnaya psikhoterapiya* [Family psychology and family psychotherapy]. 2004, no 4, pp. 15–24. (In Russian).
9. Parkhomenko O.G. Implitsitnye teorii intellekta studentov pedagogicheskogo universiteta: Aftoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata psikhologicheskikh nauk [Implicit theories of intelligence of pedagogic university students: Author's abstract for procuring of degree of candidate of psychological sciences]. Saint Petersburg, 1998. 28 p. (In Russian).
10. Petrenko V.F. [Cross-disciplinary approach to investigation of consciousness and personality: experimental psychosemantics]. *Yaroslavskij psikhologicheskij vestnik* [Yaroslavsky Psychological Bulletin]. 2005, no 12, pp. 32–37. (In Russian).
11. Petrenko V.F. *Mnogomernoe soznanie: Psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional consciousness: psychosemantic paradigm]. Moscow, Novyj khronograph Publ., 2009, 440 p. (In Russian).
12. Petrenko V.F. *Osnovy psikhosemantiki: 2e dopolnennoe izdanie* [Basics of psychosemantics: 2nd enlarged edition]. Saint Petersburg, 2005, 490 p. (In Russian).
13. Petrenko V.F. *Psikhosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. Moscow, Moscow State University Publ., 1988, 208 p. (In Russian).
14. Sternberg R., Forsythe G., Hedlund J., Horvath J. et al. *Prakticheskij intellekt* [Practical intelligence]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2002, 272 p. (In Russian).
15. Ulanovskij A.M. [Constructivism, radical constructivism, social constructivism: a world as an interpretation]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 2009, no 2, pp. 35–45. (In Russian).
16. Ulybina E.V. *Psikhologiya obydenmogo soznaniya* [Psychology of commonplace sense]. Moscow, Smysl Publ., 2001, 264 p. (In Russian).
17. Francella F., Bannister D. *Novyj metod issledovaniya lichnosti: Rukovodstvo po repertuarnym lichnostnym metodikam* [New method of personality study: guidance on repertoire personality methods]. Moscow, Progress Publ., 1987, 236 p. (In Russian).
18. Asch S.E. Forming impressions of personality // *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1946, №41, pp. 258–290.
19. Beall A.E., Sternberg R.J. The Social Construction of Love // *Journal of Social and Personal Relationships*, 1995, vol. 12, no 3, pp. 417–438.
20. Bruner J.S., Shapiro D., Tagiuri R. The meaning of traits in isolation and in combination. In R. Tagiuri and I. Petrollo (Eds.), *Person perception and interpersonal behavior* (pp. 277–288). Stanford, CA: Stanford University Press, 1958, pp. 277–288.
21. Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // G. Lindzey (Ed.). *Handbook of social psychology*. Cambridge: Addison-Wesley, 1954, vol. 2, pp. 634–654.
22. Bruner J.S. Going beyond the information given // *In Search of Pedagogy Vol. I: The Selected Works of Jerome Bruner, 1957–1978*, pp. 7–23; Originally published in Bruner, J.S. (1957). *Going beyond the information given* // J.S. Bruner, E. Brunswik, L. Festinger et al. (Eds.). *Contemporary approaches to cognition*. Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 1957, pp. 41–69.
23. Carey S. *The Origin of Concepts*. Oxford, New York. Oxford University Press, 2009.
24. Chiu C., Dweck C.S., Tong J.Y., Fu J.H. Implicit theories and conceptions of morality // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1997, no 73, pp. 923–940.
25. Cronbach L.J. Processes affecting «understanding of others» and «assumed similarity». Technical report no. 10/ Study performed under Contract N6-ori-07135 with the Office of Naval Research. Project on social perception and group effectiveness. August, 1954.
26. Dweck C.S., Chiu C., Hong Y. Implicit theories and their role in judgments and reactions: a world from two perspectives // *Psychological Inquiry*, 1995, no 6, pp. 267–285.
27. Gervy B., Chiu C., Hong Y., Dweck C.S. Differential use of person information in decision-making about guilt vs. innocence: The role of implicit theories // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1999, no 25, pp. 17–27.
28. Gopnik A. The Scientist as Child // *Philosophy of Science*, 1996, vol. 63, no. 4, pp. 485–514.
29. Gopnik A., Wellman H.M. Reconstructing constructivism: Causal models, Bayesian learning mechanisms and the theory theory // *Psychol Bull.*, 2012, Nov; no 138(6), pp. 1085–1108.
30. Job V., Dweck C.S., Walton G.M. Ego Depletion-Is It All in Your Head?: Implicit Theories About Willpower Affect Self-Regulation // *Psychological Science*, 2010, no 21(11), pp. 1686–1693.
31. Jylkkä J. Concepts and Reference: Defending a

- Dual Theory of Natural Kind Concepts. Dissertation, University of Turku (2008).
32. Keil F.C. Concepts, kinds, and cognitive development. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
 33. Kloot W.A. van der, Kroonenberg P.M. Group and individual implicit theories of personality; an application for three-mode principal component analysis // *Multivariate Behavioral Research*, vol. 17, pp. 471–492.
 34. Maltby et. al. Implicit theories of a desire for fame // *British Journal of Psychology*, 2008, no 99, pp. 270–292.
 35. Margolis E., Laurence S. Concepts // *The Blackwell Guide to Philosophy of Mind* / Ed. by Stich S.P., Warfield T.A. December 2002, Wiley-Blackwell, pp. 190–213
 36. Neimeyer R.A. An invitation to constructivist psychotherapies // R.A. Neimeyer & M.J. Mahoney (Eds.), *Constructivism in psychotherapy*. Washington, DC: American Psychological Association, 1995, pp. 1–8.
 37. Neisser U. The concept of intelligence // R.J. Sternberg & D.K. Detterman (Eds.). *Human intelligence: Perspectives on its theory and measurement*. Norwood, NJ: Ablex, 1979, pp. 179–189.
 38. Norman W.T., Goldberg L.R. Raters, ratees, and randomness in personality structure // *Journal of Personality and Social Psychology*, 1966, Dec., vol. 4(6), pp. 681–691.
 39. Patalano A.L., Smith E.E., Jonides J. and Koeppel R.E. PET evidence for multiple strategies of categorization // *Cognitive, Affective, and Behavioral Neuroscience*, 2001, no 1(4), pp. 360–370.
 40. Premack D., Woodruff G. Does the chimpanzee have a theory of mind? // *Behav. Brain Sci.* 1978, no 1, pp. 515–526.
 41. Rosch E., Mervis C.B. Family resemblances: Studies in the internal structure of categories // *Cognitive Psychology*, 1975, no 7, pp. 573–605.
 42. Rosch E. Cognitive representations of Semantic Categories // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1975, no 104(3), pp. 192–233.
 43. Rosch E. Principles of categorization // E. Rosch & B.B. Lloyd (Eds.), *Cognition and categorization*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.
 44. Smith E.E. Three distinctions about concepts and categorization // *Mind and Language*, 1989, no 4(1–2), pp. 57–61
 45. Sternberg R.J. *Beyond IQ: A triarchic theory of human intelligence*. New York: Cambridge University Press, 1985.
 46. Sternberg R.J. Intelligence, wisdom, and creativity: Three is better than one // *Educational Psychologist*, 1986, no 21, pp. 175–190.
 47. Sternberg R.J. Culture and Intelligence // *American Psychologist*, 2004, no 59(5), pp. 325–338.

The date of the manuscript receipt: 14.08.2014.

CONCEPT OF «IMPLICIT THEORY»: A 60 YEARS-HISTORY OF RESEARCH IN PSYCHOLOGY *Svetlana S. Fedosina*

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In this article, the author represents results of theoretical analysis of scientific concept of implicit theory in psychology. Description is given for five theoretical approaches in studying implicit theories: «classical approach», «constructive alternativism», «prototype approach», «psychosemantic approach», «theory of theory». An approach is considered to be a principal methodological orientation of researcher. It is shown that existing approaches share a number of common features in terms of their philosophical basis, theoretical principles and methods of research.

Key words: implicit theory; categorization; category; construct; prototype; meaning; concept.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Федосина С.С. К 60-летию существования понятия «имплицитная теория» в психологической науке // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 83–93.

Please cite this article in English as:

Fedosina S.S. Concept of «implicit theory»: a 60 years-history of research in psychology // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 83–93.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 1.316

ДЕСТРУКТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ: АНОМИЯ, АРХАИКА, ДЕВИАЦИЯ**Абдрахманов Данияр Мавляирович***кандидат философских наук, доцент**заместитель директора по научной работе**Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан**450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Гафури, 13/1**e-mail: narkotizm@rambler.ru***Буранчин Азамат Мажитович***кандидат исторических наук**заведующий отделом этнополитологии**Институт гуманитарных исследований Республики Башкортостан**450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Гафури, 13/1**e-mail: buranchin@yandex.ru*

В статье приводятся данные об уровне и характере происходящих общественных трансформаций, в частности рост аномии, депопуляция, обнищание, алкоголизация, наркотизация современного российского общества, рост религиозного фундаментализма и иммиграционных настроений. Противодействие негативным (деструктивным) факторам становится важной задачей и условием выживания социальной системы.

Ключевые слова: социальная трансформация; аномия; архаика; девиация; российское общество; культура.

Современное российское общество, находящееся в условиях глубинных социальных и политических трансформаций, сталкивается с множеством деструктивных факторов, противодействие которым становится важной задачей и условием выживания всей социальной системы. В ряду негативных явлений, захлестнувших Россию, можно выделить возрастание активности экстремистских социальных и религиозных течений, снижение уровня этнической толерантности, рост употребления психоактивных веществ, суицидов, сложнопрогнозируемое влияние внешней миграции, аномию, архаизацию социальных структур и пр. Все это делает крайне актуальной проблему разработки механизмов противодействия негативным формам, возникающим в ходе модернизационного развития, поскольку рост социальной энтропии нуждается в определении масштабов нелинейных, порой хаотических процессов и разработке действенных технологий по их упорядочению.

В общественных науках термин «трансформация» стал использоваться с середины прошлого века, однако социальная трансформация рассматривалась в этот период в качестве модификации понятия «модернизация». Только с 80-х гг. XX в. «трансформация» используется как самостоятельное, ключевое понятие в исследовании современных обществ.

На сегодня ведущие отечественные ученые социальную трансформацию определяют как: 1) радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы общества (Т.И. Заславская); 2) преобразование общества, отличающееся национально-культурным своеобразием (В.А. Ядов); 3) быстрое, внешнее, поверхностное изменение социальности посредством внедрения в нее чужеродных элементов, выдаваемых за необходимые основания, и сопровождаемое нарастанием негативных явлений (Н.И. Иконникова); 4) комплексное, преимущественно эволюционное преоб-

разование общества как социокультурной системы — социокультурная трансформация (Н.И. Лапин) и пр. [9, с. 263].

К примеру, В.В. Локосов в своих работах дает следующее определение: «Трансформация — это процесс существенного изменения социальной системы, который характеризуется качественными изменениями системообразующих элементов, многовекторностью и относительно высоким темпом их реализации, а также повышенным влиянием субъективных факторов» [10].

В самом общем виде трансформация — это смена социальных форм в процессе перехода из одного качественного состояния в другое. Она может иметь различную направленность: конструктивную, стагнационную и деструктивную. Последняя и является объектом нашего исследования.

Как отмечают исследователи, деструктивная трансформация проявляется в двух формах. Во-первых, как архаизация социальных структур. Во-вторых, как криминализация общества, приводящая к доминированию теневой экономики, к коррупции, к росту девиантных социальных групп, в конечном счете — к социальной аномии.

Осмыслением проблемы, связанной с актуализацией архаики в нашей стране, занимались А.С. Ахиезер, А.П. Давыдов, В.Ф. Чеснокова. Если у А.С. Ахиезера и А.П. Давыдова к архаике относятся расколотость, полярность российской культуры, затрудненность медиации или нахождения серединной культуры, то, по мнению В.Ф. Чесноковой, архаика носит эмоционально окрашенный характер и базируются прежде всего на идеях, «которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций (“сентименты”»).

По мнению А.С. Ахиезера, архаика возникает в тот момент, когда общество на «усложнение проблем соответствующего субъекта не рождает адекватного творческого потенциала», а вместо трудного поиска ответов на вызовы времени резко, инверсионно возвращается к прежним ценностям [2, с. 89]. А.В. Рябов считает, что архаика является проявлением неких архетипических социальных практик, заимствованных из исторических образцов прошлого, главным образом феодальной эпохи, общества аграрного типа. И в современных обществах не просто реанимируются, а строятся структуры, воспроизводящие феодальный архетип. Иногда это происходит безо всякого восхищения данными образцами, иногда они становятся объектами сознательного подражания. Сегодня, — считает он, — архаические начала

всплывают через практику своего рода «кормления», когда феодальный чиновник ничего не получая (и теперь чиновник получает малую зарплату), «кормится» со своего поста. Сюда же относится лишение домовладельцев земли, а также скупка богатыми земель вместе с населяющими их людьми, которые становятся крепостными нового «помещика», а так же антиэгалитарные позиции элиты, с удовольствием принимающей сословную этику. Отличительной чертой архаических отношений выступает подчинение экономики политике, ставка на силу и привилегии. Как отмечает А.В. Рябов, «список подобных явлений, по логике несовместимых с реалиями индустриальной страны начала XXI в., при желании можно было бы продолжить. И хотя в реальной жизни все эти явления выглядят изолированными, не связанными между собой, есть основания полагать, что они имеют общие корни» [14, с. 4].

Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. В реальности она лишь отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики. Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультурируются, застраиваются более высокими слоями.

В конечном итоге основным фактором, погребаящим архаические слои сознания, по мнению специалистов, является традиция. Как пишет К.Н. Костюк, традиция — это прежде всего «защита против хаоса в индивидуальном сознании. Она противостоит как деструктивному давлению хаоса подсознания, так и давлению модернизации, направленному на конструктивную перестройку устоявшихся слоев культурного сознания» [8].

Другими словами, в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция более рациональна, более очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика.

Влияние архаики особенно ярко проявляется сегодня — в коррозии новых социальных институтов и очевидно деградирующем характере социального развития.

Другой формой деструктивной трансформации является проблема аномии. На создание нового стиля жизни и нового образа общества расходуются много энергии, что порождает в определенной мере хаос. В хаотических изменениях трансформирующегося общества потенциально заложены различные компоненты и становится возможным их необычное сочетание. Кризис расшатывает стереотипы социального поведения. И на базе ослабленных старых норм создается новый порядок.

Ослабление нормативной основы общества, характерное для кризиса, связывают с наличием аномии. Одной из причин аномии является кризис идентификации, когда человек не может уверенно отнести себя к определенной социальной общности. Аномия на самом деле препятствует позитивной социальной трансформации. Преодоление аномии, появление правил, присущих трансформации, обеспечивает ее более эффективную реализацию. Но правила эти особые, так как трансформация социальных норм — это имманентная характеристика трансформирующегося общества. То, что выглядит как аномия, на самом деле является переходом в такое нормативное состояние, которое характеризуется модификацией норм на основе постоянно изменяющихся моделей рациональности. Нормы разнообразны в различных ситуациях, в различных сообществах и при реализации разнообразных практик. Для трансформирующегося общества характерен нормативный плюрализм.

Аномия действительно существует, но она присуща периоду трансформационного кризиса. Для условий трансформации в отношении аномии необходим иной исследовательский инструментарий и иной теоретический подход, чем для условий стабильного общества. Таким образом, трансформационный кризис закладывает основы качественно нового нормативного состояния общества, позволяющие ему выйти на новый уровень развития.

Исследователи определяют аномию, возникающую в связи с ускоренной трансформацией, как состояние социально-экономических структур, возникающее в периоды их быстрого изменения, когда системообразующие процессы, способствующие социальной интеграции, утрачивают свою роль и влияние, усиливая рассогласование между социальной и культурной структурами. Социальная макросреда стремительно меняется, в то время как более инертная ценностно-культурная составляющая общества препятствует изменениям, прежде всего на уровне микросреды, непосредственного жизненного мира индивидов. Однако, несмотря на то что микросреда в значительной мере

поддерживает индивида «на плаву», указанное расхождение затрудняет процесс индивидуальной адаптации, способствует снижению общей социальной ориентации, росту ощущения ненадежности и маргинальности, кризису индивидуальных ожиданий, социальной резигнации и сомнению в легитимности основных социетальных ценностей макросреды.

Рассмотрим далее явления, имеющиеся в современном российском обществе, которые могут быть отнесены к деструктивным формам трансформаций. К примеру, ежегодно естественная убыль населения России составляет 520–550 тыс. чел. 24 сентября 2012 г. В. Путин в своём докладе на съезде партии «Единая Россия» говорил уже об 1 млн. чел. Исследования демографов показывают, что реформы и здесь дорого обошлись нашей стране: более двух третей всех причин нынешней депопуляции россиян связаны с резким ухудшением здоровья нации, снижением качества медицинского обслуживания, возвращением давно забытых болезней.

Безрадостны результаты реформ в духовной и нравственно-психологической сфере общества. 1990-е годы деформировали базовую ценностную модель россиян. Начавшийся тогда процесс духовной деградации общества вызывает растущую тревогу среди российской культурной элиты. Криминальная приватизация подняла мощный вал преступности.

В начале 2000-х произошла атомизация общества, утрата населением традиционных форм солидарности, коллективизма [15, с. 38].

При этом особенно остро встала проблема резкого социального расслоения. Яркий признак архаики сегодня — раскол на бедных и богатых, свойственный развивающимся обществам. В результате прошедших в России либеральных реформ имело место такое проявление деформации социальной сферы, как резкая поляризация доходов российских граждан. По этому показателю современная Россия значительно превзошла развитые страны мира и вплотную приблизилась к слаборазвитым. В приводимых В.И. Добренковым статистических данных, доходы 10 % наиболее богатых россиян почти в 100 раз больше доходов 10 % наиболее бедных наших граждан. К сожалению, аналогичная диспропорция имеет место и в соотношении заработной платы учителей школ и федеральных министров. Приведенные факты позволяют утверждать, что в результате либеральных реформ возникли две России — богатая и бедная, которые живут в разном измерении, не понимают друг друга, имеют разные ценностные ориентации,

которые никогда не найдут согласия и примирения друг с другом. Это не может не порождать социальную дезинтеграцию, напряженность и целый спектр негативных социальных явлений.

Пореформенная Россия — это не только резкое неравенство доходов, но и неравенство возможностей. То, что выходцам из бедных семей трудно пробиться наверх, недавно признал и В.В. Путин, сделав «создание социальных лифтов» одной из ключевых задач вновь учреждаемого агентства стратегических инициатив. По данным Росстата численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в 2010 г. составила 18,6 млн. чел. — 13,2 % общей численности населения. То есть даже по официальным данным количество бедных в нынешней России эквивалентно населению средней европейской страны. Но эти цифры не отражают реального положения в стране. Бедных в нынешней России значительно больше, чем утверждает официальная статистика. Объем потребления мяса, рыбы, овощей и фруктов отстаёт не только от норм, принятых в развитых странах, но и от норм бывшего СССР. Официальные наборы норм продовольственных и непродовольственных товаров, включённые в прожиточный минимум, отражают пожелания экспертов, а не реальные особенности потребления населения [15, с. 41].

О стремительном разрастании архаики свидетельствует также состояние собственных секторов модерна — науки и образования, с помощью которых советская архаика пыталась поддержать свою конкурентоспособность. Во много раз сократилось финансирование НИОКР и науки, количество научных организаций и ученых. При многократном падении капиталовложений резко снизился и технологический уровень российской экономики. «Утечка мозгов» и значительное увеличение доли сырья в экспорте говорят о детехнологизации и демодернизации культуры.

В 2009 г. в рамках международного мониторинга «PISA» проводилось очередное тестирование школьников по выявлению уровня грамотности. Россия оказалась на 43-м месте из 64 стран мира. Одаренных детей у нас выявлено на треть меньше, чем в других странах, а крайне ограниченных — на треть больше [7]. Указанные неблагоприятные тенденции в развитии образования будут проявляться и в последующие годы, поскольку его финансированию в стране не уделяется должного внимания. Если в США доля расходов на образование составляет 13,7 % к валовому внутреннему продукту (ВВП), в Японии — 11,7 %, Великобритании — 11,4 %, то в России —

лишь 3,5 %. Финансирование образования сегодня составляет три четверти затрат от уровня 1991 г. [4, с. 113] Традиционные (индустриальные) институты высшего образования уже не в состоянии выступать основным агентом формирования новой транслокальной идентичности. Они тщетно поддерживают и пытаются максимально усилить национальную и социокультурную принадлежность индивидов, надеясь таким образом зафиксировать, «зацементировать» ускользающую национальную идентичность. И добиваются тем самым противоположного эффекта, порождая этноконфессиональные риски, поскольку носители новой транснациональной идентичности уже априори оказываются вне зоны действия традиционных образовательных институтов, а носители традиционной идентичности и морали, активно «подогреты» во мнении об уникальности своей культуры/религии/государства, нередко воображаемой, становятся чересчур активными защитниками собственной идентичности, выходя на тропу экстремизма и терроризма [13, с. 42].

Остро стоят и вопросы общественного здоровья, алкоголизма, наркомании [1, 6], самосохранительного поведения. Помимо собственно медицинских аспектов «курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства (один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1 %. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 л чистого алкоголя на человека в год)» [12, с. 296].

В целом это вполне закономерно, если учесть, что проблема девиации напрямую зависит от системы социальных «координат». Девиация связана с процессом социального развития, устареванием и ломкой социальных стереотипов, критериев и стандартов, необходимостью обновления «неработающих» норм. Девиация широко распространяется в периоды активных социальных изменений. Так, за последние двадцать лет в России фиксируются всплески разнообразных негативных девиаций (самоубийств, преступности, отказного материнства, рост смертности, психических заболеваний, аварий и несчастных случаев на производстве и пр.). Но статистическая распространенность явления не переводит его в разряд нормы. Большинство в обществе обозначают эти явления как негативные и считают, что им необходимо непременно противостоять.

Как реакция на негативные формы социальной трансформации в российском обществе наблюдается рост фундаменталистских настроений, осо-

бенно показательно влияние религиозного фактора на современные процессы. Однако природа данного явления крайне противоречива и двойка, поскольку является противоречием, возникшим в ходе демократического транзита на традиционную матрицу российского общества [3, с. 45].

Дело в том, что торжество гражданского общества всегда означает крушение традиционных христианских (шире — религиозных) идеалов социального мира. Гражданское общество и демократия несут в себе культуру, коренным образом расходящуюся с традиционной культурой. В этой культуре получают равные права голоса все меньшинства, снимаются все цензурные барьеры, общество становится открытым, плюралистичным. В ней рушатся многие моральные табу, казавшиеся прежде незбылемыми, стремительно расширяется круг потребностей, большинство из которых определяется исключительно материальными и потребительскими интересами населения.

И все это не сдерживается, а поощряется культурой гражданского общества, поскольку она инициирует личную активность, активность человека во имя себя и своего благополучия. Разумеется, в такой трансформации национальной культуры Церковь видит прежде всего развращение нравов и крушение нравственного порядка. Публичная проституция, порнография, сокрушительное наступление бездуховности массовой культуры — все это несет с собой культура гражданского общества. В этом кроется причина современного отрицания Церковью демократии и либерализма и осторожной симпатии к прежнему коммунистическому строю, который все же сохранял традиционные нравственные принципы.

Процесс религиозизации политики в современной России крайне опасен, поскольку, как и любой фундаментализм, радикален и неуступчив. К примеру, характеризуя логику развития исламского фундаментализма в России, Е.М. Дринова выделяет следующие его специфические черты: 1) внедрение в традиционное исламское сознание идей ваххабизма; 2) декларирование восстановления «чистого» ислама, не испорченного цивилизацией; 3) утверждение доктрины джихада; 4) стремление к созданию во всех северокавказских республиках ваххабитских общин, функционирование которых предполагает наличие исламских социально-правовых институтов, таких как школы при мечетях и шариатский суд для воспитания новых поколений; 5) склонность к сакрализации политического конфликта, основу которой составляет идея иррациональности религиозного насилия; 6) религиозно мотивированное насилие

и оправдание террористических актов в отношении мирных граждан России.

Особенность православного фундаментализма в России проявляется в том, что православие стремится к активной политической деятельности. В церковных кругах существует тенденция и крепнет убежденность в необходимости примата религии над политикой как во внутренней, так и во внешней политике государства. В самом государстве также наметилась тенденция по христианизации политики, которая заключается в утверждении моральных и религиозных ценностей как абсолютных норм в обществе; отмечается активное внедрение системы религиозных православных ценностей в систему светских и политических институтов в стране. Совсем недавно судебный процесс над группой «Pussy Riot» и последовавшие за ним события и процессы обнажили всю глубину имеющихся в обществе противоречий.

Обозначенный выше комплекс идей фундаментализма позволяет говорить о параллельном формировании в России политического православного и исламского фундаментализма, существенное различие между которыми заключается в том, что первый для достижения целей использует исключительно мирные формы, а второй практикует ультрарадикальные формы [5, с. 39].

Ведущий отечественный социолог Ж.Т. Тощенко считает данную проблему крайне важной. «С недавних пор российское общество испытывает давление иерархов православной церкви по поводу необходимости изучения всеми школьниками “Основ православной культуры”, как якобы единственного средства налаживания нравственности в стране. Если бы это было так! Введение такого курса (наравне с исламом, буддизмом и иудаизмом) приведет к еще одному расколу общества — по религиозному признаку. Появится еще более дестабилизирующий фактор, чем раскол на бедных и богатых, титульные и нетитульные народы, на знатных и простых» [16, с. 5].

В России в результате перманентного экономического кризиса и распада социальной сферы развиваются многочисленные формы социального варварства, свидетельствующие о глубочайшем неблагополучии общества, усугубляющие которое наркомания, алкоголизм, психические заболевания, бездомность, детская беспризорность, проституция, эпидемия СПИДа и венерических заболеваний. При рассмотрении социальной трансформации как дисфункционального фактора социализации в ее социокультурном аспекте следует обратиться к концепции «социокультурной травмы» П. Штомпки [18, с. 3–8]. Метафориче-

ское понятие «травмы» позволяет провести аналогию между реакцией общества на неожиданные и радикальные социальные изменения и реакцией организма на внезапное и болезненное внешнее воздействие. Социальная травма, по мнению П. Штомпки, обусловлена в первую очередь ломкой ценностных оснований привычных символов, смыслов и значений социальной реальности. Травматичность радикальных социальных трансформаций обусловлена их внезапностью для большинства людей и их тотальностью, поскольку они затрагивают решительно все сферы социальной жизнедеятельности, в корне меняя характер повседневности. Именно в силу последнего обстоятельства такие преобразования затрагивают решительно всех членов общества, каждого индивида и, наконец, что наиболее болезненно, они обесценивают привычные правила социальных действий, накопленные прежним жизненным опытом, обесценивают его социальный капитал, делают индивида своего рода банкротом. Любые его форсированные структурные и функциональные изменения сопровождаются потерями — появлением «ненужных» социальных ячеек и «лишних» людей. Подобные потери — обратная сторона любого трансформационного процесса. Однако если в обществе превалирует созидательная ориентация, эта эмиссия осуществляется в таких объемах и формах, что ее можно контролировать и даже нейтрализовать. Штомпка выделяет шесть стадий травматического состояния. Первой стадией является дореформенное состояние общества, благоприятствующее возникновению травмы. Применительно к России речь в данном случае идет о долговременной стагнации советской экономики, сложившемся экономическом и технологическом отставании от Запада, опасности утраты положения великой державы при обесценивании ее экономического и военного потенциала. Вторую стадию составляют травматические события как таковые, их содержание, существо травм. Например, денежная реформа и исчезновение сбережений населения, неожиданная гласность и разоблачение коммунистических порядков при моральной неподготовленности к этому большинства людей. На третьей стадии общество, переосмысливая свою историю, сталкивается с противоречивыми толкованиями прошлого в его символическом осмыслении, что является одним из факторов дезинтеграции общества наряду с социально-статусной дезинтеграцией. Далее, в порядке реакции на травму возникают симптоматические деформации моделей социального поведения и общественной ментальности, которые быстро

обретают массовую распространенность. Следующей стадией является период посттравматической адаптации, протекающий либо по логике использования активных стратегий совладания с трудностями, либо, напротив, по логике обращения к пассивной стратегии примирения с ними. Наступающая в итоге завершающая фаза преодоления травмы, по сути, совпадает с окончанием переходного периода, т.е. с возвращением к стабильному состоянию общества и его граждан.

Таким образом, проблемы неустойчивого состояния современного российского общества не ограничиваются эмпирически фиксируемыми проявлениями, они затрагивают основополагающие, фундаментальные пласты социальной жизни, а именно: субстанциональные проблемы взаимоотношений меняющегося социума и личности, самоидентификационные процессы адаптирующегося индивидуального сознания, проблемы социализации личности в условиях разрушающегося этоса, формы и методы преодоления индивидом аномического отчуждения. Эти проблемы общества носят комплексный, макросоциальный характер, обусловлены особым, специфическим типом взаимоотношений личности и общества в этих условиях.

Однако, как нам кажется, важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Принципиально важным в настоящее время, считает Т.А. Хагуров, «для любой социальной системы является “воспроизводство Смысла”». Общество должно обеспечить своим членам достаточную смысловую нагрузку — некий “пантеон идеалов”, организующий социально одобряемые цели и практики» [17, с. 41]. Только имея высшие идеальные цели, можно сплотить общество обеспечив ему не просто выживание, но и процветание, и лидерство [11] в новом меняющемся мире.

Список литературы

1. Абдрахманов Д.М. Семья — основной институт профилактики наркотизма // Человеческий капитал. 2011. № 10. С. 125–127.
2. Ахиезер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
3. Буранчин А.М. Традиционное общество и модернизация: теоретико-методологический аспект // Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. «Перспективы модернизации традиционного общества» (Уфа, 5 июня 2011 г.). Уфа: Гилем, 2011. С. 43–50.

4. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 108–114.
5. Дринова Е.М. Религия и политический процесс: религиозно-политическая экспансия и политизация религии в современном мире: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Ростов н/Д, 2012. 48 с.
6. Кiekбаев М.Д., Абдрахманов Д.М. Основные подходы к совершенствованию системного противодействия незаконному обороту и потреблению наркотиков: опыт Башкортостана // Этносоциум. 2011. № 1(33). С. 122–131.
7. Комсомольская правда. 2010. 11 янв. С. 3.
8. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj3-4-99kost.html> (дата обращения: 01.03.2014).
9. Ламажая Ч.К. Социальная трансформация // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 262–264.
10. Локосов В.В. Трансформация социальных систем (опыт реформ в современной России): автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002. 48 с.
11. Малинецкий Г.Г. Чтоб сказку сделать былью... Высокие технологии — путь России в будущее. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 224 с.
12. Матвейчев О. Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. М.: Эксмо, 2011. 356 с.
13. Песегова Е.В. Флексибильная модернизация института высшего образования в современной России: автореф. дис. ... д-ра. социол. наук. М., 2011. 46 с.
14. Рябов А.В. Возрождение феодальной «архаики» в современной России: практика и идеи // Рабочие тетради. Working Paper. М.: Моск. центр Карнеги. 2008. № 4. С. 4–5.
15. Симонян Р.Х. Реформы 1990-х годов и современная социальная структура российского общества (к 20-летию экономических реформ) // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 37–47.
16. Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3–12.
17. Хагуров Т.А. Кризис идеального как генератор девиаций в российском обществе // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы IV ежегодной Всеросс. с междунар. участием науч.-практ. конф. (Краснодар, 28–29 октября 2010 г.). Краснодар: Из-во Краснодар. ун-та МВД России, 2010. Т. 1. С. 40–44.
18. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 3–12.

References

1. Abdrakhmanov D.M. [Family as the main institution of narcotism prophylaxis]. *Chelovecheskij kapital* [Human capital]. 2011, no 10, pp. 125–127. (In Russian).
2. Akhiezer A.S. [Archaism in Russian society as a methodological problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2001, no 2, pp. 89–100. (In Russian).
3. Buranchin A.M. [Traditional society and modernization: theoretical and methodological aspect]. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perspektivy modernizatsii traditsionnogo obshchestva» (Ufa, 5 iyunya 2011) [Proceedings of All-Russian scientific and training conference «Perspectives of traditional society modernization» (Ufa, 5th of June 2011)]. Ufa: Gilem Publ., 2011, pp. 43–50. (In Russian).
4. Dement'eva I.F. [Hazards of modern childhood]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2011, no 10, pp. 108–114. (In Russian).
5. Drinova E.M. *Religiya i politicheskij protsess: religiozno-politicheskaya ekspansiya i politizatsiya religii v sovremennom mire: aftoreferat dissertatsii doktora politicheskikh nauk* [Religion and political process: religious and political expansion and politicization of religion in modern world: Author's abstract for procuring of PHD of political sciences]. Rostov-on-Don, 2012, 48 p. (In Russian).
6. Kiekbaev M.D., Abdrakhmanov D.M. [The main approaches to perfection of system counteraction towards illegal drug dispensing and usage: Bashkortostan experience]. *Etnosotsium* [Etnosotsium]. 2011, no 1(33), pp. 122–131. (In Russian).
7. *Komsomolskaya Pravda* [Komsomol truth]. 2010, 11th of January, p. 3. (In Russian).
8. Kostyuk K.N. *Arkhaika i modernizm v rossijskoj kul'ture* [Archaic and modernism in Russian culture]. Available at: <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99kost.html> (In Russian).
9. Lamazhaa Ch.K. [Social transformation]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2011, no 1, pp. 262–264. (In Russian).
10. Lokosov V.V. *Transformatsiya sotsietal'nykh sistem: opyt reform v sovremennoj Rossii: aftoreferat dissertatsii doktora sotsiologicheskikh nauk* [Transformation of societal systems: reforms experience in modern Russia: Author's abstract for procuring of PHD of sociological sciences]. Moscow, 2002, 48 p. (In Russian).
11. Malinetskij G.G. *Chtob skazku sdelat' byl'yu... Vysokie tehnologii – put' Rossii v budushee* [To make a fairy-tale a true story... High technologies

Получено: 07.03.2014.

- as Russia's way to the future]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2012, 224 p. (In Russian).
12. Matvejchev O. *Chto delat', Rossiya? Proryvnye strategii Tret'ego tysyacheletiya* [What is to be done, Russia? Breaching strategies of the Third millennium]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 356 p. (In Russian).
 13. Pesegova E.V. *Fleksibil'naya modernizatsiya instituta vysshego obrazovaniya v sovremennoj Rossii: aftoreferat dissertatsii doktora sotsiologicheskikh nauk* [Flexible modernization of institution of higher education in modern Russia: Author's abstract for procuring of PHD of sociological sciences]. Moscow, 2011, 46 p. (In Russian).
 14. Ryabov A. [Rebirth of feudal «archaism» in modern Russia: praxis and ideas]. *Rabochie tetradi* [Working paper]. Moscow, Carnegie Moscow Centre Publ., 2008, no 4, pp. 4–5. (In Russian).
 15. Simonian R.H. [1990th reforms and contemporary social structure of Russia's society – after 20 years of economic reforms]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2012, no 1, pp. 37–47. (In Russian).
 16. Toschenko Zh.T. [Centaur-idea as a deformation of social consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2011, no 12, pp. 3–12. (In Russian).
 17. Khagurov T.A. [Crisis of ideal as a deviation generator in Russian society]. *Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: Materialy chetvertoj ezhegodnoj vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Krasnodar, 28–29 oktyabrya 2010) [Phenomenology and deviant behaviour prophylaxis: Proceedings of 4th All-Russian scientific and training conference with international participation (Krasnodar, 28–29th of October). Krasnodar: Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2010, vol. 1, pp. 40–44. (In Russian).
 18. Sztompka P. [Cultural trauma in post-Communist society (article 2)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2001, no 2, pp. 3–12. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 07.03.2014.

THE DESTRUCTIVE ASPECTS OF SOCIAL TRANSFORMATIONS:

ANOMIE, ARCHAIC, DEVIATION

Daniyar M. Abdrakhmanov, Azamat M. Buranchin

*Institute of Humanitarian Research of the Republic of Bashkortostan;
1, Gafoury str., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russia*

Contemporary Russian society in terms of deep social transformations faces many destructive factors, including the continuing social inequality, migration, political and economic changes, the emergence of culture characterized by intemperance, the growth of individualism and consumerism, changing of traditional values, rapid urbanization, loss of respect for the law etc. Dealing with these factors is becoming an essential task for the survival of the entire social system. The authors present data on the level and nature of social transformations taking place, in particular the growth of anomie, depopulation, poverty, alcoholism, drug addiction in modern Russian society, the rise of religious fundamentalism and immigration sentiment.

Key words: social transformation; anomie; archaic; deviation; Russian society; culture.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М. Деструктивные аспекты социальных трансформаций: аномия, архаика, девиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 94–101.

Please cite this article in English as:

Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M. Destructive aspects of social transformations: anomie, archaic, deviation // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 94–101.

УДК 316.2

ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ М. БАХТИНА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Зубарев Александр Сергеевич

аспирант кафедры социологии

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина

61002, Украина, Харьков, Площадь Свободы, 4

e-mail: viva-zas@mail.ru

В статье рассматривается проблема социологической интерпретации идей М. Бахтина. Автор обращается к работам З. Каримовой, Ю. Давыдова, С. Легезы и других исследователей. Анализируются возможности социологической интерпретации бахтинского концепта «действительного мира жизни» в перспективе нарративного анализа в социологии. Автор сравнивает идеи М. Бахтина и А. Шюца. Актуализируются проблемы профессиональной этики социолога в современном мире, в частности, ответственности социолога-исследователя, соответствия декларируемых и реализуемых социологом ценностей. В связи с этим в статье содержится экспликация этических концептов «философии поступка» М. Бахтина. Предлагаются направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: действительный мир жизни; жизненный мир; архитектура жизненного мира; ценностный контекст; нарратив.

Проблема возможностей и перспектив социологического прочтения работ М. Бахтина поднимается не в первый раз. С долей иронии можно говорить о своеобразной традиции вновь и вновь задаваться вопросами о том, насколько допустима и оправданна социологическая интерпретация идей М. Бахтина, в каких направлениях может быть эта интеллектуальная работа, какие пласты творческого наследия М. Бахтина захватывать, а какие оставлять нетронутыми. Следовательно, М. Бахтин чем-то затрагивает, цепляет, не оставляет безучастным.

В чём же актуальность М. Бахтина для современной социологии, в которой условия мультипарадигмальности делают возможными самые неожиданные теоретико-методологические альянсы? Здесь мы бы хотели отметить несколько важных аспектов. Во-первых, изучение творческого наследия М. Бахтина является актуальным в историко-социологической ретроспективе, так как его перу принадлежат не только работы, в которых социологическая проблематика присутствует имплицитно, но и собственно работы по социологии, к примеру «Социологизм без социологии», «По ту сторону социального» и ряд других [1]. Как ни странно, в учебных изданиях по истории социологии, как и в научной периодике, об этом упоминается крайне редко. Во-вторых, работы

М. Бахтина изобилуют концептами, которые сформировались на стыке литературоведения, философии, социологии и потому не принадлежат какой-нибудь одной из этих теоретических областей, а являются междисциплинарными и многоплановыми по своей сути. А это дает основания предположить, что такого рода консистенция делает их оптикой, способной улавливать аспекты социальных феноменов, другой оптикой не фиксируемые. К числу таковых можно отнести и бахтинский концепт «действительного мира жизни», или «жизненного мира», если использовать привычный гуссерлианский термин. И, в-третьих, обращение к М. Бахтину интересно в плане осмысления социологом собственной позиции в социуме, этики научной деятельности как определённого способа существования. В этом случае речь идет даже не об интерпретации М. Бахтина, а, скорее, о своеобразном эксперименте по изобретению новых возможностей жизни [6, с. 127].

Предпосылки для рассмотрения идей М. Бахтина в связи с социологической проблематикой находим в работах Ю. Давыдова, З. Каримовой, С. Легезы.

З. Каримова подчёркивает, что почти все главные понятия М. Бахтина несут в себе социологический смысл, который может быть раскрыт, выражен, дискутирован [8, с. 11]. Западными авторами

уже давно развиваются такие интересные направления исследований, как М. Бахтин и постмодернистская деконструкция бинарных оппозиций; проблема тела как социологическая и эстетическая проблема в работах М. Бахтина (П. Хичкок, Х.-Й. Юнг); бахтинская теория карнавала и проблема маргинальных культур (М. Бернард-Дональдс); рефлексивное исследование социологической науки в контексте бахтинской теории языковых и литературных жанров, концепции многоголосия (Д. Смит); М. Бахтин и проблематика формирования социальной идентичности (Д. Пейтер); аналитика повседневности в контексте бахтинских ранних работ (К. Бендер) и другие [7, с. 179–183]. Среди более современных попыток социологического прочтения идей М. Бахтина можно назвать как достаточно традиционные, предпринимаемые в контексте разработки проблематики диалога (Ж. Дюбоск, И. Кльо [16], Ж. Делёз [5]), анализа дискурсов (С. Бранка-Розофф [15]), так и выражающие поиск оригинальных тематических полей, примером чего может служить исследование А. Романа корпоративной электронной почты [17]. В отечественной социологии апелляции к М. Бахтину, за небольшим исключением, ситуативные, что связано, по-видимому, с более выраженными дисциплинарными границами.

Впрочем, по мнению З. Каримовой, социологическая интерпретация идей М. Бахтина затрудняется не только из-за сложившихся традиций научности, но и из-за особой внутренней организации, логики бахтинского дискурса, которую не так просто «перевести» на язык социологии, не нарушив взаимосвязь ее составляющих. У М. Бахтина все понятия связаны единой нитью. И, тем не менее, принципиального противоречия между стремлением к сохранению аутентичного содержания бахтинских понятий и установкой на раскрытие их эвристического потенциала в социологии нет, важно другое: «найти измерение социологии в философии М. Бахтина, а не наоборот — место М. Бахтина в традиционно понимаемой социологии» [8, с. 14–17]. Хотя ответ на первый вопрос, по всей видимости, влечет за собой и ответ на второй.

Связывая актуализацию идей М. Бахтина с возрастающим интересом социологов к тексту, в том числе литературному, а также с пониманием самой социальной реальности как текстуальной, навеянным постмодернизмом, З. Каримова рассматривает разрабатываемые М. Бахтиным концепты «избытка прямого значения», «двухголосого слова», «Другого». «Избыток прямого значения» — это категория организации значения, согласно которой

значение понимается как незавершенное, обратимое, многоплановое, постоянно поддающееся реинтерпретациям, которое может «оттеняться» значениями, куда более важными, чем прямое, может быть деконструировано и даже доведено до своей противоположности. Но для М. Бахтина избыток прямого значения — это ещё и «избыток человечности», подчеркивает З. Каримова, а значит, особая теория социальности, текста и субъективности. Избыток прямого значения делает возможным «двухголосое слово», т.е. слово с установкой на чужое слово, не сводимой только к спору или согласию. Двумя полюсами, на разной отдаленности от которых располагаются высказывания с ориентацией на чужое слово, являются диалог и монолог. Существует и пассивная разновидность двухголосого слова, когда чужое слово подчиняется замыслу автора, использующего его в направлении своих собственных устремлений [8, с. 20–27]. Впрочем, диалогичность присуща не только слову, но и всей культуре. Фигура «Другого» играет фундаментальную роль в формировании значения и субъективности в целом, позволяет нам взглянуть на себя «со стороны», преломляя наш опыт через свои оценки, восприятие, мировоззрение. Другой — это и «зеркало», в котором мы видим искаженный образ себя, и полноправный субъект, обладающий своим голосом и кругозором. У М. Бахтина Другой входит в диалог не как выразитель каких-либо идей, а как полноценный субъект, который в своем бытии, конечно, превышает любые идеи. Именно событие встречи Я и Другого является основополагающим для бахтинской структуры значения и его избытка [8, с. 33–35]. Эти концепты, на наш взгляд, могут быть применены и в контексте проблематики социокультурного восприятия Другого в поликультурном обществе, разрабатываемой Ю. Сорокой [12], и в исследованиях «нетипичности» Е. Ярской-Смирновой [14], во всех областях, где на первый план выходит проблема понимания Другого, его жизненного мира.

Интересные историко-социологические работы по М. Бахтину принадлежат Ю. Давыдову [3, 4]. Как отмечает Ю. Давыдов, творческая эволюция М. Бахтина от этической онтологии индивидуально ответственного человеческого поступка к расшифровке его социологического смысла тесно связана с поворотом, произошедшим в социологии во время её первого теоретико-методологического кризиса начала XX в. Этот кризис нашел отражение в творчестве Г. Зиммеля, М. Вебера, которые искали выход из него в утверждении социологии как науки о культуре. И если с зиммелевскими работами М. Бахтин был хорошо знаком, то параллельно

ли, проводимые Ю. Давыдовым между М. Бахтиным и М. Вебером, интересны ещё и тем, что М. Бахтин, скорее всего, не был знаком с трудами М. Вебера. А, стало быть, речь идёт о неких объективных обстоятельствах, придавших схожесть интеллектуальному пути двух мыслителей [3, с. 3]. Так, Ю. Давыдов отмечает, что, во-первых, М. Бахтин и М. Вебер следовали одной и той же неокантианской традиции, хотя и тяготели к двум различным её школам, марбургской и баденской соответственно, в своем интеллектуальном движении, впрочем, достаточно быстро выйдя за их пределы. Во-вторых, как М. Бахтин, так и М. Вебер одинаково остро ощущали глубину кризиса европейской культуры, о котором писал Г. Зиммель в известной работе «Понятие и трагедия культуры», к тому времени уже переведённой на русский язык. В-третьих, оба усматривали тесную связь кризиса культуры с кризисом социально-гуманитарного знания. В-четвертых, и М. Вебер, и М. Бахтин видели выход из кризиса в переходе на позиции социологического номинализма, в том, чтобы исходить от реального субъекта деятельности, действия и поступка. Согласно этой позиции индивид, его осмысленное действие оказывается основным предметом изучения [3, с. 5–7]. У М. Бахтина, не будем забывать, это было также обращением к феноменологической традиции и жизненному миру. Таким образом, М. Вебер, стремясь ввести социологию в круг наук о культуре, и М. Бахтин, пытаясь поднять социально-гуманитарное знание на уровень нового понимания научности, поразительно близко подошли друг к другу, что свидетельствует об общности тех проблем, которые их занимали [3, с. 14]. Это ещё раз побуждает искать социологическое измерение творчества М. Бахтина, открывая тем самым новые измерения в самой социологии.

С. Легеза применяет бахтинский концепт «хронотопа» в исследовании компьютерных виртуальных ролевых игр как феномена массовой культуры современного общества. Как отмечает С. Легеза, вполне логично предположить наличие в игре определённого хронотопа как «слияния пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [9, с. 485]. Заложённая М. Бахтиным система исследования хронотопа, присущего тому или иному тексту, предусматривает последовательное соотношение трех пластов: времени, пространства и героя, или действующего субъекта [9, с. 486]. Автор исследует репрезентации каждого из них в пространстве виртуальной ролевой игры, которая может быть представлена как «текст» [9, с. 485]. Надо

сказать, что концепт «хронотопа», к которому обращается С. Легеза, предлагается М. Бахтиным уже после тематизации «действительно мира жизни», развернутой им в ранней основополагающей работе «К философии поступка». И такой ход мысли вполне понятен, ведь сначала мы всегда сталкиваемся с реальностью собственной жизни, хронотоп которой является для нас архетипом всех остальных, а потом уже с реальностью текста. Изложение принципов архитектоники «действительного мира жизни» — вот что является отправным пунктом в литературоведческих, философских, социологических поисках М. Бахтина.

Целью нашей статьи, таким образом, является прояснение особенностей бахтинского концепта «действительного мира жизни», возможностей и границ его социологического прочтения. Для нас важен поиск нового видения «жизненного мира», которое бы дополняло его феноменологические трактовки, наиболее известную из которых в социологии предложил А. Шюц, и делало возможным использование данного концепта в противоречивой современности.

Уже в первой опубликованной работе М. Бахтина «Искусство и ответственность» (1919) мы обнаруживаем специфический способ видения мира как множественности миров, характерный для большинства феноменологических трактовок «жизненного мира» [2, с. 5–6]. По всей вероятности, это результат влияния идей Э. Гуссерля, которое безошибочно улавливается по понятиям «мира», «кругозора», «окружения», которыми перестраиваются ранние работы М. Бахтина. Это не удивительно, так как первым переводом «Логических исследований» Э. Гуссерля, как отмечает А.М. Олива, был перевод на русский, появившийся уже в 1909 г. Идеи феноменологии активно обсуждались в России начала XX в., и М. Бахтин не мог быть с ними не знаком [10]. Впрочем, на наш взгляд, речь идёт не о повторении, а, скорее, о предвосхищении будущего развития мысли, ведь Э. Гуссерль подошел вплотную к проблеме «жизненного мира» только в 30-е гг. XX в. Не менее заметно и влияние, оказанное на М. Бахтина неокантианством, которое выразилось в преобладании в его работах этической проблематики.

Архитектонике «действительного мира жизни» должна была быть посвящена первая часть масштабного труда, набросок которого М. Бахтин делает в работе «К философии поступка», вторая — этике художественного творчества, третья — этике политики и последняя — религии. Более-менее полно была реализована только вторая часть, воплотившаяся в работе «Автор и герой

в эстетической деятельности», которую З. Каримова, подчеркивая ее социологическую значимость, называет «блестящей работой о структуре субъективности и началах социальности» [8, с. 16–17]. Несмотря на то что замыслы М. Бахтина не были полностью реализованы, работа «К философии поступка» в несколько сжатом виде все же дает представление об особенностях бахтинского видения жизненного мира.

М. Бахтин исходит того, что как теоретическое мышление, так и историческое изображение-описание и даже эстетическая интуиция создают принципиальный раскол между содержанием-смыслом конкретного акта деятельности — его объективацией в культуре — и исторической действительностью его бытия. В результате два мира противопоставляются друг другу: мир культуры, включающий науку, искусство, историю и другие объективные области, и мир жизни, в котором мы действительно живем и умираем, познаем и творим [2, с. 7]. Эта разобщенность культуры и жизни ощущается трагически, особенно если желать и уметь «участно мыслить», т.е. «не отделять своего поступка от его продукта, а относить их и стремиться определить в едином и единственном контексте жизни как неделимые в нем» [2, с. 21]. Как помним, для А. Шюца, в большей степени усвоившего феноменологическую традицию научности, эта проблема не стоит так остро, а сводится к проблеме описания опыта, полученного в разных конечных областях значений жизненного мира, единство которого достигается единством переживающего разные состояния напряженности сознания [13, с. 427–428]. Социальный ученый понимается А. Шюцем как бесстрастный (а значит, и безучастный) наблюдатель, который в своей исследовательской установке отвлекается от всех прагматических мотивов, руководящих им в повседневной жизни, хотя и остается при этом человеком среди других людей в интерсубъективном жизненном мире [13, с. 198–199]. Если для А. Шюца проблема разобщенности различных миров культуры сугубо научная, то для М. Бахтина ещё и экзистенциальная, и этическая.

Как утверждает М. Бахтин, дуализм культуры и жизни, мысли и единственной конкретной действительности невозможно преодолеть изнутри мира теоретического познания, ведь только мы совершаем акт отвлечения — сразу же оказываемся во власти «имманентной законности» той или иной культурной области, по которой она автономно развивается. Так, мир техники, подчиняясь в своем развитии собственному имманентному закону, предопределяет безудержное совер-

шение смертоносных орудий, «врываясь» в единственное единство жизни. Впрочем, экспансия мира техники — это только частный и наиболее опасный случай стремления некоего обособленного мира выдать себя за весь мир в целом [2, с. 11–12]. Никакой теоретический мир не может исчерпать собою всю жизнь, заменить собою всю жизнь. Было бы это так, мы «отбросили бы себя из жизни как ответственного рискованного открытого становления-поступка» [2, с. 13], ведь теоретический мир построен в принципиальном отвлечении от факта «я есть», в нём нельзя жить и ответственно поступать.

Если попытки изнутри теоретического мира пробиться в действительное бытие-событие безнадежны, если «нельзя разомкнуть теоретически познанный мир изнутри самого познания» [2, с. 16], то, возможно, это удастся сделать через мир искусства? Согласно М. Бахтину, нет. Для эстетического видения, продукт которого отвлечён от действительного акта видения, единственное бытие-событие также неуловимо. Полученный в отвлечении от действительного субъекта видения мир эстетического видения не есть действительный мир жизни, хотя и «ближе» к нему, чем теоретический и теоретизированный мир. «В эстетическом бытии, — пишет М. Бахтин, — можно жить, и живут, но живут другие, а не я, — это любовно созерцаемая прошлая жизнь других людей, и всё вне меня находящееся соотносено с ними, себя я не найду в ней, но лишь своего двойника-самозванца, я могу лишь играть в нём роль, т.е. облекаться в плоть-маску другого — умершего» [2, с. 21]. Эстетический мир — лишь момент единого и единственного бытия-события.

Стало быть, согласно М. Бахтину, ни теоретическое познание, ни эстетическая интуиция не дают возможности подступиться к единственно реальному миру-событию, но если так, то каким может быть принцип приобщения объективированной культуры действительному миру жизни, как исцелиться от этой расколотости, которая не ощущалась А. Шюцем, но была глубоко прочувствована ещё Г. Зиммелем? По мнению М. Бахтина, такое включение возможно через действительный ответственный акт-поступок. «Мир как содержание научного мышления, — пишет М. Бахтин, — есть своеобразный мир, автономный, но не отъединенный, а через ответственное сознание в действительном акте-поступке включаемый в единое и единственное событие-бытия» [2, с. 16]. То же касается мира эстетического видения и других культурных миров, ведь в поступке акт деятельности — теоретическое дис-

курсивное познание, эстетическая интуиция, историческое описание или какой бы то ни было ещё — обретает, наконец, единый план в своем смысле и в своем бытии.

Номиналистический поворот М. Бахтина значительно радикальнее того, который был осуществлён М. Вебером, и означал признание социального действия атомом социального. Для М. Бахтина индивидуально-ответственным поступком является и мысль, и слово, и действие, и вся жизнь как сплошное «поступление». «Я поступаю всю мою жизнь», — пишет М. Бахтин [2, с. 8]. Действительно свершающийся в жизни-событии поступок снимает всякую гипотетичность, неопределённость, он «последний итог, всесторонний окончательный вывод» [2, с. 29]. Такая концептуализация поступка позволяет М. Бахтину трактовать кризис современного общества, т.е. общества начала XX в., как кризис поступка. Согласно М. Бахтину, современный человек уверенно поступает там, где его принципиально нет — в различных автономных областях культуры, великолепных в своей стройности, но далеко не так уверенно в действительном мире жизни, где он «имеет с собою дело» [2, с. 23]. Концепт «кризиса поступка» М. Бахтина актуализируется современными трактовками общества как капиталистического, поликультурного, общества потребления, в контексте которых человеческие отношения находятся под угрозой замещения отношениями эксплуатации, дискриминации, потребительства.

У М. Бахтина жизнь и поступок, онтология и этика соединяются воедино, потому жизненный мир — это одновременно и «действительный мир поступка», архитектура которого может быть феноменологически вскрыта. Что касается понятия «архитектоники», то оно употребляется М. Бахтиным и в качестве философской категории, отсылая в таком значении к кантианской традиции, и в качестве эстетического и искусствоведческого понятия. В более поздней работе «Автор и герой в эстетической деятельности» архитектура понимается М. Бахтиным как некий организационный принцип, «воззрительно необходимое, не случайное расположение и связь конкретных, единственных частей и моментов в завершённое целое», которая относительно подлежащих творческому оформлению моментов может быть рассмотрена в ценностном, временном, пространственном и смысловом измерениях [2, с. 70]. Впрочем, с оговорками это определение может быть отнесено и к действительному миру жизни.

«Мир-событие, — пишет М. Бахтин, — не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь как просто данное, но всегда дана связанная с ними заданность: должно, желательно» [2, с. 32]. Предмет, если он в какой-либо форме не переживается нами, не может быть осознан. Потому в действительном мире жизни все предметы даны в некотором событийном единстве, где неразделимы моменты заданности и данности, бытия и долженствования, бытия и ценности. Заговорив о предмете, мы тем самым становимся к нему в неиндифферентное, «заинтересованно-действенное» отношение, ведь произнесенное слово не может не интонировать, своей интонацией оно выражает наше отношение к предмету, делая его моментом живой событийности [2, с. 32]. Всё в мире-событии переживается как «данность-заданность», интонируется, имеет «эмоционально-волевой тон», как выражается М. Бахтин, т.е. существует в соотношении с субъектом, переживающим этот мир. В терминологии А. Шюца мы бы сказали, что все объекты жизненного мира занимают то или иное место в системе релевантности субъекта, или, согласно Х. Ортеге-и-Гассету [11], «что-то значат для нас» в жизненном мире как прагматической реальности. Такие параллели не случайны и свидетельствуют об общности теоретических истоков концепций столь разных мыслителей.

Жизненный мир в концептуализации М. Бахтина я-центрирован, как и у А. Шюца, и Х. Ортеги-и-Гассета, однако для М. Бахтина признание онтологической единственности, незаместимости и неповторимости занимаемого человеком места в единственный момент времени и точке пространства заключает в себе глубоко этический смысл. Ведь «то, что мною может быть совершено, никем и никогда совершено быть не может» [2, с. 39], а раз так, то я персонально ответствен за свое бытие, за то место, которое в нём занимаю и которое не может быть ни оставлено мною, ни отобрано у меня кем-то, разве что смертью. Это положение вошло в историю гуманитарных наук как «не алиби человека в бытии», отображающее своеобразный переход М. Бахтина от онтологии к этике, которые, впрочем, «связываются» не сами по себе, а путём признания человеком ответственности за то единственное место, которое он занимает в жизни.

Принимаем ли мы факт нашего «не алиби в бытии» или нет, жизненный мир остаётся я-центрированным миром, в котором «только я-для-себя я, а все другие — другие для меня» [2, с. 43]. В действительном мире жизни нет человека во-

обще, как в мире науки, а есть определённый конкретный другой: близкий, современник, прошлое и будущее действительных людей. Поскольку ценностным центром действительного мира жизни является не развоплощенный безучастный субъект, а конкретный человек, то всё приобретает смысл в соотношении с этим действительным человеком [2, с. 44]. Ценностный смысл смерти всякого другого человека — любимого, близкого, знакомого или незнакомца — глубоко различный, ведь «никто не живёт в мире, где все люди равно смертны» [2, с. 45].

В «Философии поступка» проблема архитектуры жизненного мира ещё не раскрыта в полной мере, речь идёт о трёх её главных моментах: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого [2, с. 49]. Как отмечает М. Бахтин, все ценности действительной жизни и культуры — научные, эстетические, политические, религиозные — расположены вокруг этих основных «архитектонических точек действительного мира жизни» [2, с. 49], к которым «стягиваются» все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения. В этих трёх моментах находит свое выражение высший принцип действительного мира жизни — конкретное архитектурное противопоставление я и Другого. Чтобы показать возможность описания «действительной конкретной архитектуры ценностного переживания мира» [2, с. 56], где пространственным, временным и ценностным центром является человек, оценивающий и поступающий, а предметы взяты в их действительных конкретных событийных отношениях друг с другом, М. Бахтин обращается к анализу мира эстетического видения, который своей конкретностью и эмоционально-волевым тоном, расположением вокруг ценностного центра — смертного человека — наиболее близок действительному миру жизни [2, с. 56]. Хотя произведение фантастического жанра, разумеется, может и не иметь своим центром смертного человека, тем самым максимально удаляясь от повседневного жизненного мира, в котором над нами, согласно А. Шюцу, властвует «фундаментальная тревога» [13, с. 442].

С этой целью М. Бахтин анализирует архитектуру лирической пьесы А. Пушкина «Разлука», что чрезвычайно интересно в перспективе развития нарративного анализа в социологии, ведь нарратив тоже можно рассматривать как художественное произведение, а его «героя» — как объективированного автора. Сюжет пьесы таков: возлюбленная героя уезжает на родину и там умирает, оставив в его памяти уже неисполнимое

обещание встречи. Прототипом героини этого произведения, по всей видимости, является Амалия Ризнич, которой поэт был увлечён во время своего пребывания в Одессе летом 1823 г. Как известно, на следующий год А. Ризнич по настоянию врачей уехала в Швейцарию, затем в Италию, где вскоре умерла [6].

М. Бахтин показывает, что в пьесе все конкретные моменты архитектуры получают значение в соотношении с двумя ценностными центрами: героем и героиней. Один и тот же предмет различен как событийный момент различных ценностных контекстов. Так, в ценностном контексте героини Италия это — «родина», а в ценностном контексте героя — «чужбина». Все события получают свое значение в соотношении с этими двумя ценностными центрами: «отбывание» для нее — «возвращение», для него — «покидание» и т.д. [2, с. 60–66]. В тексте нарратива [14] мы также сталкиваемся с подобной архитектурой, в которой события, предметы, другие ценностные контексты, пространственно-временные характеристики даны в соотношении с ценностным центром автора-героя, находящегося вне этой архитектуры (впрочем, в исповеди автор и герой максимально сближаются, почти совпадая). Таким образом, бахтинский анализ открывает новые возможности исследования значения микро- и макросоциальных событий в жизненном мире личности, архитектура которого предположительно раскрывается в тексте нарративного интервью.

Сделаем некоторые выводы. Во-первых, экспозиция попыток социологической интерпретации творческого наследия М. Бахтина показывает, что такая интерпретация возможна в самых разнообразных направлениях: социологии языка, текста, идентичности, а также и жизненного мира, тематизация которого стала отправным пунктом интеллектуальных поисков М. Бахтина. Во-вторых, переход М. Бахтина от описания архитектуры действительного мира жизни к описанию архитектуры художественного произведения, транскрибированный на язык социологии, означает переход от исследования жизненного мира к исследованию текста как его «слепок». А значит, эвристичным может оказаться социологическое прочтение работ М. Бахтина, посвященных архитектуре художественных произведений. Особенно интересным подобное исследование представляется в перспективе развития нарративного анализа в социологии. В-третьих, этическая трактовка жизненного мира, осуществлённая М. Бахтиным, позволяет увидеть новые ориентиры в профессиональной этике социолога. Перефразируя М. Бахтина, можно ска-

зять: «За то, что я пережил и понял в социологии, я должен отвечать своей жизнью и, наоборот, за то, что я понял в жизни, — должен отвечать в науке социологии». Иначе и наука, и жизнь обедняются, не будучи связанными единством конкретной личности.

Список литературы

1. Бахтин М.М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка: статьи / сост., текст. подготовка И.В. Пешкова; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
2. Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов. М.: Русские словари: Языки славянских культур, 2003. 958 с.
3. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Михаил Бахтин (к введению в социологию XX) // Социологические исследования, 1996. № 9. С. 3–14.
4. Давыдов Ю.Н. Трагедия культуры и ответственность индивида (Г. Зиммель и М. Бахтин) // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 91–125.
5. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 235 с.
6. Ионкис Г. Лёгкое дыхание // Слово\Word 2006. № 51. URL: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/51/io1.html> (дата обращения: 19.06.2014).
7. Каримова З.З. Бахтин в зеркале социологии и диалогии // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1999. № 1. URL: <http://www.nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=1&abs=KARIMOVA> (дата обращения: 20.06.2014).
8. Каримова З.З. К вопросу о социологической интерпретации М.М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4. URL: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=KARIMOVA> (дата обращения: 20.06.2014).
9. Легеза С.В. Хронотоп виртуальных ролевых игр: «реальность вымысла» и «новая мифопоэтика» // Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. науч. работ. Харьков: Изд. центр Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Каразина, 2002. С. 495–489.
10. Олива А.М. Влияние идей феноменологии на понятие «дискурсивного взаимодействия» бахтинского диалогического кружка // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 144–160.
11. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. М.: Весь Мир, 1997. 704 с.
12. Сорока Ю. Свои, чужие, разные: социокультурная перспектива восприятия Другого: монография. Харьков: Изд. центр Харьк. нац. ун-та им. В.Н. Каразина, 2012. 332 с. (на укр. яз.).
13. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. М.: Российская политическая

энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1056 с. (Серия «Книга света»).

14. Ярская-Смирнова О. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 272 с.
15. Branca-Rosoff S. Normes et genres de discours // Langage et société. 2007. March № 119. P. 111–128.
16. Duboscq J., Clot Y. L'autoconfrontation croisée comme instrument d'action au travers du dialogue: objets, adresses et gestes renouvelés // Revue d'anthropologie des connaissances. 2010. Vol. 4, No°2. P. 255–286.
17. Roman A. La banalisation du mail: l'ombre de dionysos dans la communication organisationnelle // Sociétés. 2010. No 107. P. 87–102.

Получено: 17.08.2014.

References

1. Bakhtin M.M. (*Pod maskoj*). *Frejdizm. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiya yasyka* [(Under a mask). Freudism. Formal method in literary studies. Marxism and philosophy of language]. Articles composed and textual preparation by I.V. Peshkov. Comments by V.L. Makhlin, I.V. Peshkov. Moscow, Labirint Publ., 2000, 640 p. (In Russian).
2. Bakhtin M.M. *Sobranie sochinenij: v 7 tomakh. Tom 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected works in 7 volumes. Vol. 1. Philosophical aesthetics of 1920s]. Moscow, Russkie slovari Publ., Yasyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2003, 958 p. (In Russian).
3. Davydov Yu.N. [Max Weber and Mikhail Bakhtin (On the introduction to XXth sociology)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1996, no 9, pp. 3–14. (In Russian).
4. Davydov Yu.N. [Tragedy of culture and individual's responsibility (G. Simmel and M. Bakhtin)]. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. 1997, no 4, pp. 91–125 (In Russian).
5. Deleuze G. *Peregovory. 1972-1990* [Negotiations. 1972–1990]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, 235 p. (In Russian).
6. Ionkis G. [Fresh breath]. *Slovo* [Word]. 2006, no 51. Available at: <http://magazines.russ.ru/slovo/2006/51/io1.html> (accessed: 19.06.2014). (In Russian).
7. Karimova Z.Z. [Bakhtin in the mirror of sociology and dialogics]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotopos]. 1999, no 1. Available at: <http://www.nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=1&abs=KARIMOVA> (accessed: 20.06.2014). (In Russian).
8. Karimova Z.Z. [On issue of sociological interpretation of M.M. Bakhtin]. *Dialog. Karnaval*.

- Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotopos]. 1999, no 4. Available at: <http://nevmenandr.net/dkx/?y=1999&n=4&abs=KARIMOVA> (accessed: 20.06.2014). (In Russian).
9. Legeza S.V. [Chronotopos of cyber role plays: «the reality of fiction» and «new mythopoetics»]. *Metodologiya, teoriya i praktika sotsiologicheskogo analiza sovremennogo obshchestva: Sbornik nauchnykh rabot* [Methodology, theory and praxis of sociological analysis of modern society: Collection of scientific papers]. Kharkiv, Vasyl Karazin Kharkiv National University Publ., 2002, pp. 489–495. (In Ukrainian).
 10. Oliva A.M. [Influence of phenomenology ideas on the concept of «discursive interaction» of Bakhtin's dialogical coterie]. *Voprosy filosofii: Nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Issues of philosophy: Scientific and theoretical journal]. 2012, no 1, pp. 144–160. (In Russian).
 11. Ortega y Gasset J. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ves' mir Publ., 1997, 704 p. (In Russian).
 12. Soroka Yu. *Svoi, chuzhie, raznye: sotsiokul'turnaya perspektiva vospriyatiya Drugogo* [Own, another's, diverse: social and cultural perspective of perception of the other]. Kharkiv, Vasyl Karazin Kharkiv National University Publ., 2012, 332 p. (In Ukrainian).
 13. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchysya smyslom* [Selected Works: A world shining with sense]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2004, 1056 p. (In Russian).
 14. Yarskaya-Smirnov O. *Sotsiokul'turnyj analiz netipichnosti* [Social and cultural analysis of atypicality]. Saratov, Saratov State Technical University Publ., 1997, 272 p. (In Russian).
 15. Branca-Rosoff S. Normes et genres de discours // *Langage et société*, 2007, March, no 119, pp. 111–128.
 16. Duboscq J., Clot Y. L'autoconfrontation croisée comme instrument d'action au travers du dialogue: objets, adresses et gestes renouvelés // *Revue d'anthropologie des connaissances*, 2010, vol. 4, no 2, pp. 255–286.
 17. Roman A. La banalisation du mail: l'ombre de dionysos dans la communication organisationnelle // *Sociétés*, 2010, no 107, pp. 87–102.

The date of the manuscript receipt: 17.08.2014.

POSSIBILITIES AND PROSPECTS OF USING OF BAKHTIN'S CONCEPT IN SOCIOLOGICAL INTERPRETATION OF THE LIFE-WORLD *Alexandr S. Zubarev*

Kharkiv V.N. Karazin National University, 4, Svobody sq., Kharkiv, 61022, Ukraine

In the article the problem of sociological interpretation of M. Bakhtin's ideas is considered. The author appeals to the works of Z. Karimova, Yu. Davydov, S. Legeza and other researchers. The possibilities of sociological interpretation of Bakhtin's concept of «real world of life» in perspective of narrative analysis in sociology are analyzed. The author compares M. Bakhtin's and A. Schütz's ideas. Problems of professional ethics of the sociologist in the modern world, in particular, the responsibility of the sociologist-researcher and correspondence between values declared by the sociologist and the implemented ones are actualized. In this regard explication of Bakhtin's ethical concepts of «philosophy of the act» is presented in this article. Directions of further research are proposed.

Key words: real world of life; life-world; architectonics of the life-world; value context; narrative.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зубарев А.С. Возможности и перспективы использования концепции М. Бахтина в социологической интерпретации жизненного мира // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 3(19). С. 102–109.

Please cite this article in English as:

Zubarev A.S. Possibilities and prospects of using of Bakhtin's concept in sociological interpretation of the life-world // *Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»*. 2014. No. 3(19). P. 102–109.

УДК 316.6

ЧТО ИССЛЕДУЕТ МОДЕЛЬ ШВАРЦА?***Кузнецов Александр Евгеньевич***кандидат социологических наук**доцент кафедры социологии и политологии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: kzntsv@list.ru*

В статье рассматривается возможность объяснения успешной апробации инструмента модели ценностей Ш. Шварца ошибками и иными недостатками анализа и состава эмпирических индикаторов (циклическая аргументация, попытка использовать «универсальные индикаторы», вера в «ценностно-нейтральные описания», опора на предположения «теории выбора»). Показано, что индикаторы модели Шварца не универсальны, абстрактны, обладают при этом ценностно-окрашенным содержанием. Соответственно на основании ответов респондентов сложно судить о сходстве или различии культур, которые они представляют. Презумпции теорий выбора также могут быть непродуктивными в силу классовой структуры общества.

Ключевые слова: ценности; кросскультурные исследования; позитивизм.

Брендан МакСуини называет подход авторитетного голландского антрополога Гирта Хофштеде «редукционистским и механистическим», построенным на нерепрезентативных данных, циклической аргументации и на необоснованном наборе индикаторов в инструменте [11, с. 96 и след.]. Хофштеде ответил на критику, показав, что не все аргументы МакСуини фатальны для подхода [6]. Часть аргументов МакСуини (разделяемых и некоторыми другими авторитетными критиками) ставят под сомнение не конкретный подход МакСуини, а весь проект сравнительной антропологии в ее позитивистской версии. Ключевым моментом этой версии является операционализация культуры и ценностей, позволяющая осуществлять сбор данных опросными методами, измерять и сравнивать данные [1]. Критики инструмента Хофштеде указывали на то, что респондентам предъявляли вопросы о *частных, конкретных* ситуациях, а их ответы интерпретировались как *обобщенные* характеристики ценностей респондентов [11]. Считается, что этот недостаток был устранен в инструменте, разработанном Ш. Шварцем: вопросы охватывали весь спектр ценностей (в циклической, замк-

нутой «теоретической модели отношений десяти мотивационных типов ценностей» [13, 14, 15]), респондентам предъявляли *универсальные* ситуации для ценностной оценки. Однако мы полагаем, что замена частных и конкретных стимульных ситуаций Хофштед (т.н. «всякая всячина», *hodgepodge*, по выражению критиков) на универсальные ситуации Шварца не является усовершенствованием инструмента и не приближает позитивистскую традицию сравнительного исследования ценностей к решению исследовательских задач.

Методика Шварца прошла апробацию в ряде исследовательских проектов [3]. В настоящей статье модель Шварца рассматривается лишь в рамках вопроса о способности эмпирических индикаторов вопросника служить сбору таких данных, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть мнение Шварца об эмпирическом подтверждении его теоретической модели [напр.: 14, с. 32].

Критика, данная МакСуини, с не меньшим основанием может быть обращена и на недостатки модели Шварца, среди которых

- 1) циклическая аргументация,
- 2) попытка использовать «универсальные индикаторы»,
- 3) вера в «ценностно-нейтральные описания»,
- 4) опора на предположения «теории выбора».

Ошибка циклической аргументации допущена Шварцем в оценке валидности собственного инструмента.

* Публикация подготовлена в рамках научно-исследовательских работ ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», проводимых в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в 2014 г. (проект № 929, рук. Е.Б. Плотникова).

Утверждение (и вопрос) 1: «поразительно, что структура отношений между ценностями является общей для всех человеческих обществ, изученных нами; почему так?» [15, с. 13] Ответ Шварца (на с. 13–14) апеллирует к «динамическим» или «организуемым» принципам, которые выведены им из названий объясняемых ценностей. Ценности «Самоутверждение», «Гедонизм», «Власть» и другие объясняются «Я-фокусом» (personal focus), а «Безопасность», «Конформизм», «Традиция», «Доброжелательность» и «Универсализм» — «социальным фокусом» (social focus). Другие «принципы» — «избегание беспокойства», конфликтов, угроз, принцип поддержания порядка и другие — столь же непосредственно выводятся из названий ценностей. Итак, объяснение упорядоченности ценностей является довольно плоской тавтологией. Действительно, если, к примеру, ценности доброжелательности и традиции (на с. 9) совместно определяются как «преданность in-группе», то что нового к этому определению добавляет указание (на с. 13) на «социальный фокус» как принцип, объединяющий эти ценности? Объясняющий принцип и объясняемое определение вполне взаимозаменяемы, эта операция ничего не меняет в логике «обзора теории базовых ценностей». Это логика циклической аргументации. «Объяснения» Шварца полностью изолированы внутри семантического поля значений слов, которыми он называл, определял и объяснял «ценности». В той же мере, в какой респонденты понимали, о чем их спрашивают, пересекались семантические поля «ценностей» респондентов и Шварца. Именно это совпадение, по-видимому, и было обнаружено в опросах и экспериментах автора. Строго говоря, «структура отношений между ценностями» была задана формулировками вопросов-индикаторов (items). Это отношения семантические, а не прагматические.

Утверждение 2. «Среди разных обществ существует удивительное согласие относительно иерархического порядка ценностей. В репрезентативных выборках, при использовании разных инструментов, ранги значимости десяти ценностей сходны. Почему существует пан-культурная иерархия ценностей? Она, возможно, происходит (derives) от адаптивных функций ценностей в сохранении обществ и из нашей общей человеческой природы» [15].

Однако в ранней работе, написанной Шварцем на этапе разработки модели, типы и иерархия ценностей не «происходят», а *выводятся самим автором* из адаптивных функций ценностей и человеческой природы «посредством рассуждения». Даем перевод, максимально близкий к оригинальному тексту. «Типология различных содержаний

ценностей была выведена (was derived) посредством следующего рассуждения. Чтобы справляться с реальностью в социальном контексте, группы и индивиды когнитивно трансформируют потребности, присущие человеческому существованию, и выражают их в языке конкретных ценностей... В частности, ценности представляют в виде осознаваемых целей ответы на три всеобщие потребности индивидов и обществ: потребности индивидов как биологических организмов, требования координируемого социального взаимодействия и требования четкого функционирования и выживания групп. Десять мотивационно различных типов ценностей были выведены (were derived) из этих универсальных потребностей» [13, с. 21–22]. Итак, автор не различает происхождение ценностей *вообще* и их спекулятивное формулирование *в собственной модели*. Возможно, универсальность перечня и иерархии ценностей связана с особенностями авторской теоретической модели.

Индикаторы играют ключевую роль в модели Шварца. «Аспекты», или «параметры» (dimensions), культур Шварц и другие авторы формулировали субъективно [8]. Поэтому основные авторские ценностные модели усматривают совершенно разные «параметры» ценностей в одной и той же человеческой природе [см., напр.: 12]. Шварц получил их, объединив 10 ценностей (или 10 «типов мотивационных ценностей») в две оппозиции (см. табл.). Получение же перечня ценностей он объясняет так: «разделение поля индикаторов на 10 разных ценностей является удобной условностью (is an arbitrary convenience)... соответствующей потребностям и задачам анализа» [15, с. 10]. Таким образом, по признанию самого автора, параметры и ценности были им сформулированы спекулятивно — получены методом группирования — на основе индикаторов. На них основывается вся модель.

Модель Шварца, как и многие другие модели, описывает межстрановые или *национальные* культуры и ценности. Если предполагается, что вопросы описывают именно *кросскультурные* различия, то следует предполагать, что эти различия не касаются содержания самих вопросов — значения и смыслы формулировок и альтернатив должны быть *эквивалентны* в разных культурах. Следует сказать, что такое предположение неправдоподобно применительно к понятиям «правила», «безопасность», «традиции», «природа», «государство» и другим — понятиям, широко используемым во всех моделях и в большинстве вопросов. Если наличие межкультурных различий устанавливается из сравнения данных *национальных* выборок, то межнациональная и межкуль-

турная эквивалентность понятий означает культурную «стерильность» национальных словарей. Это предположение противоречит утвердившемуся представлению о естественных языках как системах, не просто описывающих, но и конструирующих реальности. Язык является средством категоризации. Национальные языки являются средствами национальных категоризаций. Таким образом, не только аспекты культур должны быть

универсальны, универсальными должны быть и сами описания этих аспектов. Существует ли универсальный, суперкультурный язык? Язык, не являющийся частью национальной культуры — язык, на котором «культура» может быть описана как *предмет*, внешний по отношению к языку — существует, по-видимому, только в воображении авторов культурных моделей.

Категории и индикаторы модели Шварца

Параметры (Dimensions)	Ценности (Values)	Индикаторы (Items)
Открытость изменениям (Openness to change)	Самоуправление	Обдумывание новых идей, креативность, оригинальность; ценность собственных решений и планов
	Возбуждение	Стремление к новизне, разнообразию, удивительному, приключениям, риску
	Гедонизм	Важность развлечений, удовольствий
Самовозвышение (Self-enhancement)	Достижение	Важность демонстрации способностей, признания, успешности, узнаваемости
	Власть	Важность богатства, уважения; подчинение других
	Универсализм	Равенство прав и возможностей для всех; важность чужого мнения, заботы о природе
Самопожертвование (Self-transcendence)	Доброжелательность	Помощь другим, забота о чужом благополучии; преданность друзьям и близким
	Конформизм	Подчинение указаниям, следование правилам; правильное поведение, избегание осуждения
Сохранение (Conservation)	Традиция	Скромность, покорность; следование традициям и обычаям
	Безопасность	Избегание угроз; правительство должно защищать граждан от любых угроз

Источник. Адаптировано по [5, 13, 14, 15].

Роль языка — не только в чисто технической возможности создания и эксплуатации универсальных индикаторов неуниверсальных ценностей. Понятия, на основе которых могут быть построены универсальные эмпирические индикаторы культур, должны быть лишь *словами*. Тогда проблема создания инструмента решается простым переводом. Именно такой подход обычно применяется в международных опросах: понятия — лишь слова, «адаптация вопросника» — лишь работа со словарем. Однако если респонденты распознают значение и смысл вопросов и составляющих их понятий, опираясь не на словарь, а на свой культурный опыт — опыт социальных *отношений*, то «слова» и «вопросы» отражают в себе отношения и, следовательно, ценности. Общества формируют социальные отношения, руководствуясь ценностями. Таков постулат всех культурных моделей. Ответы респондентов свидетельствовали об обладании определенными социальными навыками и, следова-

тельно, об участии и роли респондентов в их социальных отношениях. Таким образом, ответы респондентов должны были подтверждать ценностные ожидания.

Мнение, что рассказы, ответы (и иные т.н. «отчеты») о ценностях, правилах, предписаниях и т.д. являются не описаниями, а *средствами* организации жизни и отношений людей, разделяется этнометодологами и не лишено эмпирических подтверждений [10]. Идея, что подобные тексты сами по себе являются культурными объектами и потому подчиняются оцениванию и отбору на общих основаниях, была известна еще на заре функционалистской исследовательской традиции. Рэй Лепли (Ray Lepley) в работе «Тождество факта и ценности» (1943) фактически видит попытку *реификации* ценностей в качестве отдельно существующих ценностно-нейтральных текстов о ценностях: утверждать, что нечто «имеет ценность или является ценностью, значит утверждать, что существу-

ет некая связь между двумя отдельными и непохожими сущностями» [цит. по: 9, с. 395]. Дж. Лундберг в «Семантике и проблеме ценностей» (1948 г.) пишет: «Слово “Ценности” относится к виду оценивающего поведения и как такое может научно изучаться, как любое другое поведение. Большая часть нашей статистики цен, зарплат, занятости, миграции, потребления и... всего т.н. “произвольного” или “избирательного” поведения есть исследование человеческих “Ценностей”» [цит. по: 9, с. 391, 393]. Идея о том, что само человеческое общество (пусть даже описываемое как «груда товаров») уже является лучшим описанием системы действующих в обществе ценностей, что таким описанием и одновременно бытием таких ценностей является повседневная практика людей (а не некие абстрактные, ценностно-нейтральные суждения), — близка идеям позднейшей этнометодологии.

Процитировавший Лепли и Лундберга Клакхон осторожно определял ценности как логический конструкт, концептуально отличающийся от существования «как минимум на аналитическом уровне» [9, с. 394, 395]. Постепенно «ценность» превращается в «убеждение» (курсив наш. — А.К.) относительно желаемых целевых состояний или способов поведения, которое выходит за рамки отдельных ситуаций, направляет выбор или оценку поведения, людей и событий и упорядочено по значимости относительно других ценностей внутри системы ценностных приоритетов» [13, с. 20].

Итак, современная позитивистская теория ценностей относится к «теориям выбора» (Дж. Марч). Объясняет ли это, что модель Шварца, задуманная им как методика кросскультурного анализа, т.е. сравнения разных содержаний и значимостей ценностей в разных культурах, *обнаружила их сходство*?

Всякая идея ценности предполагает сравнение не менее двух альтернативных объектов, способов действия, чувствования или мышления. Сравниваемые альтернативы должны обладать некими общими измеримыми атрибутами, т.е. должны быть сопоставимы. Хофштеде и соавторы приводят примеры таких атрибутов, как оппозиции «злого — доброго, грязного — чистого, опасного — безопасного, запретного — разрешенного, пристойного — непристойного, нравственного — безнравственного, уродливого — красивого, неестественного — естественного, ненормального — нормального, парадоксального — логичного, иррационального — рационального» [7, с. 9]. Ни атрибуты, ни значения оппозиций, ни предпочтительность значений не присущи их носителям. Они определены для них *культурой* оценивающего сооб-

щества. Наборы атрибутов и предпочтений характеризуют не оцениваемые объекты и поведение, а группу. С другой стороны, связь объектов и ценностей не произвольна. Многие предметы и деятельности, выступающие носителями атрибутов и пользующиеся предпочтениями, являются воплощенной историей прежних оцениваний — сам набор и формы таких объектов оценивания являются измененной природой; они уже «окультурены». Следовательно, культурные объекты [напр.: 2, с. 466, 479] являются *субстратом* культуры, результатом прошлых и образцами будущих оцениваний и модификаций. Оценивание неотделимо от типизации.

Типизация и следование образцам обуславливают *преemptивность* культуры — в том числе в случае сознательного *отрицания* прежних образцов. То, какие атрибуты сообщество посчитало значимыми и какие значения атрибутов посчитало приемлемыми, имеет первоначальное и исчерпывающее значение для культурной традиции (в исконном лат. *traditio*, «передача»). Предметы и действия именовались «грязными/чистыми», «опасными/безопасными», «запретными/разрешенными» для того, чтобы увековечить существование группы в поколениях — вместе со значимыми объектами и отношениями. Эти определения выходили за рамки создавшей их группы, только если это было необходимо для контактов с другими сообществами, и если такие контакты существовали. Что культура и ценности формируются у племен, пребывающих в полной изоляции, — у *всех* таких племен, — факт, свидетельствующий о том, что культура и ценности обязаны своим возникновением ничему иному, кроме задачи сохранения самой лишь группы. И лишь в третью очередь возникает повод утилизировать эти доморожденные ценностные понятия для кросскультурных сравнений. Сама группа уже не несет никакой ответственности за новое бытие своих ценностей в трудах сравнительной антропологии.

По-видимому, сравнительное исследование, выполняемое в рамках теории выбора и с предъявлением стимульного материала в экспериментальном или опросном исследовании, должно учитывать следующие условия.

1. Для того чтобы исследование могло установить сходство либо различие ценностей двух обществ, необходима общность субстратов и универсальность предъявляемых респондентам стимулов.

2. Даже если два человеческих сообщества осуществляют одинаковый выбор атрибутов и предпочтений, это приводит к созданию одинаковых культурных субстратов, но не к тождеству двух сообществ; в силу чисто экономических при-

чин доступность ценных объектов и деятельности внутри «богатого» и «бедного» обществ (классов, групп) будет различна. Сравнительный анализ таких сообществ обычно сфокусирован на проблемах социального неравенства или неравенства условий экономического развития. Эти общества будут различны не культурно, а только экономически.

3. Развитие культурных и экономических контактов делает возможным распространение культурных объектов и диффузию культурных образцов — освоение группами новых объектов и деятельности, новых атрибутов и предпочтений применительно к старым («традиционным») объектам и деятельности. Если новые ценности не транслируются в практическую деятельность группы, а остаются только частью дискурса «о приверженности идеалам» (и если мы еще остаемся в рамках теории выбора) — такие ценности не изменяют культуру общества и не регулируют поведение его членов. Граница между актуальными и декларативными ценностями, по видимому, есть граница между ценностями и неценностями. Если теоретически и экономически для нас еще значимо различие знания и незнания, умения и неумения, обладания и необладания — значимо должно быть и различие актуальных и декларируемых ценностей.

4. Отчет группы о своих ценностях не может быть свободен от ценностного выбора, не может быть ценностно-нейтральным. Доказательством этого может служить возмущение общин Римрока опубликованными выводами знаменитого гарвардского проекта [4].

Индикаторы модели Шварца не универсальны, а абстрактны. Между тем еще Спейтс высказывал сомнения в достоверности абстрактно сформулированных ценностей: «пока мы не знаем, действительно ли ценностные категории, использованные для классификации, присущи изучаемому населению — т.е. пока мы не можем быть убеждены, что ценности, претендующие на описание населения, действительно принадлежат ему, а не являются просто плодом воображения (figment) теоретика — мы не можем знать, адекватно ли описание или нет» [16, с. 35]. В таком же затруднении, вероятно, оказывались и респонденты опросов. Однако модель Шварца не различает актуальные и декларативные ценности и поэтому респонденты могли легко распознавать ценностно-окрашенное содержание индикаторов, опираясь на семантику формулировок, и давать довольно единообразные ответы, догадываясь о целях и ценностях исследователей. На основании их ответов мы не можем судить о сходстве или различии культур и ценностей обществ, которые они пред-

ставляют. Сообщая о ценностях признания, власти, дружбы или помощи близким, респонденты могли представлять совершенно разные ситуации, а также могли не представлять никаких ситуаций. Если «ценности» или «принципы» избегания неопределенности, угроз, поддержания порядка могут послужить объяснению явлений в масштабах всего животного мира или даже за его пределами, то нет ничего «поразительного» в том, что представители разных человеческих групп нашли похожими индикаторы со столь слабо дифференцированными значениями.

Наконец, не только рассмотренная здесь авторская методика исследования ценностей может быть непродуктивна, но и презумпции теорий выбора как таковые. Выбор предполагает наличие предпочтений и, как следствие, реализацию лучших из альтернатив. Разумеется, такое понимание культуры и ценностей игнорирует наиболее массовый факт жизни человеческих сообществ — факт существования большей части населения за счет выполнения расчлененной несамостоятельной работы, иногда вредной, часто грязной и тяжелой, почти всегда вызывающей обеднение группы, выполняющей работу, и обогащение групп, не умеющих и не желающих ее выполнять. Позитивистские теории культуры ничего не знают о классовом обществе.

Список литературы

1. Безуголова Н.П. Понятие «культура» в сравнительных исследованиях культур. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/5.html (дата обращения: 28.07.2014).
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2002. 880 с.
3. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / под. общ. ред. А.В. Андреевской и Л.А. Беляевой. М.: Academia. 2009. 384 с.
4. Cox T.B. Rimrock revisited: an ethnographic study of the homesteader community of Fence Lake, New Mexico. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBsQFjAA&url=https%3A%2F%2Fsoai.repo.nii.ac.jp%2Findex.php%3Faction%3Dpages_view_main%26active_action%3Drepository_action_common_download%26item_id%3D1167%26item_no%3D1%26attribute_id%3D22%26file_no%3D1%26page_id%3D13%26block_id%3D17&ei=defaU_KnMcXc4QSvpICoCA&usq=AFQjCNH9nAWlZK4tNJczdRth5IrW_Wimgw&bvm=bv.72197243,d.bGE&cad=rjt (date of access: 29.07.2014).
5. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. // Public

- Opinion Quarterly, 2008. Vol. 72. Issue 3. P. 420–445. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (date of access: 28.07.2014).
6. Hofstede G. Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney // Human Relations. 2002. Vol. 55(11). URL: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (date of access: 28.07.2014).
7. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. London: McGraw-Hill, 2010.
8. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context // Online Readings in Psychology and Culture. 2011. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (date of access: 28.07.2014).
9. Kluckhohn C. (1951) Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // Parsons T. & Shils E.A. (eds.). Toward a general theory of action. Cambridge, MA: Harvard University Press. URL: <https://archive.org/details/towardgeneralthe00pars> (date of access: 21.06.2014).
10. Maynard D.W., Clayman S.E. The diversity of ethnomethodology // Annual Review of Sociology. 1991. Vol. 17. P. 385–418. URL: <http://www.jstor.org/stable/2083348> (date of access: 21.06.2014).
11. McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis // Human Relations. 2002. Vol. 55. P. 89–118. URL: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizations/downloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (date of access: 28.07.2014).
12. Nardon L., Steers R.M. The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture In: Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work / eds. by R.S. Bhagat, R.M. Steers. 2009. URL: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (date of access: 21.06.2014).
13. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50, No. 4. P. 19–45. URL: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (date of access: 21.06.2014).
14. Schwartz S.H. A Theory of cultural values and some implications for work // Applied Psychology: An International Review. 1999. Vol. 48(1). P. 23–47. URL: [http://www.winfo-base.de/lehre%5C1v_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwa](http://www.winfo-base.de/lehre%5C1v_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwa) rtz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf (date of access: 21.06.2014).
15. Schwartz S.H. (). An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values // Online Readings in Psychology and Culture. 2012. Vol. 2(1). URL: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (date of access: 30.07.2014).
16. Spates J.L. The sociology of values // Ann. Rev. Sociol. 1983. Vol. 9. P. 27–49. URL: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (date of access: 21.06.2014).

Получено: 01.08.2014.

References

1. Bezuglova N.P. *Ponyatie «kul'tura» v sravnitel'nykh issledovaniyakh kul'tur* [The concept of culture in comparative studies of culture]. Available at: <http://www.gramota.net/materials/3/2012/2-2/5.html> (accessed: 28.07.2014). (In Russian).
2. Parsons T. *O strukture sotsial'nogo dejstviya* [The structure of social action]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2002, 880 p. (In Russian).
3. *Rossiya v Evrope: po materialam mezhdunarodnog proekta «Evropejskoe sotsial'noe issledovanie»* [Russia in Europe: following international project «European social research»] Moscow, Academia Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
4. Cox T.B. Rimrock revisited: an ethnographic study of the homesteader community of Fence Lake, New Mexico. Available at: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CBsQFjAA&url=https%3A%2F%2Fsoai.repo.nii.ac.jp%2Findex.php%3Faction%3Dpages_view_main%26active_action%3Drepository_action_common_download%26item_id%3D1167%26item_no%3D1%26attribute_id%3D22%26file_no%3D1%26page_id%3D13%26block_id%3D17&ei=defaU_KnMcXc4QSvpICoCA&usg=AFQjCNH9nAWIZK4tNjcZdRth5lrW_Wlmgw&bvm=bv.72197243,d.bGE&cad=rjt (accessed: 29.07.2014).
5. Davidov E., Schmidt P., Schwartz S.H. Bringing values back in: the adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries. // Public Opinion Quarterly, 2008, vol. 72, issue 3, pp. 420–445. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-66692> (accessed: 28.07.2014).
6. Hofstede G. (). Dimensions do not exist: A reply to Brendan McSweeney // Human Relations, 2002, vol. 55(11). Available at: <http://users.utu.fi/freder/hofstede.pdf> (accessed: 28.07.2014).

7. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and organizations: Software of the mind*. London: McGraw-Hill, 2010.
8. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2011, vol. 2(1). Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1014> (accessed: 28.07.2014).
9. Kluckhohn C. Values and value-orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification // T. Parsons & E.A. Shils (eds.) *Toward a general theory of action*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1951. Available at: <https://archive.org/details/towardgeneralthe00pars> (accessed: 21.06.2014).
10. Maynard D.W., Clayman S.E. The diversity of ethnomethodology // *Annual Review of Sociology*, 1991, vol. 17, pp. 385–418. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2083348> (accessed: 21.06.2014).
11. McSweeney B. Hofstede's model of national cultural differences and their consequences: A triumph of faith — a failure of analysis. *Human Relations*, 2002, vol. 55, pp. 89–118. Available at: <http://www.uk.sagepub.com/managingandorganizations/downloads/Online%20articles/ch05/4%20-%20McSweeney.pdf> (accessed: 28.07.2014)
12. Nardon L., Steers R.M. (2009) The culture theory jungle: divergence and convergence in models of national culture // *Cambridge Handbook of Culture, Organizations, and Work* / eds. Rabi S. Bhagat and Richard M. Steers. Available at: <http://dx.doi.org/10.1017/CBO9780511581151.002> (accessed: 21.06.2014)
13. Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues*, vol. 50, no 4, 1994, pp. 19–45. Available at: <http://dev.crs.org.pl:4444/rid%3D1K6GFZBH9-255VHHF-GZ/Schwartz%25201994%2520-%2520Are%2520there%2520universal%2520aspects%2520in%2520the%2520content%2520of%2520human%2520values.pdf> (accessed: 21.06.2014)
14. Schwartz S.H. A Theory of cultural values and some implications for work. *Applied Psychology: An International Review*, 1999, vol. 48 (1), pp. 23–47. Available at: [http://www.wininfo-base.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/\\$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf](http://www.wininfo-base.de/lehre%5Civ_materialien.nsf/intern01/86A6F70E229D92A6C1257871005977E8/$FILE/Schwartz%20-%20Cultural%20Values,%20Work%20Values.pdf) schwartz 1999 (accessed: 21.06.2014).
15. Schwartz S.H. An Overview of the Schwartz Theory of Basic Values. *Online Readings in Psychology and Culture*, 2012, vol. 2(1). Available at: <http://dx.doi.org/10.9707/2307-0919.1116> (accessed: 30.07.2014).
16. Spates J.L. The sociology of values // *Ann. Rev. Sociol.* 1983, vol. 9, pp: 27–49. Available at: http://www.ics.uci.edu/~vid/Readings/Spates_1983_Sociology_of_Values.pdf (accessed: 21.06.2014).

The date of the manuscript receipt: 01.08.2014.

WHAT DOES THE SCHWARTZ'S MODEL INQUIRE INTO?

Alexandr E. Kuznetsov

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Some of the claims made by S.H. Schwartz to have successfully tested his own model of values analysis can be explained by flawed logic and items (circular reasoning, use of seemingly universal items, belief in value-neutral descriptions, reliance on assumptions of social-choice theories). It is shown that Schwartz's model items are not of general purpose but discrete. At the same time they are of value-coloured content. Therefore it is difficult to estimate the similarities and differences of cultures in the light of the answers of respondents, representing them. Social-choice theories' presumptions can be unproductive as well owing to society's class structure.

Key words: values; cross-cultural research; positivism.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Что исследует модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 110–116.

Please cite this article in English as:

Kuznetsov A.E. What does the Schwartz's model inquire into? // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 110–116.

УДК 316.334.2(470+571)

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРАКТИК ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА РОССИИ

Яковлева Ольга Константиновна

кандидат социологических наук, доцент

доцент кафедры социологии и политологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, Букирева, 15

e-mail: yak125@yandex.ru

В статье рассматривается экономическое поведение экономических агентов на рынке труда России с точки зрения политико-культурного подхода, предложенного Н. Флигстином. Анализ российской модели капитализма представлен через выделение социальных слоёв, определяющееся тем, что представители одного из них выступают как акторы капиталистической системы хозяйствования, являются хозяйствующими субъектами. Существующая модель развития национальной экономики рассматривается через соотнесение этических идей капитализма с этическими принципами, которые сохраняются и самовоспроизводятся национальной культурой. Подчёркивается, что низкая моральная атмосфера «новых капитализмов», анархия и апатия в обществах этого типа соседствуют как с проявлением творческого поиска свойственного западному капитализму, так и с разрушительным или аморальным использованием свободы.

Ключевые слова: вестернизация; модернизация; акторы капиталистической системы хозяйствования; социальное поле; человек экономический; индивидуализм истинный; индивидуализм ложный; хабитус.

Современный этап научно-технического развития привёл к качественному изменению роли человека в производстве, превратив его в решающий фактор развития последнего. Опыт передовых стран мира, испытавших на практике важность соединения в одну систему технических и человеческих факторов для успешного развития производственной деятельности, показал, что конкурентоспособной может быть сейчас только та организация, чей совокупный человеческий потенциал выигрывает в качестве. Таким образом, в идеале на современном этапе должен формироваться единый интерес государства, работодателя и работника в развитии трудового ресурса высокого качества.

Начало XXI в. характеризуется исчезновением единого образца капитализма. Наблюдается использование западных технических достижений и частичной вестернизации в инокультурной среде. Капитализм становится глобальным и предъявляет доказательства, которые свидетельствуют о его исключительной живучести. Сохранение и развитие форм капитализма происходит прежде всего благодаря усилению возможности реализации индивидуальной свободы, что характерно как для Запада, так и для других частей мира. Одновременно наблюдается ослабление всех связей общественного государственного устройства и форми-

рование взамен горизонтальных связей между людьми по поводу участия в совместном проекте жизни. Существующие модели развития национальных экономик требуют соотнесения этических идей капитализма с этическими принципами, которые сохраняются и самовоспроизводятся национальными культурами, но низкая моральная атмосфера «новых капитализмов», анархия и апатия в обществах этого типа соседствуют как с проявлением творческого поиска, свойственного западному капитализму, так и с разрушительным или аморальным использованием свободы. Не оправдались надежды либералов на капитализм как на источник производства благ и идеальный механизм распределения ресурсов. Практика показала, что произошло не смягчение, а усиление неравенства между странами, континентами, культурами, социальными общностями, людьми; даже новые технологии и экономика знания не способствуют освобождению человека от рабства тяжёлого и физического труда и невежества, а способствуют появлению обездоленных, обезкультуренных слоёв, которых А. Тойнби называл «внутренними варварами». Что интересно, слои эти, тем не менее, вписываются в общее коммуникативное пространство, в отношения обмена и потребления, где любой акт обмена есть и акт потребления. Выде-

ление социальных слоёв при этом определяется тем, что одни из них выступают как акторы капиталистической системы хозяйствования, являются хозяйствующими субъектами, другие же постепенно образуют группы, либо ориентирующиеся на прямые отношения зависимости (например, с работодателем), либо так или иначе занятые в сфере обслуживания (дизайнеры, консультанты по любым проблемам, учителя танцев, специалисты по коррекции фигуры и т.д.). Важно, что относительность свободы, получаемой последними, в качестве свободы от прямого включения в отношения «вещной» (по Марксу) зависимости от производства на самом деле производством и формируется. Однако для целей нашего анализа представляется важным выделить в отдельную группу те субъекты экономической деятельности, которые непосредственно заняты в процессе производства благ, и те, кто регулирует и контролирует эти процессы, управляет ими от имени общества. Субъекты же экономической деятельности, в том числе предприниматели, находятся в несколько лучшем положении: отталкиваясь от первоначального тождества со своей главной функцией производить действие из себя и собой, они разнообразят свои роли в производственной деятельности, сфере своей активности. Проходящие вместе с модернизацией общества персональную модернизацию, они вырабатывают новые свойства: стремление полагаться на себя в устройстве жизненного пути, ценить и измерять время, свободнее перемещаться в пространстве, добиваться эффективности своего труда, личной свободы и благополучия.

«Новый» капитализм в России стремительно воспроизводит знакомые и многократно описанные процессы, однако существует и развивается на базе доминировавших прежде псевдосоциалистических отношений, создав новые типы отношений, которые можно назвать и не вполне антагонистическими и не вполне классовыми. Но прежде чем анализировать поведение экономических субъектов, акторов, условимся, что каждый хозяйственный субъект предстанет некоторым условно коллективным целым, действие которого не может быть объяснено из действий отдельных его членов.

Российский вариант капитализма после так называемой «либеральной» реформы «легко» выделил из среды «одинаково средних» множество весьма разнообразных по структурно-организационному принципу действующих хозяйствующих субъектов. Пожалуй, ещё быстрее появилось другое множество — законодатели и государственные чиновники, чьей задачей было формирование и регулирование институциональной

среды для всех форм хозяйственной деятельности. Для западного общества, в котором капитализм «умнел» постепенно, меняя под давлением классовых конфликтов и предлагаемых для их разрешения технологий управления мотивы и вырабатывая общие интересы, культура отношений выкристаллизовывалась постепенно. Онтология неоклассической экономической теории стоит на постулате принципа методологического индивидуализма, характерного для определения культурного основания хозяйственной деятельности индивида. Мы можем сколько угодно говорить об «узости» этого подхода, но дело своё этот индивидуализм сделал — воспитал экономического эгоиста в массовом масштабе. В России всё было иначе. Вот как вспоминает об этом уже в тюрьме опальный олигарх М. Ходорковский: «В гайдаровские времена идей переустройства страны в целом как исторического здания, у меня не было, но было видение “переустройства” экономики. Я был сторонником создания и последующей приватизации не отдельных предприятий, а промышленных комплексов по типу “Газпрома”. Мы в правительстве называли это активной промышленной политикой (не только создание, но и некое целеполагание, определение задач и приоритетов)... Когда мои идеи пришлось не ко двору, я ушёл, предупредив, что воспользуюсь той дыркой, которую они понапишут... Зато потом — и вот здесь мы можем говорить о границах дозволенного — я пользовался любой дыркой в законодательстве и всегда лично рассказывал членам правительства, какой дыркой в их законах и как я буду пользоваться или уже пользуюсь» [2, с. 360]. Далее Ходорковский пишет о времени сегодняшнем (худшем, по его мнению, по сравнению с прошлым), характеризуя его как время, «когда люди ощущают полную безответственность при “правильности” политической позиции» [2, с. 362]. Конечно, мнение одного человека значит не так много, но многочисленные социологические исследования, проводимые в пореформенные годы, выделяют как проблему отсутствие укоренённости культуры взаимодействия между агентами капиталистического производства в России: предпринимателями, наёмными работниками и бюрократией или государством. Экономика же как сфера практического разума должна давать возможность выбора того, «что делать?» и «как делать?», учитывая целерациональность направленности деятельности, обретать ценностный характер этой деятельности [3, с. 9–10]. Неолиберализм, провозглашённый как политика, привёл начавшуюся российскую «лихорадочную» модернизацию к состоянию, близкому к анархическому порядку, включающему слабость

центральной власти, коллективных представлений, социальных институтов. В воспоминаниях многих членов правительства Е. Гайдара есть упоминание о том, насколько «новой» для них была наука об особенностях того варианта рыночной экономики, в одежде которой они собирались рядить Россию, проведение экономических реформ проводилось на «живульку» некомпетентными специалистами, правила «игры» всё время переписывались. Поиск быстрых путей, а не объяснение, понимание и управление социальными трансформациями, полное отрицание и разрушение прежнего опыта — вот что стало российской реальностью на долгие годы. Радикальный вариант реформирования российской действительности привёл к демодернизации, стремление рекультуризовать массы — к оживлению архаических начал, демократизация — к странному симбиозу анархических тенденций с возвращённым режимом всевластности государства, рыночные тенденции — к экономике, чей неформальный характер делает её ни рыночной, ни государственно регулируемой. Но самое главное — «экономический человек» как актор, распространяющий «рациональное действие» как цель реформы, как ценность, в большом количестве так и не появился. Зададимся вопросом, почему это произошло или, наоборот, не произошло? Реформаторы были, безусловно, убеждены, что они наследники идей западного либерализма. В их представлении демократия есть продукт экономического развития, рынок ставился во главу угла общественных преобразований. Природа человека понималась теоретически по формуле «человек — природный эгоист, ориентированный на получение максимума удовольствия при минимуме издержек». Практически к тому времени (А. Смит) такой человек уже существовал, но определился в своей сущности как человек экономический благодаря уплотняющемуся полю либерализма. Однако М. Фридман, чьими критическими идеями вдохновлены были реформаторы, полагал, что, во-первых, отмеченная природа человека мыслится как всеобщая; во-вторых, исключения воспринимаются как особенности традиционных докапиталистических обществ (Россию он относил именно к таким, и несмотря на размах индустриализации) или как следствие недостаточности модернизации в капиталистических; в-третьих, эта природа присуща всем людям в обществе, а не только непосредственным акторам капиталистического производства [5]. Уместно, полагаем, уточнить точку зрения А. Смита, который считал, что существует различие между индивидуализмом (эгоизмом) истинным и индивидуализмом ложным. Истинный

индивидуализм опирается на возможности спонтанного социального порядка, в котором созданы социально-культурные условия для того, чтобы индивид смог преследовать свои интересы с пользой для других. Ложный же индивидуализм основан на соблюдении правил поведения (определённых, например, рамками закона и санкциями за невыполнение), внешнего следования объявленной морали и политическим реляциям власти. На основе исследований особенностей современных практик экономических агентов можно сделать вывод, что, как ни парадоксально это звучит, условий для возникновения автономного ответственного (истинного) индивида не создано, зато ложный индивид аккуратно и массово появляется и воспроизводится.

Современные экономосоциологи предлагают анализировать современное состояние практик экономического поведения агентов капиталистического производства через призму политико-культурного подхода, предложенного Н. Флигстином. Используя концепцию социального поля, выработанную П. Бурдьё [1], Флигстин предлагает рассматривать социальные действия экономических акторов как происходящие на организованных полях, сферах или в организованных пространствах. Поля включают коллективных акторов, пытающихся создать систему доминирования в этом пространстве, и, чтобы этого добиться, необходимо сделать возможным появление локальной культуры, определяющей характер специфических социальных отношений между акторами [4, с. 33]. Такие локальные культуры должны содержать когнитивный элемент, являющийся для акторов интерпретативной рамкой, помогающей акторам выстраивать социальные отношения, истолковывая собственную позицию во множестве социальных отношений. Флигстин называет тех коллективных акторов, которые в большей степени выигрывают от существующего порядка, обладающими властью, а тех, кто выигрывает в меньшей степени, — претендующими на властные позиции [4, с. 34]. Единожды возникнув, считает он, взаимодействия в полях становятся играми, в ходе которых группы в данном поле, обладающие властью, используют принятые культурные правила для воспроизводства своей власти.

В центре внимания теории полей П. Бурдьё находится процесс возникновения нового социального пространства, в частности, то, как оно становится стабильным и сохраняет это состояние. В связи с этим социальный порядок государства представляет собой набор полей, или политических сфер, где акторы претендуют на способность создавать и поддерживать правила, которые для

них становятся обязательными. В современных обществах эти порядки управляются с помощью норм формальных (конституции и законы) и неформальных (практика). Однако порядок, двигателем которого является этика справедливости, не даётся простым чувством эмпатии — не рождается сам по себе ни в политике, ни в бизнесе, ни в обществе. Такой порядок требует «искусственных добродетелей» (Ю. Хабермас), к которым сегодня относится и справедливость, и компромисс, и сознательный выбор особого морального и этического поведения. Для России, где традиция разрушалась не раз, это особая проблема, ибо выбор этот происходит в деструктивном этическом поле. Что может послужить этической ориентацией для этого выбора сегодня — идеал и пафос сурового монастырского труда (о котором вдруг разом заговорили российские СМИ в связи с круглой датой жизненного подвига С. Радонежского).

Несовпадение меры практичности, меры этичности и меры моральности в отношениях между группами конкурентов, в поле пространства, создаваемого для деятельности, существовало и будет существовать всегда. Однако в «идеально» построенных отношениях оно не служит препятствием для приемлемых отношений экономических конкурентов, экономических акторов и основных агентов экономики — работодателей, работников и бюрократии. Первые имеют этику дела и вступают в отношения со вторыми, призванными государством бюрократами, для того, чтобы это дело исполнять. Вторые могут эту этику понимать, признавать, принимать, они могут подчиняться экономическим мотивам, получая квалификацию и уважение к себе. Третьи устанавливают границы дозволенного для первых и вторых. В России подобные отношения между коллективными экономическими агентами складываются в конфликте мер рациональности, этичности и морали. Собственно, кажется всё так и быть должно, ведь капитализм в России — это заимствованный опыт, слабо одушевлённый локальными культурами прошлого, дореволюционного времени, когнитивный элемент которых в своё время просто не успел создать пространственные рамки полей. Однако на начальном этапе моральные и религиозные ограничения должны быть хабиитуализированы, институционализированы в коллективных представлениях всех участников большой экономической игры, а этого как раз не произошло. Этика капитализма должна при этом не декретно, а путем долгой последовательной работы превратиться в этику общества, но тогда весь вопрос состоит в том, способно ли общество эту этику принять, не искажая при этом её харизматическую сущность.

Быстрее всех приходит к пониманию сущности экономического действия бизнес-сообщество, вступающее в отношения, сформированные иной культурой, вынужденные её, эту культуру, понимать, принимать, считаться с ней. Правда, на внутреннем российском рынке дела обстоят иначе: бизнес-сообщество тяжело корректирует себя на уровне честности, доверия, обязательств, экономической рациональности (а не жадности). Большой бизнес регулирует корпоративная этика, рождённая практикой международных экономических соглашений и обязательств, в свою очередь он даёт пример, создавая прецедент среднему и малому бизнесу. Не секрет, что история большого бизнеса в России связана с его криминализацией, но со временем большие корпорации стали нуждаться в защищающей их в глазах общества корпоративной этике. Наши исследования показали, насколько выгодны районам, где размещаются добыча и переработка, например, нефти социальные проекты культурной, образовательной, религиозной и иной общественно полезной направленности, осуществляемые в рамках декларируемой корпоративной социальной ответственности. Можно сказать, что в мире встречаются ситуации, когда бизнес даёт уроки нравственности коррумпированным властным бюрократическим структурам. К большому сожалению, это не российский опыт. Когда-то М. Кастельс, продвигая идею о том, что современное общество подвижно обменом информации через сети, сделал вывод, что при этом увеличивается число моделей поведения и изменяется характер взаимодействия между индивидами, и группами, организованными формами деятельности, социальными структурами и социальными институтами. Мы уже наблюдаем развитие сетевого общества, мы уже живём именно так, и новых моделей поведения, несомненно, уже появилось и появится множество, важно, чтобы поведение это не стало примитивной адаптацией к обстоятельствам, сохранило рациональность, упорство в стремлении остаться самим собой. Этика поведения экономических агентов российского общества не должна быть транспортирована извне вместе с этикой проникающего в результате глобализации капитализма как инструмента преобразований. Попытки «оживить» её с помощью идей прошлого величия, гордости, патриотизма к созданию конструктивной среды не приведут. Этика бизнеса здесь может сыграть свою роль в формировании нового уклада, если бизнес проникнется этикой справедливости и этикой ответственности. И мы полностью согласны с мнением Н. Флигстина, что особую роль здесь бу-

дет играть образование, именно в него разумнее всего вкладывать государству и деньги и труд.

Список литературы

1. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперимент. социологии, 2005. 576 с.
2. Улицкая Л.Е. Священный мусор. М.: Астрель, 2012. 476 с.
3. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. 256 с.
4. Флигстин Н. Архитектура и рынок: экономическая социология капиталистических обществ XXI в. // Экономическая социология. 2013. Т. 14., № 1. С. 28–53.
5. Фридман М. Четыре шага к свободе // Общественные науки и современность. 1991. № 3. С. 16–19.

Получено: 01.08.2014.

References

1. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., Experimental sociology Institute Publ., 2005, 576 p. (In Russian).
2. Ulitskaya L.E. *Svyaschennyj musor* [Sacred rubbish]. Moscow, Astrel Publ., 2012, 476 p. (In Russian).
3. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [Democracy. Sense. Morality]. Moscow, 1995, 256 p. (In Russian).
4. Fligstein N. [The architecture of markets: an economic sociology of twenty-first-century capitalist societies]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. 2013, vol. 14, no 1, pp. 28–53. (In Russian).
5. Friedman M. [Four steps to freedom]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 1991, no 3, pp. 16–19. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 01.08.2014.

CONCERNING THE PROBLEM OF DETECTION OF THE PARTICULAR FEATURES OF ECONOMIC BEHAVIOR PRACTICES ON A LABOR MARKET OF RUSSIA

Olga K. Yakovleva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Economic behavior of the economic agents on a labor market of Russia is considered from the point of view of the political and cultural approach offered by N. Fligstein. The analysis of the Russian model of capitalism is submitted through allocation of social groups defined by the fact that one of them are actors of capitalist system of managing or managing subjects. The existing model of development of the national economy is considered through correlation of the ethical ideas of capitalism with the ethical principles that are saved and self-reproduced by the national culture. It is emphasized that the low moral atmosphere of new capitalisms, anarchy and apathy in the societies of this type coexist with a creative searching, inherent to western capitalism, and destructive or immoral using of freedom.

Key words: Keywords: westernisation; modernization; actors of capitalist system *hozyaystvovaniya*; social field; homo economicus; true individualism; false individualism; habitus.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Яковлева О.К. К проблеме выявления особенностей практик экономического поведения на рынке труда России // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 117–121.

Please cite this article in English as:

Yakovleva O.K. Concerning the problem of detection of the particular features of economic behavior practices on a labor market of Russia // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 117–121.

УДК 316.334.2:330(470.53)

**ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ИННОВАЦИОННЫЕ
УСТАНОВКИ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ*****Соловьев Семен Сергеевич***ассистент кафедры социологии и политологии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: semyons@mail.ru***Попова Валерия Олеговна***студентка специальности «Социология»**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: relevany93@gmail.com***Синявина Ольга Сергеевна***студентка специальности «Социология»**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: olika.sinyavina@nightmail.ru***Томилова Наталья Михайловна***лаборант**Пермский центр социального партнерства**и социологических исследований**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: tomilova_nat@yandex.ru*

В статье рассматривается степень влияния социального капитала на формирование инновационного потенциала жителей Пермского края. Для анализа были использованы результаты социологического исследования, проведенного в мае-июне 2013 г. на территории Пермского края. Инновационный потенциал измерялся с помощью двух индикаторов: инновационные установки и готовность к инновациям. Результаты опроса были подвергнуты факторному анализу, что позволило выделить три фактора: креативность, готовность к риску, ориентация на будущее. В статье представлен описательный анализ результатов, который позволил проследить взаимосвязь социального капитала и инновационного потенциала.

Ключевые слова: социальный капитал; инновационный потенциал; инновационные установки; социальная организация; инновации; индикаторы; институциональное доверие; социальное доверие; межличностное доверие.

Экономическое развитие России невозможно без коренных структурных изменений в производстве и обновления его технологий с использованием современных достижений в научно-техническом прогрессе. Именно поэтому в настоящее время инновационный потенциал населения является необходимым условием экономического развития территории.

Вопросам сущности и формирования инновационного потенциала в научной (экономической) литературе уделяется достаточно много внимания, однако существующая информация не носит системного характера, не имеет однозначного трактования. Наряду с этим нет однозначности и в терминологии, что значительно осложняет изучение сущности инновационного потенциала. Так, в некоторых научных трудах инновационный потенциал отождествляется с научно-техническим. Инновационный потенциал пред-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект №12-03-00200).

ставляется как «накопленное определенное количество информации о результатах научно-технических работ, изобретений, проектно-конструкторских разработок, образцов новой техники и продукции» [2, с. 26]. Данный подход к определению инновационного потенциала нередко подвергается критике. Н.А. Белова в своей работе «Методика оценки научного потенциала региона» отмечает, что кроме научно-технического инновационный потенциал включает также такие блоки, как информационный, финансовый, человеческий, производственный. А научно-технический потенциал, в свою очередь, подразделяется на научный, образовательный и др. [1].

Зачастую определение инновационного потенциала рассматривается однонаправленно: дается определение посредством раскрытия какой-либо одной сущностной характеристики инновационного потенциала. Так, в определении инновационного потенциала, данном в терминологическом словаре под редакцией А.П. Дашкова, подчеркивается его привязанность к конкретному уровню (народное хозяйство). Под инновационным потенциалом, согласно этому словарю, подразумеваются «способности различных отраслей народного хозяйства производить наукоемкую продукцию, отвечающую требованиям мирового рынка» [1].

Наиболее полным представляется определение из монографии В.Г. Матвейкина, С.И. Дворецкого, Л.В. Минько, В.П. Тарова, Л.Н. Чайниковой, О.И. Летуновой «Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития»: инновационный потенциал — это «способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей. При этом эффективное использование инновационного потенциала делает возможным переход от скрытой возможности к явной реальности, т.е. из одного состояния в другое» [4].

Инновационный потенциал населения в отечественной науке изучается в рамках исследования инновационного потенциала как отдельных регионов, субъектов Российской Федерации, так и интеграционного анализа инновационного потенциала страны в целом. Но наибольший интерес для нас представляет исследование зависимости инновационного потенциала от разных социальных факторов. Так, для выявления зависимости инновационного потенциала жителей региона от уровня социального капитала нами были использованы результаты социологического исследования, проведенного в мае-июне 2013 г. на террито-

рии Пермского края. Данные были собраны методом формализованного опроса. Отбор респондентов проводился по квотам, отражающим основные характеристики генеральной совокупности. Всего в исследовании приняли участие 1000 чел., из них 816 — жители городов, 184 — жители сельской местности в Пермском крае. В табл. 1 приводятся социально-демографические характеристики выборки.

Инновационный потенциал измерялся с помощью двух индикаторов: инновационные установки и готовность к инновациям. Первый индикатор был построен на основе методики «Шкала самооценки инновативных качеств личности», разработанной Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко [6], в которой респондентам были предложены 15 суждений, оценивающих отношение личности к инновациям. Для этого респонденту нужно было дать ответ по каждому из 15 суждений, характеризующих основные качества личности, используя 6-балльную шкалу — от 1 (очень похож) до 6 (совсем не похож). Полученные данные были проанализированы с помощью коэффициента корреляции Спирмена. При расчете коэффициента для суждений «Он готов вкладывать деньги в инновации» и «Он не преклоняется перед авторитетами, он независим» асимптотическая значимость превысила 0,05. При выявлении взаимосвязи между суждениями было решено исключить первое, так как оно крайне слабо связано с большинством других суждений.

Результаты опроса были подвергнуты эксплораторному факторному анализу по методу главных компонент с последующим вращением по типу varimax, что позволило выделить три основных фактора, получившие рабочие названия: *креативность*, *готовность к риску*, *ориентация на будущее*. В табл. 1 представлена факторная структура ответов респондентов.

Значение критерия КМО для данной факторной структуры 0,89. Процент дисперсии, объясняемый данной структурой, — 62,1. Объединение вопросов, входящих в эти факторы, в шкалы с последующим подсчетом коэффициента надежности-согласованности α -Кронбаха, показало, что надежность-согласованность данных шкал является удовлетворительной: *креативность* ($\alpha = 0,82$), *готовность к риску* ($\alpha = 0,8$), *ориентация на будущее* ($\alpha = 0,7$). Методика, разработанная Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко, подтвердила полученные ранее результаты, за исключением суждения «Он готов вкладывать деньги в инновации».

Таблица 1. Факторная структура ответов респондентов

Утверждения	Факторы		
	1	2	3
Для него важно рождать новые идеи и заниматься творчеством	0,816	0,050	0,096
Он творческий человек, всегда стремится создать, придумывать что-то новое	0,827	0,091	0,094
Ему нравится делать все по-своему, оригинально	0,643	0,340	0,151
Для него важно разнообразие в жизни	0,539	0,355	0,292
Для него характерны любовь к исследованию нового, любознательность	0,650	0,243	0,261
Он вполне комфортно чувствует себя в нестабильной среде	0,230	0,687	0,053
Он не преклоняется перед авторитетами, он независим	0,128	0,744	0,149
Он не боится ошибок и конструктивно реагирует на них	0,083	0,704	0,233
Встреча с неизведанным, новым не пугает его	0,215	0,734	0,054
Он готов идти на риск ради достижений	0,253	0,554	0,184
С его точки зрения, сегодняшние потери совсем не обязательно плохи для будущего	0,044	0,234	0,381
Он считает, что изменения — это путь к успеху	0,131	0,219	0,655
Он полагает, что возможности даются только тем, кто их сам их активно ищет	0,148	0,099	0,818
Он поощряет креативность в других людях	0,282	0,114	0,682

В полученных группах суждений коэффициент корреляции Спирмена между суждениями превышает уровень 0,38 для фактора «креативность», 0,36 — для «готовность к риску» и 0,29 — для «ориентация на будущее». Для измерения второго индикатора был построен индекс готовности к инновациям. Вычисление индекса производилось по четырем параметрам готовности участия в создании новшеств: новая фирма, новый продукт, новая услуга, новая технология. Каждый параметр имел три степени градации, в зависимости от формы участия. Для измерения социального капитала были использованы следующие показатели: уровень социального доверия, членство в социальной организации и степень развитости гражданского сознания.

Итак, социальное доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами [7]. Выделяется два типа доверия: институциональное и межличностное.

Межличностное доверие — это общечеловеческая моральная ценность, которая напрямую не зависит от личного опыта индивида и/или от практик его взаимодействия с другими людьми, участия/неучастия в ассоциациях граждан и/или неформальной социализации [5]. Уровень межличностного доверия был измерен с использова-

нием вопроса: «Вы считаете, что большинству людей можно доверять, или Вы придерживаетесь мнения, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?». Для ответа предлагалась шкала значений от 0 («Даже излишняя осторожность не помешает») до 10 («Большинству людей можно доверять»).

Под институциональным доверием понимают механизм согласования ожиданий индивида в отношении различных институтов, в которые он включен [3]. Для оценки уровня институционального доверия респонденту предлагался список основных социальных институтов (суд, губернатор, правительство и законодательное собрание края, региональные профсоюзы, прокуратура, полиция, региональные отделения политических партий и СМИ), играющих важную роль в жизни индивида и общества. Респонденту необходимо было оценить, насколько он доверяет или не доверяет каждому из них по шкале от 0 («Совершенно не доверяю») до 10 («Полностью доверяю»). Критерий Альфа Кромбаха, равный 0,92, свидетельствует об очень высокой внутренней согласованности субшкал. Это дает основания полагать, что ответы респондентов обусловлены влиянием общей латентной переменной. На наш взгляд, такой переменной является институциональное доверие респондентов. Поэтому для анализа был рассчитан индекс институционального доверия, вычисляемый из оценок респондентов

для каждого института. Полученные данные были обработаны с помощью пакета SPSS. Результаты анализа были следующие.

Для исследования того, как влияет межличностное доверие на инновационные установки, использовался линейный регрессионный анализ. Однако он показал, что только фактор «ориентация на будущее» объясняется межличностным доверием, но и то всего лишь на 0,5 %. Связь между двумя другими факторами и межличностным доверием не была установлена. Рассчитанные коэффициенты R Пирсона (–0,72) и d-Сомерса (–0,76) свидетельствуют об очень слабом отрицательном влиянии межличностного доверия на «ориентацию на будущее». Для двух других факторов инновационных установок асимптотическая значимость превысила 0,05, следовательно, нельзя определить направление и силу связи.

Для анализа влияния институционального доверия на инновационные установки также были рассчитаны коэффициенты R Пирсона и d-Сомерса. Для фактора «креативность» асимптотическая значимость также превысила 0,05. Индекс институционального доверия положительно влияет на фактор «готовность к риску», но довольно слабо (0,18) и крайне слабо отрицательно влияет на фактор «ориентация на будущее» (0,09). При линейном регрессионном анализе, как и в случае с межличностным доверием, асимптотическая значимость превысила 0,05 для фактора «креативность». Фактор «готовность к риску» объясняется индексом институционального доверия на 3,3 %, а фактор «ориентация на будущее» — на 0,8 %. При анализе влияния социального доверия на готовность к инновациям результаты оказались обратными. Так, межличностное доверие объясняет уровень готовности к инновациям на 0,5 %, в то время как при расчете влияния индекса институционального доверия на уровень готовности к инновациям асимптотическая значимость превысила 0,05.

Членство в социальной организации измерялось с помощью двух вопросов: «Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?» и «За последний год выполняли ли Вы какую-либо работу для этих организаций безвозмездно?». В первом вопросе респонденту предлагалось выбрать из нескольких типов социальных организаций, это позволило выделить множественное участие. Анализ влияния формального членства в социальной организации на инновационные установки респондентов оказался невозможным, так как для каждого из трех факторов

(«креативность», «готовность к риску» и «ориентация на будущее») асимптотическая значимость превысила 0,05.

При анализе влияния формального членства в социальной организации на индекс готовности к инновациям было получено значение R^2 , равное 0,04, при асимптотической значимости 0,00. Таким образом, готовность к инновациям в целом на 0,4 % объясняется членством индивида в социальной организации. Отдельно стоит отметить, что готовность к созданию новой технологии на 2,3 % зависит от этого показателя, что почти в 6 раз превышает общий индекс. Реальное же участие в социальной организации, т.е. выполнение безвозмездной работы для этой организации, в целом показало более сильное влияние и на готовность респондентов к инновациям, и на их инновационные установки. Так, факторы «креативность» и «ориентация на будущее» объясняются выполнением безвозмездных работ для организации на 1,1 % и 0,5 % соответственно, а для фактора «готовность к риску» выяснить значение не представилось возможным, поскольку асимптотическая значимость превысила 0,05.

Что же касается индекса готовности к инновациям, то он на 4,5 % объясняется выполнением индивидом безвозмездных работ для социальных организаций. Если рассматривать влияние на каждый вид инновационной деятельности, то готовность к созданию новой технологии снова превышает общий показатель и составляет 4,7 %. Сравнение двух индикаторов, описывающих членство в социальной организации, представлено в табл. 2 и 3.

Таблица 2. Взаимосвязь членства в социальной организации и инновационных установок

Фактор	Формальное членство	Безвозмездное выполнение работ
Креативность	Асимптотическая значимость > 0,05	0,011
Готовность к риску	Асимптотическая значимость > 0,05	Асимптотическая значимость > 0,05
Ориентация на будущее	Асимптотическая значимость > 0,05	0,005

Степень развитости гражданского сознания измерялась с помощью двух блоков вопросов: в первом респонденту предлагалось оценить непра-

вомерные действия других людей (преувеличение ущерба, покупка краденого и нарушение правил дорожного движения), а во втором — указать вероятность совершения такого поступка самим респондентом. По каждому из блоков был вычислен индикатор.

Таблица 3. Взаимосвязь членства в социальной организации и готовности к инновациям

Показатель	Значение R^2			
	Новая фирма	Новый продукт	Новая технология	Новая услуга
Формальное членство	0,002	0,004	0,023	0,03
Безвозмездное выполнение работ	0,011	0,035	0,047	0,039

Анализ влияния гражданского сознания на индекс готовности к инновациям показал превышение асимптотической значимости 0,05 для обоих индикаторов. Статистически значимая связь была обнаружена только между отношением к покупке краденого другими людьми и созданием новой фирмы при значении R^2 , равном 0,013. При анализе влияния уровня гражданского сознания на инновационные установки респондентов на фактор «креативность» асимптотическая значимость также превысила 0,05. Фактор «готовность к риску» объясняется уровнем гражданского сознания на 0,9 %, а вероятностью совершить противоправное действие — на 0,7 %. Установить связь между фактором «ориентация на будущее» и уровнем гражданского сознания не удалось, так как асимптотическая значимость превысила 0,05, а вероятность совершить противоправное действия объясняет этот фактор на 0,4 %

Представленные результаты свидетельствуют о том, что вероятность покупки краденого не влияет на инновационные установки респондентов. Фактор «готовность к риску» наиболее зависим от степени развития гражданского сознания и имеет связь с 5 из 6 показателей.

Таким образом, оценка неправомочности действия других в большей степени влияет на инновационные установки и на готовность к инновациям. Полученные результаты в целом свидетельствуют о влиянии социального капитала на инновационный потенциал. Наиболее активное влия-

ние на инновационный потенциал оказывает членство в социальных организациях и активная деятельность в рамках этих организаций. Индекс институционального доверия в большей степени влияет на инновационный потенциал, чем индекс межличностного доверия. Это можно объяснить более конкретными показателями уровня институционального доверия. Так, в первом случае респондент оценивал доверие к абстрактному понятию «большинство людей» а во втором — к конкретным социальным институтам.

Однако не все индикаторы позволили измерить эту связь. Первой причиной этого, на наш взгляд, является неоднозначность трактовки понятий респондентами. Несмотря на попытки максимально объективировать предложенные вопросы, этого не удалось достичь в полной мере, так как современная наука еще не может дать четких определений некоторых понятий.

Список литературы

1. Белова Н.А. Методика оценки научного потенциала региона // Управление экономическими системами. 2013. 22 марта. URL: <http://www.uecs.ru/logistika/item/2047-2013-03-22-06-13-14> (дата обращения: 17.06.2014).
2. Данько М. Инновационный потенциал в промышленности Украины // Экономист. 1999. № 10. С. 26–32.
3. Дубин Б.В. Институты, сети, ритуалы // Pro et contra. 2008. Март-июнь. 153 с.
4. Инновационный потенциал: современное состояние и перспективы развития: монография / В.Г. Матвейкин, С.И. Дворецкий, Л.В. Минько, В.П. Таров, Л.Н. Чайникова, О.И. Летунова. М.: Машиностроение-1, 2007. 100 с.
5. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие. М.: Изд-во РУДН, 2006. 160 с.
6. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Методика исследования отношения личности к инновациям // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 4(23), ч. 2. С. 89–96.
7. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.

Получено: 18.08.2014.

References

1. Belova N.A. [Methods of scientific potential of a region evaluation]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Upravlenie ekonomicheskimi sistemami»* [Online scientific journal «Management of economic sys-

- tems»]. Available at: <http://www.uecs.ru/logistika/item/2047-2013-03-22-06-13-14> (accessed 17.06.2014). (In Russian).
2. Dan'ko M. [Innovative potential in production sector of Ukraine]. *Ekonomist* [Economist]. 1999, no 10, pp. 26–32. (In Russian).
 3. Dubin B. V. [Institutions, nets, rituals]. [Pro et contra]. Moscow, Carnegie Endowment for International Peace Publ., 2008, March-June, 153 p. (In Russian).
 4. *Innovatsionnyj potentsial: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Innovative potential: current state and development prospects]. Moscow, Mashinostroenie-1 Publ., 2007, 100 p. (In Russian).
 5. Kon'kov A. T. *Sotsial'nyj kapital i ekonomicheskoe vzaimodejstvie* [Social capital and economic interaction]. Moscow, The Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2006, 160 p. (In Russian).
 6. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. [Methods of personal attitude towards innovations research]. *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. 2009, no 4(23), part 2, pp. 89–96. (In Russian).
 7. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Moscow, AST Publ., Ermak Publ., 2004, 730 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 18.08.2014.

INFLUENCE OF SOCIAL CAPITAL ON INNOVATIVE INSTALLATIONS OF PERM KRAI CITIZENS

Semyon S. Solovyov, Valeria O. Popova, Olga S. Sinyavina

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

Natalia M. Tomilova

Perm Center of Social Partnership and Social Studies; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article discusses the impact degree of social capital on the formation of the innovative potential of Perm Krai citizens. For analysis we used the results of a sociological survey, led in May–June 2013 in Perm Krai. Innovative potential was measured with the two indicators: innovative installations and readiness to innovations. The survey results were subjected to the factor analysis, which showed three factors: creativity, readiness to risk, focus on the future. The article presents a descriptive analysis of the results, which showed a correlation between social capital and innovative potential.

Key words: social capital; innovative potential; innovative installations; social organization; innovation; indicators; institutional trust; social trust; interpersonal trust.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соловьев С.С., Попова В.О., Синявина О.С. Томилова Н.М. Влияние социального капитала на инновационные установки жителей Пермского края // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 122–127.

Please cite this article in English as:

Solovyov S.S., Popova V.O., Sinyavina O.S., Tomilova N.M. Influence of social capital on innovative installations of Perm Krai citizens // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 122–127.

УДК 316.74

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ОДИНОКИХ ОТЦОВ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ИНТЕРВЬЮ

Кириллова Ольга Сергеевна*магистрант факультета социологии**Уральский государственный педагогический университет**620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26**e-mail: olgalutkova@yandex.ru***Петрова Лариса Евгеньевна***кандидат социологических наук**доцент кафедры теоретической и прикладной социологии**Уральский государственный педагогический университет**620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26**e-mail: docentpetrova@gmail.com*

Социальные практики отцов-одиночек описаны на основе биографических интервью (n = 9) в традициях интегративных исследовательских парадигм в социологии. Выделяются социальные практики по отношению к детям до одинокого отцовства; организации быта; осуществления трудовой деятельности; взаимодействия с государством; образовательными учреждениями; воспитания; отношений с женщинами. Одинокие отцы как группа характеризуются высоким уровнем солидарности, нуждаются в коммуникации с представлением рефлексии принятия социальной роли. Принятие роли отца-одиночки является вынужденным. Тактически одинокие отцы стремятся к формированию модели «нормальной» семьи. Депривация одинокого отцовства в представлении информантов локализована во взаимодействиях с органами социальной политики, государственными структурами и общественным мнением.

Ключевые слова: отец-одиночка; одинокий отец; социальные практики; триангуляция; биографическое интервью.

Уполномоченный при Президенте России по правам ребенка Павел Астахов на Пятом съезде детских омбудсменов в апреле 2012 г. сообщил, что за последние годы количество неполных семей увеличилось на 30 % [1]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. 6,2 млн. семей в стране являются неполными, из них 5,6 млн. матерей-одиночек и 648 тыс. отцов-одиночек [2]. За последние 20 лет количество одиноких отцов увеличилось с 6 % до 10 % от количества неполных семей. В связи с этим проблема одинокого отцовства становится актуальной как для междисциплинарного исследовательского дискурса, так и для практики.

Однако научных текстов, конкретно касающихся одинокого отцовства, мало. Темы отцов-одиночек можно встретить в работах, посвященных родительству или отцовству в целом. В 1988 г. И.С. Кон в работе «Ребенок и общество» [6] обращал внимание на динамику изменения социальной роли отца в семье. В 2004 г. в статье

«Отцовство как социокультурный институт» [5] он продолжает эту тему, рассматривая кризис отцовства, приходя к выводу, что в современном мире происходит переосмысление привычного гендерного порядка в семье, следствием чего является трансформация семейных ролей мужчины и женщины. В области родительства, в частности отцовства, в отечественной социологической литературе наиболее известны работы Т.А. Гурко [3]. Она фиксирует отсутствие культуры родительства после расторжения брака. Я.Г. Николаева, рассматривая «Отцовство после развода...» [7], представляет обзор исследований зарубежных ученых, основной идеей которых является реализация совместной опеки детей после развода родителей. Анализ правовых взаимоотношений отцов и государства представлен в статье А.В. Даниленкова «Права детей и отцов в России: миф или реальность?» [4]. О.В. Стасенко посвящает свою статью именно отцам-одиночкам, определяет причины одинокого отцовства, описыва-

ет основные проблемы, с которыми сталкиваются отцы, в одиночку воспитывающие детей [11]. Психология родительско-детских отношений в неполной семье рассматривается М.В. Носковой [8]. Одинокое отцовство как теоретическая и практическая проблема актуальна в контексте межпоколенных отношений, в том числе по отцовской линии [11]. А.Г. Филипова анализирует культурно-информационное пространство детства в аспекте рисков и ресурсов социальной защиты [12]. Как выявило наше исследование, отцы-одиночки крайне уязвимы. Л.А. Хачатрян и Н.С. Кабанова проанализировали состояние воспитательного потенциала современной российской семьи [13]. С учетом тенденций семейных и родительских отношений характеристика воспитательного потенциала семей, где детей воспитывает отец, представляется актуальной. Как видно, проблематика одинокое отцовства, несмотря на повышенный интерес к ней в науке и практике, крайне слабо представлена в отечественных исследованиях. Практически отсутствуют эмпирические проекты по данной теме.

Мы направили фокус исследования на социальные практики одиноких отцов. (Понятия «отец-одиночка» и «одинокый отец» в статье имеют одно и то же значение — мужчина, в одиночку воспитывающий ребенка/детей.) Была выбрана новая теоретическая рамка для описания социальных практик и релевантная ей исследовательская стратегия. В качестве теоретической основы выступили теории практик, которые рассматривались в интегративных парадигмах, стремящихся к преодолению разрыва между макро- и микроуровнями общества, объективными и субъективными явлениями, снимающие противопоставления действия и структуры: конструктивистский структурализм П. Бурдьё, теория структуризации Э. Гидденса, теории практик В. Волкова и О. Хархордина.

При использовании интегративных парадигм мы рассмотрели одинокое отцовство как совокупность разнообразных социальных практик, которые формируются под воздействием объективных структур и субъективных факторов. Объективные обстоятельства жизни — это социально-экономические, политические, культурные условия, которые определенным образом влияют на потребности и мотивации индивидов. Субъективная сторона — это воспитание, характер, личные качества самого актора, которые формируются под влиянием внешних обстоятельств. Практики, в свою очередь, воздействуют на объективную

действительность, изменяя ее. В результате мы можем видеть новую реальность, которая снова начинает действовать на индивида.

Для изучения социальных практик применена качественная стратегия исследования, которая позволяет дать более ясное представление о сложных деталях феномена одинокое отцовства. Для комплексного изучения социальных практик в качестве биографического материала выступают два вида текстов: 1) личные интервью, которые проводились с жителями мегаполиса — г. Екатеринбурга ($n = 3$); 2) истории жизни, опубликованные в открытых источниках ($n = 6$). Биографический материал позволяет изучить субъективно описанный реальный опыт жизни конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Для отбора историй жизни из СМИ была использована целевая выборка. Критериями отбора являлись: повествование от первого лица, полнота информации, отвечающей цели нашего исследования. Информанты для биографических интервью отбирались с помощью выборки доступных случаев.

Социальные практики одиноких отцов представляют собой набор действий по реализации определенных обязанностей, прав и ответственности за их выполнение. Содержание социальных практик задается объективными структурами. При этом каждый мужчина — одинокый отец вкладывает индивидуальные смыслы и по-своему реализует обусловленные объективными рамками социальные практики.

Методическая особенность проведенного исследования заключается в определенной закрытости группы, отсутствии не только базы данных для формирования выборки, но и любой неvirtуальной локализации потенциальных информантов. При конструировании выборки личных интервью, были использованы социальные сети («ВКонтакте» и др.), в которых есть группы отцов-одиночек. Трудности установления реального, а не виртуального контакта, дефицит времени у информантов привели к необходимости фиксации не только личной истории участника исследования, но и сбора сведений о других кейсах, примерах, опыте одиноких отцов, в том числе — из открытых источников. Использовался каталог кейсов. «Каталог кейсов — это методика качественного (нестандартизированного) интервью, предполагающая сбор информации у респондента об определенной социальной практике не только на основе личного опыта, но и с описанием опыта социального окружения» [9]. В наш каталог кейсов мы включили 9 историй жизни. В качестве

формата историй выступали: личные интервью, а также интервью, письма, прямая речь в статье, взятые из открытых источников. Каждый кейс сопровождался кратким описанием: возраст отца, возраст детей, причина одинокого отцовства и источник материала.

Истории жизни одиноких отцов, артикулированные как в публичном, так и в приватном пространстве, имеют специфическую структуру, опираясь на которую мы выделили ключевые моменты в жизни. Жизненный путь описывается мужчинами в темпоральном порядке: 1) детство, своя семья; 2) уклад жизни до одинокого отцовства; 3) события, которые привели к одинокому отцовству; 4) факт признания себя отцом-одиночкой (переломный момент/поворотный пункт); 5) первое время после принятия на себя роли одинокого отца; 6) трудности, с которыми столкнулись; 7) ситуация в настоящее время.

Основное внимание одинокие отцы обращают на события, которые привели их к принятию этой специфической роли. Причем в личных интервью этот эпизод жизни занимает большую часть всего разговора. Этой информацией мужчины готовы поделиться с окружающими, им явно не хватает коммуникативной рамки для рефлексии.

На основе информации, которую одинокие отцы представили в своих биографиях, мы выделили группы социальных практик. Представлен анализ всех собранных кейсов (как из первичных, так и из открытых источников) в соответствии с типологией практик. Приводятся цитаты из интервью и основные характеристики информантов. Указываются возраст информанта, причина одинокого отцовства, возраст ребенка на момент сбора данных. Цитаты приводятся с сохранением лексики информанта.

Практики по отношению к детям до одинокого отцовства

Вклад мужчины в воспитание и обеспечение детей до идентификации себя как одинокого отца различен и зависит от ситуации в семье.

– Малое участие в жизни [*«Я не видел его полгода»* (36 лет, разрыв незарегистрированных отношений, сын — 12 лет (**Ошибка! Источник ссылки не найден.**))].

– Наблюдение со стороны [*«Сына из внимания не выпускал: летом он был с моими родителями на даче, либо ездил на море, осенью и зимой жил у своей прабабушки»* (возраст не известен, развод, сын — 18 лет)].

– Выплата алиментов, либо материальная помощь [*«Раз в 2 месяца по телефону спрашивал, что ей, нужно и пересылал переводы»* (22 года, разрыв, сын — 2 года)].

– Частичная ответственность за ребенка [*«Начались запои у матери... Я стал вроде как нянькой»* (29 лет, развод, дочь — 3 года)].

– Полная ответственность за ребенка [*«Детей всегда сам воспитывал. Их мать никогда воспитанием девочек не занималась»* (54 года, разрыв, три дочери от 9 до 16 лет)].

Мы наблюдаем самые разнообразные практики — от невмешательства в жизнь ребенка до полной ответственности. Практики до одинокого отцовства не являются определяющими в решении принять на себя роль отца-одиночки. Особое внимание в исследовании было уделено тому, как сами отцы объясняют, интерпретируют причины одинокого отцовства. Ведь для качественной исследовательской традиции ключевой вопрос — это всегда «видение со стороны информанта», субъективный, отрефлексированный во время интервью взгляд на описываемую ситуацию.

«Их мать никогда воспитанием девочек не занималась. Родила — и все. За старшей только немножко поухаживала» (54 года, разрыв, три дочери от 9 до 16 лет); *«Она приехала, объяснила, что ее ограничивают в родительских правах, а ребенка забирают в дом малютки... В центре опеки мне объяснили, что данная гражданка систематически была задержана органами опеки в нетрезвом виде С РЕБЕНКОМ НА РУКАХ, ... а в тот день ее нашли под состоянием наркотических средств...»* (22 года, разрыв, сын — 2 года); *«В ее жизни появился другой мужчина. "Мне от тебя ничего не надо, — сказала она, прощаясь. — Судиться не будем. Все оставляю тебе: квартиру, имущество, детей"»* (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14); *«Она изменяла. А ребенок попал в приют»* (36 лет, разрыв, сын — 12 лет).

Мужчины описывают несостоятельность матерей в воспитании детей. Именно поэтому они берут на себя ответственность за них. И если бы мать была хорошей, то они не решились бы стать одинокими отцами.

Это решение является переломным моментом, когда привычный уклад жизни сменяется другим. Вот как мужчины описывают это первое время, после принятия решения:

«Пять месяцев я был папой-мамой, мне пришлось учить его улыбаться, кормил, поил, гулял, болели, резались зубы, бессонные ночи...» (22 го-

да, разрыв, сын — 2 года). «Я все в дом, успевал и работать, и бизнесом заниматься. Одевал, обувал, кормил детей, все один» (54 года, разрыв, три дочери от 9 до 16 лет). «Поначалу казалось, что жизнь превратилась в один непрекращающийся абсурдный кошмар. Даже не скажешь, что было самым сложным. Потому что сложным было абсолютно все. Ужаснее, когда дети чем-нибудь заболели... В такие моменты руки опускались...» (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14). «Я ничего не знал... Я никогда об этом не думал... Когда я начал думать, я уже за голову хватался, я уже сделал... Я понимал, что дальше деваться мне некуда. Мне нужно через все это пройти. Когда ребенок тебя не понимает вообще, абсолютно...» (36 лет, разрыв, сын — 12 лет). «Первые три-четыре месяца казалось, что это дурной сон, ребенок часто болел, работы нет, новые условия быта и никакой помощи... иногда хотелось плакать...» (42 года, развод, сын — 5 лет). «Очень тяжело. Очень сложно. Принять это все... Сложно по женской линии ребенка воспитывать одному... Я не представлял как это?» (29 лет, развод, дочь — 3 года).

Смена привычного образа жизни очень тяжело переживается мужчинами. Необходимость выполнения (помимо традиционно мужских ролей материального обеспечения семьи и защиты) традиционно женских ролей — приготовления пищи, уборки, стирки, воспитания детей и т.д. — мужчины описывают так: «Я же два в одном. Я с ним постоянно...» (36 лет, разрыв, сын — 12 лет). «Срабатывает инстинкт, я даже изменился в характере... стал вести себя как мама, что ли» (22 года, разрыв, сын — 2 года). «Бывает называет меня то папа, то мама, то мапа, то пама» (29 лет, развод, дочь — 3 года). Не только сам мужчина говорит о том, что он совмещает в себе две родительские роли, но и дети воспринимают одинокого отца как маму и папу в одном лице. Те функции, которые в полных семьях должны выполнять два человека, в неполных семьях выполняет один. От этого происходит нехватка времени и, как следствие, возникают различные социальные практики организации жизни.

Практики организации быта

Одиноким отец берет на себя организацию быта в семье. Опираясь на истории жизни, представленные в каталоге кейсов, мы выделили 4 способа такой организации.

— Жизнь отдельно от родственников. Самостоятельное выполнение хозяйственно-бытовых

функций. «Утром встаем, завтракаем (готовлю в нашей семье по-прежнему один я) и расходимся по своим делам... возвращаюсь с работы и превращаюсь в жуткую помесь кухонного комбайна, пылесоса и стиральной машины. Пока еще не осознал, что дети выросли, что многое уже могли бы делать и они» (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14).

— Жизнь с родственниками. Часть хозяйственно-бытовых функций выполняют другие члены семьи. «Моя семья — это старшая сестра... она помогает по минимуму. Мама работает в больнице... с утра до вечера. А я утром отвожу ребенка в сад к 8, забираю в 6, приходим домой, кушаем, гуляем. Сегодня провел день с бабушкой» (22 года, разрыв, сын — 2 года).

— Жизнь с бабушкой детей, которая выполняет хозяйственно-бытовые функции. «Домашней работой в основном занимается мама. Но я тоже готовлю» (29 лет, развод, дочь — 3 года). «У нас бабушка все делает. Когда ее нет, я сам все делаю, кушать готовлю» (36 лет, разрыв, сын — 12 лет).

— Хозяйственно-бытовые функции выполняет специальный человек, который работает по найму. «Пять дней в неделю приходит няня (по 12 часов). Половину недели бывает бабушка... С вечера до утра ребенком занимаюсь я» (возраст не известен, «суррогатное» отцовство, сын — 5 месяцев).

Отец-одиноким, исходя из собственной жизненной ситуации, выбирает способ организации домашнего быта. Это может быть выполнение домашних обязанностей либо самостоятельное, либо с помощью родственников или специальных людей.

Практики осуществления трудовой деятельности

Трудовая деятельность является важной частью жизни одинокого отца, так как с помощью нее можно материально обеспечить семью. Однако работа приносит таким мужчинам немало проблем. «Я, конечно, хочу найти нормальную работу. Раньше я работал в "Новой больнице", был старшим менеджером. Зарплата тогда была высокая. Я могу работать, я хороший специалист. Но тогда я не управлялся с детьми...» (54 года, разрыв, три дочери от 9 до 16 лет). «В связи со своей разъездной работой, я запустил ребенка...» (возраст не известен, развод, сын — 18 лет). Необходимость совмещения работы и общения с

детьми вынуждает искать пути решения этой проблемы.

– Удобный/свободный график работы. *«Я работаю в моющей компании. Пока ребенок в садике, я работаю. Все время уделяю ребенку»* (29 лет, развод, дочь — 3 года).

– Работа в ночное время. *«Днем нянчился с дочкой, а по ночам подрабатывал: чинил компьютеры, был грузчиком, охранником, таксистом»* (39 лет, развод, смерть, сын, дочь — 2 года). *«Устроился работать таксистом. Ночью работал, днем детьми занимался»* (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14).

– Работа, требующая дополнительной организации жизни ребенка с внешней стороны (школа-интернат, помощь родственников и т.д.). *«Просто я работаю два через два. Двое суток у меня рабочих, до пяти работаю, до утра на дежурстве. То есть и ночью могу уехать, и в любое другое время...и на трое суток уехать»* (36 лет, развод, сын — 12 лет).

Таким образом, отцы-одиночки, ответственные за жизнь детей, считаясь с необходимостью постоянного присутствия рядом, выбирают такой способ осуществления трудовой деятельности, который позволяет им и обеспечить семью денежными средствами, и находиться с детьми. Часто это происходит в ущерб собственной карьере.

Практики взаимодействия с государством

Каждый мужчина, который считает себя отцом-одиночкой, должен получить документ, подтверждающий, что ребенок проживает совместно с ним и что мать ребенка умерла/лишена родительских прав/недееспособна. В зависимости от причины одинокого отцовства мужчина использует разные социальные практики:

– Установление отцовства в случае незарегистрированных отношений с матерью ребенка. Это происходит с помощью суда, на котором предъявляются доказательства: медицинская экспертиза, свидетели. *«...И мне пришлось через суд. Я установил отцовство... На суд пришла ее сестра, которая подтвердила»* (36 лет, развод, сын — 12 лет). *«Отцовство я установил, когда приехал за ним, так как я им помогал»* (22 года, развод, сын — 2 года).

– Подтверждение проживания детей совместно с отцом. *«Обратился в суд. Представил доказательства. Да и Максим на суде сказал, что хочет жить со мной»* (39 лет, развод, смерть, сын, дочь — 2 года).

– Лишение матери родительских прав. *«Под статусом отца-одиночки я понимаю ограничение его от матери и садик. Полное лишение родительских прав»* (22 года, развод, сын — 2 года). *«Сейчас я вижу Кипр. Не хочу здесь оставаться. Сначала только придется прав лишить мать»* (29 лет, развод, дочь — 3 года).

Следующим элементом взаимодействия с государством является получение социальных пособий и льгот. Здесь практики одиноких отцов представляют собой два направления:

– Необходимость в помощи от государства и, как следствие, «выбивание» льгот. *«Я получаю льготы за двоих детей... Старшая получает стипендию в колледже... социальная... Сейчас пытаюсь разобраться с питанием для детей в школе. Почему-то моих детей кормят только кашей... Государство должно доплачивать разницу, потому что есть дотации...»* (54 года, развод, три дочери от 9 до 16 лет). *«Мысль получить материнский капитал показалась сначала панацеей от бед, но все оказалось сложнее... Отказали сразу»* (39 лет, развод, смерть, сын, дочь — 2 года).

– Отсутствие необходимости помощи от государства ввиду сложности ее получения. *«Чтобы работали (законы) нужно изо дня в день, каждый день добиваться и добиваться. Ну это никому не надо... Борются по большей части из-за того, что им не хватает средств на существование»* (29 лет, развод, дочь — 3 года). *«От государства я ничего не ждал»* (42 года, развод, сын — 5 лет).

Мужчины отмечают, что все, связанное с официальными документами, очень бюрократизировано, сложно для получения. *«С этими документами проблем будет куча»* (36 лет, развод, сын — 12 лет). *«Был жуткий прессинг (в прокуратуре)»* (29 лет, развод, дочь — 3 года). Из этого следует, что если государство все-таки относит семьи отцов-одиночек к социально незащищенным, то необходимо упростить различные этапы получения пособий и льгот. В основном же льготы, которые получают отцы-одиночки, — это льготы как малообеспеченным семьям или же по потере кормильца.

В данном разделе о практиках взаимодействия одиноких отцов с государством есть явный пример того, как индивидуальные практики меняют социальные структуры. Одному из отцов-одиночек, чью историю мы рассматриваем, удалось добиться получения «материнского капитала». Этот прецедент позволил другим мужчинам, в одиночку воспитывающим двух и более детей, подать заявку на его получение и, используя

предшествующий опыт, доказать законность заявки. Мужчины, которым удалось добиться каких-либо преференций от государства, охотно делятся своим опытом, стараются помогать другим. Здесь мы наблюдаем стремление к объединению и видим в этом практический смысл.

Практики взаимодействия с образовательными учреждениями

На пути взросления ребенок сталкивается с двумя основными социальными институтами — это детский сад и школа. Отцы-одиночки выбирают для своих детей наиболее удобные варианты, которые бы позволяли совместить работу и общение с детьми. Детский сад может быть муниципальным и частным. Чтобы попасть в муниципальный детский сад, ребенку, имеющему только одного отца, необходимо «отстоять в общей очереди», когда для матерей-одиночек существует отдельная очередь. *«Должны быть одинаковые права как у матери-одиночки, так и у одинокого отца. Не важно, родил он ребенка или нет. Он один... У матерей-одиночек даже очередь отдельная есть при устройстве в детский сад. О чем еще можно говорить?»* (29 лет, развод, дочь — 3 года). Альтернативная возможность частного детского сада является очень привлекательной, потому что там воспитатели подстраиваются под родителей. Однако одинокие отцы отмечают, что частные детские сады «по карману очень сильно ударяют».

В отношении школы также есть варианты. Пользуясь документами о единственном воспитателе ребенка, можно определить ребенка в школу-интернат. В ней дети остаются, в частности, на ночь с понедельника по пятницу. Для отцов, интенсивно работающих, что не позволяет следить за ребенком, этот вариант очень удобен. *«В другую школу не могу его я перевести, потому что некому будет с ним сидеть. Я не могу смотреть за ним. Я в любой момент могу уехать, ночью могу уехать. И не проконтролировать его...»* (36 лет, развод, сын — 12 лет).

В итоге каждый мужчина выбирает наиболее подходящий вариант, допускающий эффективную работу и общение с детьми. При этом со стороны государства и образовательных учреждений отцы-одиночки ожидают уравнивания прав с матерями-одиночками, по крайней мере, относительно очереди в детские сады.

Практики воспитания

Практики воспитания отцов-одиночек не отличаются от практик воспитания в полной семье. Мы назовем две полярные практики, которые в реальной жизни переплетаются между собой. Выбор той или иной практики зависит от каждого конкретного случая.

- Использование демократических методов.
- Использование силовых методов.

Одиноким отцы в своих биографиях представляют свое общение с детьми в демократическом ключе. *«Я с ним на равных. Да я с ним с пеленок разговаривал на равных. Как с ровесником. Никогда его пальцем не тыкал. Просто он знает, что можно, а что нельзя. Я ему это объясняю»* (36 лет, развод, сын — 12 лет).

Альтернатива — чередование кнута и пряника, совмещение демократических и силовых методов. Последние используются в особых ситуациях. *«В основном мы с ней разговариваем. Воспитательные беседы. Или говорю: “Вот ремень”. Она сразу понимает»* (29 лет, развод, дочь — 3 года). *«Гонял медалиста различных соревнований по вольной борьбе всеми подручными средствами по квартире, сильно кричал и добился того, что сын восстановил статус-кво по учебе...»* (возраст не известен, развод, сын — 18 лет).

В одном из кейсов мы обратили внимание на сомнение в правильности воспитания. *«Но Юлечка... Может, я неправильно делаю, что до сих пор не привил ей типично женских навыков и умений?»* (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14). Проблема воспитания дочерей и самими одинокими отцами, и окружающими воспринимается особо остро. Мужчины понимают необходимость демонстрации дочерям женского поведения. Для решения подобных вопросов отцы-одиночки обращаются к сопоставимому опыту других мужчин.

Таким образом, отцы-одиночки используют демократический стиль воспитания детей с применением силы или авторитета только в особых ситуациях. Волнения по поводу воспитания детей в основном касаются вопросов воспитания дочерей. Если такие вопросы существуют, то одинокие отцы обращаются за помощью или к таким же отцам-одиночкам, или в специальные центры поддержки.

Практики отношений с женщинами

В своих биографиях практически все отцы-одиночки касаются вопросов взаимоотношений с женщинами. Одиноким отец — мужчина, у кото-

рого есть собственные потребности, а также в некоторых случаях и желание создать полноценную семью. Мы выделили следующие практики отношений с женщинами:

– Целенаправленный поиск женщины для создания полной семьи. *«Сейчас через Интернет познакомился с девушкой... Хочу ее с собой на Кипр жить взять...»* (29 лет, развод, дочь — 3 года).

– Дружеское общение с женщинами с возможной вероятностью создания семьи. *«Если мне нужна женщина, то чтобы у нее тоже все было... Теперь у меня есть сын, и я не могу переложить все свое внимание на нее... Найду — найду. Не найду — не найду»* (36 лет, разрыв, сын — 12 лет).

– Удовлетворение сексуальных потребностей *«Пользуясь статусом отца-одиночки, я решил свои сексуальные претензии на жизнь довольно успешно, так как женщин, желающих “помочь” в воспитании ребенка, оказалось предостаточно»* (возраст не известен, развод, сын — 18 лет).

– Отсутствие интереса к женщинам, как к матерям детей. *«После того что сделала моя бывшая супруга, к женщинам отношение стало, мягко говоря, недружелюбным. Да и на устройство личной жизни просто времени не хватало. Так мимолетные романы...»* (возраст не указан, развод, сын — 18 лет, дочь — 14).

Мы видим, что есть отцы-одиночки, которые хотят создать полную семью и с этой целью общаются с женщинами. Чаще это отцы молодого возраста. Чем старше мужчина, тем меньше у него желания найти мать для детей. Это может быть связано с тем, что они уже самостоятельно организуют свою жизнь и жизнь детей. Это налаженный цикл действий. В представлении отцов-одиночек необходимости в женщине-матери нет. Использование же положения отца-одиночки для знакомства с женщинами и/или налаживания сексуальных контактов является интересным примером. Подтверждается, что одинокие отцы вызывают у женщин интерес. Помимо приписывания отцам-одиночкам свойств героя добавляется желание женщины помочь с детьми, вызывая этим интерес у одинокого отца, которому действительно эта помощь необходима. Таким образом, мужчина, в одиночку воспитывающий детей, является привлекательным для противоположного пола. И если у него есть желание найти мать для своих детей, то он имеет большие шансы.

Если сравнивать практики, артикулированные в открытых источниках и личных интервью, то можно сказать, что личные интервью являются более полными и содержательными, в них даны ове-

ты на все вопросы, поставленные в исследовании. Каждая биография, полученная путем личной беседы, имеет больше деталей и больше отвлеченных тем. Основная информация в личных интервью касается событий, которые привели к одинокому отцовству. Истории жизни, найденные в открытых источниках, чаще тематизированы. Например, посвящены случаю получения материнского капитала, суррогатному отцовству. Личные интервью представляют собой полный спектр социальных практик конкретного одинокого отца, которые описываются более подробно. Истории из открытых источников содержат меньше индивидуальных переживаний, но дают представление о социальных практиках, называя их, но не раскрывая причинно-следственных связей. Методические трудности, возникшие на этапе сбора информации, продиктовали необходимость триангуляции [10]. Следствием стало использование биографического материала двух видов. Это дало нам возможность наиболее полно описать социальные практики одиноких отцов, представив различные варианты действий в их жизни.

Первоначально на основе биографий были выделены группы социальных практик одиноких отцов. Анализ текстов позволил наполнить эти группы конкретными социальными практиками. Жизнь любого отца-одиночки может состоять из одной конкретной практики в определенной группе. Социальные практики, которые мы описали, имеют под собой два основания — это индивидуальный опыт мужчины и внешние социальные факторы. Мы наблюдали примеры, когда внешние факторы определяют практики одинокого отца, например, выбор частного или муниципального детского сада для ребенка, когда, в отличие от матерей-одиночек, отцы-одиночки находятся в общей очереди на место в детском саду. Получение материнского капитала одиноким отцом является примером, когда индивидуальный опыт мужчины изменяет социальные структуры. Таким образом, применение интегративных теорий социальных практик было эффективным и дало возможность рассмотреть повседневную жизнь одиноких отцов через описание социальных практик, формирующихся в зависимости от объективных структур и субъективных факторов.

Список литературы

1. В России возросло количество неполных семей // Аргументы и факты. 2012. 26 апреля. URL: <http://www.aif.ru/society/news/130068> (дата обращения: 26.10.2012).
2. Всероссийская перепись населения. 2010. URL:

- http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 25.04.2013).
3. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН: Центр общечеловеч. ценностей, 2003. 176 с.
4. Даниленков А.В. Права детей и отцов в России: миф или реальность? // Права и защита. 2010. № 3. URL: <http://www.papaland.ru/library/explorers/legal/100.html> (дата обращения: 20.10.2011).
5. Кон И.С. Отцовство как социокультурный институт // Педагогика. 2005. № 9. С. 3–16.
6. Кон И.С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1988. 270 с.
7. Николаева Я.Г. Отцовство после развода: обзор исследований зарубежных ученых // Актуальные проблемы семей в России / ред. Т.А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 174–182.
8. Носкова М.В. Психология родительско-детских отношений в неполной отцовской семье. Екатеринбург: УГМА, 2013. 158 с.
9. Петрова Л.Е. Каталог кейсов как дополнительная возможность сбора данных в интервью // Сорокинские чтения. Отечественная социология: обретение будущего через прошлое: материалы IV Всеросс. науч. конф. Тюмень, 2008. С. 83–85.
10. Петрова Л.Е. Методическая триангуляция при изучении проблемы курения студентов // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 92–96.
11. Стасенко О.В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 78–82.
12. Филиппова А.Г. Культурно-информационное пространство детства: риски и ресурсы социальной защиты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 4(16). С. 188–198.
13. Хачатрян Л.А., Кабанова Н.С. Состояние воспитательного потенциала современной российской семьи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13). С. 131–142.
- http://www.aif.ru/society/news/130068 (accessed: 26.10.2012). (in Russian).
2. Vserossiyskaya perepis' naseleniya [All-Russian national census]. 2010. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. (accessed: 25.04.2013). (In Russian).
3. Gurko T.A. *Roditel'stvo: sotsial'nye aspekty* [Parenthood: social aspects]. Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences: Centre of universal values Publ., 2003, 176 p. (In Russian).
4. Danilenkov A.V. [Rights of children and fathers in Russia: myth or reality?]. *Prava i zaschita* [Rights and protection]. 2010, no 3. Available at: <http://www.papaland.ru/library/explorers/legal/100.html> (accessed 20.10.2011). (In Russian).
5. Kon I.S. [Fatherhood as a social institution]. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2005, no 9, pp. 3–16. (In Russian).
6. Kon I.S. *Rebenok i obschestvo: istoriko-etnographicheskaya perspectiva* [A child and the society: historical and ethnographic perspective]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 270 p. (In Russian).
7. Nikolaeva Ya.G. [Fatherhood after divorce: review of foreign scientists' researches]. *Aktual'nye problemy semej v Rossii* [Topical problems of the families in Russia]. Moscow, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences Publ., 2006, pp. 174–182. (In Russian).
8. Noskova M.V. *Psikhologiya roditel'sko-detskikh otnoshenij v nepolnoj ottovskoj sem'e* [Psychology of parent and children relationship in single-father family]. Yekaterinburg, Ural State Medical Academy Publ., 2013, 158 p. (In Russian).
9. Petrova L.E. [Catalogue of cases as an additional opportunity of data collecting in interviews]. *Sorokinskie chteniya. Otechestvennaya sotsiologiya: obretenie buduschego cherez proshloe: Materialy IV Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii* [Readings from Sorokin. Domestic sociology: discovery of the future through the past: Proceedings of IVth All-Russian scientific conference]. Tyumen, 2008, pp. 83–85 (In Russian).
10. Petrova L.E. [Methodical triangulation while studying the problem of smoking among students]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2013, no 2, pp. 92–96. (In Russian).
11. Stasenko O.V. [Single fatherhood in the modern society: the reasons of origin and the main problems]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [A woman in Russian society]. 2010, no 3, pp. 78–82. (In Russian).
12. Filipova A.G. [Cultural and information space of childhood: risks and resources of social security]. *Vestnik Permskogo univrsiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Bulletin.

Получено: 16.07.2014.

References

1. [The number of single-parent families has increased in Russia]. *Argumenty i fakty* [Arguments and facts]. 2012. Available at:

Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 4(16), pp. 188–198. (In Russian).

13. Khachatryan L. A., Kabanova L. S. [Modern russian family: educative potential]. *Vestnik Permskogo univrsiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*

[Perm University Bulletin. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"]. 2013, no 1(13), pp. 131–142. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 16.07.2014.

**SOCIAL PRACTICES OF SINGLE FATHERS:
ANALYSIS BASED ON QUALITATIVE INTERVIEWS**
Olga S. Kirillova, Larisa E. Petrova

Ural State Pedagogical University; 26, Kosmonavtov av., Ekaterinfurg, 620017, Russia

Social practices of single fathers are described on the basis of biographical interviews (n = 9) in the tradition of integrative research paradigms in sociology. Social practices towards children before single parenthood; organization of everyday life; implementation of employment; practice of interaction with the state and the educational institutions; upbringing practices; relationships with women are allocated. Single fathers as a group are characterized by a high level of solidarity, they need communication with the representation of reflection of their social role taking. Accepting of the role of a single father is forced. Tactically single fathers tend to form a model of a «normal» family. Deprivation of single parenthood in the representation of informants is localized in interactions with governmental bodies of social policy, public authorities and public opinion.

Key words: single dad; single father; social practices; triangulation; biographical interviews.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кириллова О.С., Петрова Л.Е. Социальные практики одиноких отцов: анализ на основе качественных интервью // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 128–136.

Please cite this article in English as:

Kirillova O.S., Petrova L.E. Social practices of single fathers: analysis based on qualitative interviews // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 128–136.

УДК 323.1

НАЦИОНАЛИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Пинаев Павел Васильевич*старший преподаватель кафедры социологии и политологии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: pvp7777@yandex.ru***Яцкевич Юлия Юрьевна***студентка направления «Организация работы с молодежью»**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, Букирева, 15**e-mail: Cheshire1865@yandex.ru*

В статье рассмотрены социально-психологические, социально-экономические, культурные и исторические факторы развития националистических настроений в молодежной среде современного российского общества. Авторы проанализировали уровень вовлеченности молодежи в деятельность националистических организаций, организованность последних и их последовательность в реализации стратегии. Обоснована классификация националистических организаций на ультранационалистические и умеренные, каждому типу организаций дана характеристика, приведены примеры. Рассмотрены возможные способы и средства профилактики по пресечению привлечения молодежи к деятельности националистических организаций.

Ключевые слова: молодежь; национализм; этнос; этноцентризм; радикализм; ультранационализм; партия; организация; иммиграция.

Феномен национализма несет в себе негасимое чувство этноцентризма, подразумевающего вражду между «родной» этнической группой и группами остальными. Национализм в России, как и в мире вообще, подобен стремительно развивающейся болезни, лекарство от которой до сих пор не найдено — но на наш взгляд лишь потому, что само общество по большей части того не желает. Кроме этнической неприязни причинами возникновения националистических чувств могут быть также религиозные, политические, социальные.

В результате действия социально-психологических и социально-экономических факторов молодежная среда является наиболее уязвимой для восприятия националистических настроений. В то время как физиологическое становление подростка происходит «по велению природы», его духовное развитие и личностный рост в стремлении обрести самостоятельность претерпевает внутренние противоречия, такие как застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм и пр. [3, с. 57–59]. Молодым людям, начинающим активно контактировать с обществом, приходится сталки-

ваться с такими проблемами, как дискриминация по возрастному признаку, неспособность получить качественное образование, как следствие — отсутствие возможности быть занятым в интересующей сфере профессиональной деятельности, что неизбежно ведет к ограничению возможности духовного совершенствования. Будучи неспособными реагировать адекватно на подобные ситуации, молодые люди часто выбирают экстремальные формы защиты, одной из них и является национализм.

На наш взгляд, национализм — это проявление склонности к насилию. Каковы же его причины, что толкает людей на намеренно грубое, пренебрежительное отношение к другим культурам? Немецкий социолог, психолог и философ Эрих Фромм в своей работе «Душа человека. Ее способность к добру и злу» разделил понятие насилия на несколько типов: игровое, компенсаторное, насилие как фрустрация, насилие из мести и реактивное [13, с. 34–40]. Последний тип имеет большее практическое значение, ибо он «проявляется при защите жизни, свободы, достоинства, собственного или чужого имущества». Причиной его являет-

ся страх, бессознательный в том числе, и страх этот направлен на разрушение предмета его страха. «Ощущение опасности и вытекающее из него реальное насилие покоится не на реальной данности, а на манипуляциях мышления; политические и религиозные вожди убеждают сторонников, что им угрожает некий враг, возбуждая таким образом чувство враждебности» — размышляет Э. Фромм [13, с. 35]. Действительно, убедить толпу, а тем более отдельного индивида становится просто, если они остро нуждаются в независимом мышлении, в том числе эмоциональном, а также если находятся в зависимости от политических и эмоциональных лидеров, таким образом, «все доводы, которые высказываются в достаточно требовательной и убедительной форме, принимаются за чистую монету» [13, с. 36]. Поэтому искусственно сформированная угроза личному пространству, свободе, государству, а также желание уничтожить во благо собственного спокойствия в немалой степени становится психологической первопричиной развития националистических настроений и праворадикальных движений. Ведь молодежь, как говорилось ранее, вследствие возрастных особенностей в большей степени подвержена силе убеждения и очарованности кумирами. Ввергнутые во власть максимализма и нигилизма, молодые люди все чаще становятся сторонниками праворадикализма, видя в нем поле для самовыражения и самоутверждения.

Причины роста националистических настроений, особенно среди молодежи, многоплановы. Во-первых, ««крайне правые» смогли найти тему, которая считается значимой у представителей различных социальных и возрастных групп, — тему миграции, возможного изменения этнического состава населения страны», — пишет руководитель аналитического департамента Фонда Центра Политических технологий Т. Становая [11]. Идентифицируя собственную индивидуальность и отождествляя себя с нацией, человек желает продвижения собственных интересов в контексте интересов национальных. Возникает вопрос, а будет ли нация чувствовать себя полноценной, если постепенно она смешивается с представителями других культур? Многие отмечают и бытовой дискомфорт, испытываемый при общении с мигрантами. Различия в мировоззрении, особенностях поведения, образе жизни, принадлежности к другой религии — все это, бесспорно, будет выступать причинами подобного дискомфорта. Во-вторых, повышение уровня национализма в стране спровоцировала конкуренция ме-

жду «коренным» и «пришлым» населением на рынке труда. Мигранты соглашаются на не устраивающие коренное русское население условия труда, однако в связи с этим происходит понижение существующих стандартов в профессиональной занятости. Кроме того, к экономическим причинам относится существенное влияние «пришлых» на сферу торговли — отечественные прилавки, как правило, заполнены товарами импортного происхождения. В-третьих, «фобии, рождающиеся как реакция на наплыв чужаков, воспринимаются как реальная угроза стабильности в стране», — утверждает Т. Становая [11].

Кроме ранее указанных можно выделить и другие, не менее важные причины. Например, культурно-языковые, а именно утрату или видоизменение русских слов под действием иностранных, вследствие чего наблюдается потеря языком его самобытности; демографические причины, экологические, под которыми понимается ухудшение экологических условий в результате перенаселения либо контакта с представителями стран, развитие медицины в которых оставляет желать лучшего; экстерриториальные (несовпадение государственных и административных границ при расселении народа); причины конфессиональные, а также многие другие.

Взаимодействие между нациями основано на понимании того, что каждая культура уникальна и неповторима. Навязчивое желание «возвести на пьедестал» лишь одну нацию никогда не приносило приемлемые для общества плоды, всегда способствовало его расколу. Развитие праворадикальных настроений в обществе следует постоянно контролировать, поскольку за открытым проявлением враждебности могут последовать вооруженные конфликты, социальный, политический и экономический упадок. На сегодняшний день все большую значимость должно приобрести развитие деятельности, направленной на регуляцию межнациональных отношений в обществе [3, с. 59].

На рубеже XX–XXI вв. в обществе был замечен рост ксенофобии и антикавказских настроений в связи с гражданской войной в Югославии, событиями в Чечне и московскими терактами. Кроме того, введенный в декабре 2005 г. День народного единства, призвав российских националистов к решительным действиям, подарил им надежду стать весомой политической силой в стране. 4 ноября 2005 г. было ознаменовано первым в истории крупным легальным выступлением неофашистов и различных националистических объединений — «Русским маршем». Указывая

цель проведения данной акции, участники называли желание «отметить годовщину освобождения Москвы от иноземных захватчиков», а также выразить протест против нелегальной иммиграции в Россию. «Русский марш» прошел под лозунгами: «Очистим город от непрошенных гостей!», «Чеченцы! Война закончилась! Пора ехать домой!», «Россия принадлежит нам!» [9]. В числе организаторов и участников марша выступили такие известные националистические объединения, как Национально-патриотический фронт «Память», Движение против нелегальной иммиграции, Евразийский союз молодежи и пр.

Движение «Русского марша» набирало популярность с каждым годом. Для сравнения: первое выступление националистов в 2005 г. насчитывало около трех тысяч человек, тогда как в 2013 г. «Русский марш» и солидарные ему акции (концерты, пробежки, агитационные пикеты) прошли в 75 городах России, Украины и Брюсселя, общее количество участников превысило пятьдесят шесть тысяч человек. Резкий скачок популярности «Русского марша» можно наблюдать, отметив реакцию СМИ: практически ни один телеканал не заинтересовался происходящим в 2005 г., тогда как за месяц до события в Центральном доме журналистов (Москва) была организована пресс-конференция инициативной группы по проведению «Русского марша 2013». Интерес к ежегодным выступлениям русских националистов возрастал, благодаря активной деятельности организаторов, распространяющих информационные брошюры, выпускающих сувенирную продукцию, контролирующих горячую линию «Русского марша» и пр. Более того, в материалах подготовки Марша значится пункт «Как превратить подготовку Марша в праздник и привлечь больше людей на акцию?». Безусловно, превращая мероприятие из шествия националистических движений в праздничную акцию, организаторы рассчитывают ежегодно пополнять свои ряды. Разнообразие организаций участников последнего Марша на сегодняшний день велико – от «Славян» до казачества [7].

Принимая во внимание многообразие существующих организаций, отличных друг от друга длительностью существования, наличием или отсутствием политической программы, количеством участников региональных отделений, между направлениями деятельности можно провести границу, классифицировав их на умеренные и радикальные. Главное различие радикальных партий и умеренных организаций заключается в том, насколько по-

следовательно устанавливаются и реализуются основные положения националистической идеологии. В отличие от ультранационалистов, объединения с характеристикой «умеренные» допускают этническую неоднородность государства, отсюда и следует разница в понимании целей и средств националстроительства, относительный или абсолютный приоритет национального принципа в существующих сферах общественной жизни [4, с. 299].

Для ультранационалистов националистический дискурс является системообразующим. Одними из первых радикальных националистических организаций в России стали Национально-патриотический фронт «Память» (1988 г.) и Российский союз национального единства (1900 г.).

НПФ «Память» никогда не имел статуса многочисленной организации — через год после создания фронт насчитывал чуть более 400 участников. Данные о НПФ «Память» за 1994 г. свидетельствуют о наличии 52 региональных отделений, однако, как правило, отделения были не только малочисленны, но, имея собственных лидеров, они выходили из подчинения московского фронта, что, безусловно, говорит о неорганизованности движения. Более того, «Память» так и не получила статус общероссийского объединения, оставшись на межрегиональном уровне; для общегосударственной организации необходимо наличие региональных отделений, насчитывающих не менее чем 10 человек в половине субъектов РФ — это условие Национально-патриотическим фронтом не было соблюдено.

Основной деятельностью НПФ «Память» называется «восстановление царского престола и законной преемственности самодержавной власти в России». Для решения важных государственных вопросов члены организации предлагают формировать Земский собор, в который вошли бы представители открытых сословных групп, понятия «классы» и «классовая борьба» «подданными» фронта ликвидируются. В этом нет ничего удивительного, ведь «классы» и «сословия» — это термины, принадлежащие разным временным отрезкам русской истории. Считая незаконным свержение монархии во время переворота 1917 г., участники движения отрицают легитимность ныне действующей власти, также отрицают наличие государственной собственности, предлагают в последующем выделить общенациональную собственность с обязательным включением в нее всех природных ресурсов, находящихся на территории российского государства.

Но если бы идеология фронта состояла лишь из призывов к возвращению традиций дореволюционной России, вряд ли бы «Память» была отнесена к числу радикальных националистических движений. Врагом «оплота христианской веры» — Российской державы — участники заговора признают лиц еврейской национальности, сомнительно обвиненных в сионо-масонском заговоре. С давних пор с развитием масонских лож увеличивалось и число обвинений в адрес масонов, им приписывали участие в государственных переворотах, прославление Сатаны и, как следствие, предательство христианской веры. Многочисленная иудейская символика, которая использовалась в масонских ритуалах, чтение особой, каббалистической, литературы а также преклонение перед идеей Сиона дали основание русскому народу для причисления евреев к масонскому обществу, и это отражается в установках НПФ «Память». Таким образом, исходя из идей и программы членов «Памяти», они ведут борьбу с идеологией сионизма как теорией богоизбранничества и расового превосходства. К сожалению, источники не указывают на возрастные рамки участников движения — отсюда следует, что членами «Памяти» становятся граждане РФ, молодежь в том числе, поддерживающие основные идеи возрождения монархии, перерождения многонациональной России в единую Российскую державу, а также стремящиеся к борьбе с «осквернителями» христианской веры, в частности с иудеями [5].

Основные документы, способные сформировать наиболее полное представление об основных видах деятельности «Памяти», при изучении сайта объединения не обнаружены. В связи с этим можно ли с уверенностью утверждать эффективность организации и необходимость ее существования на сегодняшний день, если организация не обладает даже последовательно выстроенной программой действий? Отсюда и низкая мотивация к вступлению в нее, малое количество участников; не отслеживается качество работы.

Напротив, еще одно из радикальных движений — Русское национальное единство (РНЕ) Александра Баркашова, созданное еще в 1990 г., — располагает внушительным запасом определяющих характер его деятельности документов. Принятый устав движения подробно описывает цели и задачи, разъясняет права и обязанности участников, а также информирует о структуре, имуществе и возможной реорганизации общества. Согласно уставу участниками РНЕ могут

быть совершеннолетние физические лица России и юридические лица — общественные объединения, выразившие поддержку РНЕ, разделяющие уставные положения и принимающие активное участие в деятельности РНЕ. Главной целью движения является возрождение русской нации с последующим восстановлением России как национального государства. Для этого должны быть решены следующие задачи: недопущение распада России, сплочение нации единой национальной идеологией, а также создание на территории РФ единой организации из наиболее активной и дееспособной части населения. Именно такой частью населения и является молодежь, которая активно привлекается к участию в деятельности РНЕ. Поставленные задачи, по мнению участников движения, могут быть воплощены в результате решения таких подзадач, как остановка колонизации России, восстановление приоритета духовных ценностей над материальными, сохранение сырьевых ресурсов для будущих поколений. Кроме того, на возрождение нации направлены решение вопроса об охране детства и материнства, обеспечение достойной жизни и старости гражданам РФ, прекращение геноцида русских и россиян в любой точке мира.

Попробуем развести два понятия — «русский» и «россиянин». Словарь С.И. Ожегова дает определение понятия «русский» как «относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории...», т.е., в общем-то, речь идет об этнической принадлежности, о русских корнях; значение же понятия «россиянин» определено в словаре Т.Ф. Ефремовой как «гражданин РФ». Налицо парадокс: поскольку далеко не все россияне являются по национальности русскими, то для чего радикальное националистическое объединение нуждается в сохранении прав подобных граждан, если целью объединения остается возрождение и сохранение русской нации? Чем вызвано допущение подобной смысловой ошибки лидерами РНЕ? Впрочем, является ли оно вообще ошибкой?

Не стоит забывать о популярности организации. Уже первый Учредительный Съезд РНЕ закрепил за собой 57 регионов, сама же организация получила статус общероссийской благодаря ежегодно увеличивающемуся числу участников — в настоящее время отделения Единства существуют уже в 400 городах России, а также практически во всех республиках бывшего Советского Союза. «Если в вашем населенном пункте нет филиала

РНЕ, значит, Вам нужно его создать по месту жительства, работы или службы из числа не потерявших Национальное Достоинство Русских людей, разделяющих наши политические взгляды. И не смущайтесь небольшой начальной численностью организации — время работает на РНЕ!» — так отвечают на поступающие вопросы о создании филиалов лидеры Единства [2].

Кроме прочего, молодежь, испытывающая на себе давление социально-экономического неблагополучия, обладая лишь духовными ценностями (или желающая обладать ими в перспективе), жаждущая нахождения смысла собственной жизни и поиска комфортного места в общественных сферах, а также желающая материального благополучия, легко может быть соблазнена идеями, предлагаемыми Русским национальным единством, — этим объясняется стремительно набранная популярность движения. Еще один факт неугасающей заинтересованности — это «тактильный» контакт человека с деятельностью РНЕ. Для подобного контакта вовсе не обязательно встречаться лично с участниками, достаточно просто ознакомиться с постоянно издаваемыми печатными материалами — внутрипартийной газетой «Русский Стяг», всероссийской газетой под названием «Русский порядок», выпускающейся официально в 7 городах России. Остальные же города могут компенсировать «тактильное» знакомство виртуальным ознакомлением: все архивы сохраняются на официальном сайте организации. Распространяемая РНЕ различная сувенирная продукция предлагает вновь вступившим еще одну иллюзию причастности к «общему делу». И последнее немаловажное замечание: движение активно распространяет брошюры, в которых описаны все законные методы противодействия нарушителям Российского законодательства («Конституционные основы и правовые гарантии деятельности Общероссийского общественного патриотического движения “Русское национальное единство” (ООПД РНЕ) и недопустимость вмешательства в его деятельность органов государственной власти и их должностных лиц»), разъясняются правила поведения в конфликтных ситуациях с сотрудниками полиции («Порядок действий и реагирования при вмешательстве органов государственного управления и их должностных лиц в деятельность РНЕ и незаконном ограничении прав Движения и его участников» [2]). Подобный метод работы с аудиторией позволяет потенциальным участникам чувствовать себя защищенно, находясь в скрытом конфликте с пред-

ставителями власти. Таким образом, легкость вступления в организацию и видимая доброжелательность обеспечивают растущую популярность движения среди российской молодежи, активно поддерживающей националистические установки.

Говоря об умеренном национализме, следует помнить, что к нему, как правило, относятся движения сепаратистского и реформистского характера. В числе прочих российских сообществ к умеренному национализму можно отнести политическую партию «Российский общенародный союз» (РОС). Партия сформировалась в 2011 г. из двух организаций — Общероссийского общественного движения, созданного еще в 1991 г. по инициативе народных депутатов РСФСР, а также из Партии национального возрождения «Народная воля» (2001 г.) Уже на первом съезде партии присутствовали представители 54 субъектов РФ, что изначально является хорошим показателем, и это не удивительно, ведь организации, которые объединились в партию, отличались активной деятельностью. Например, в 2003 г. блок «Родина», выдвинутый от партии «Народная воля» и выступавший за «экономический рост и социальную справедливость», набрав 9,2 % голосов избирателей, прошел в Госдуму, а лидер современного Российского общенародного союза С.Н. Бабурин был объявлен заместителем председателя Государственной думы РФ.

На первом же съезде РОС были приняты устав и программа партии, а идеология обозначена как «умеренный национал-патриотизм с элементами социализма». Анализируя программу партии, следует отметить, что Россия для членов партии — это государство русских, а также территория, где коренной народ имеет право беспрепятственно реализовать свои возможности, используя ресурсы Церкви и прочие ресурсы, принадлежащие народу по праву. Основой для развития духовно-нравственной жизни страны и народа является православие, и, как следствие, Русская православная церковь — это «хранилище устоев жизни нации, ее вековых традиций и обычаев, исконных ценностей и нравственных императивов». Кроме этого, партия поддерживает идею социального равенства и справедливости, на которой должна основываться жизнь в России; выступает за возрождение достойно оплачиваемого труда и ставит целью объединение таких самостоятельных государств, как Россия, Белоруссия и Украина, с последующим их преобразованием в единое, сильное славянское государство — Российский союз. По мнению лидеров партии, эко-

номика России должна развиваться не для обогащения узкой прослойки людей за счет всего общества, а только для удовлетворения наиболее важных нужд всего общества в целом [8].

Российский общенародный союз, во-первых, является единственной официально зарегистрированной националистической партией. Во-вторых, так как проблема трудоустройства и материального обеспечения остро стоит перед многими россиянами, особенно перед молодыми людьми, получившими образование и занятыми поиском удовлетворяющих их потребности рабочих мест, Российский общенародный союз ставит своей целью решение этих наиболее значимых экономических и социальных проблем. Хочется отметить, что особую роль в деятельности партии играет работа с молодежью. Специально для этих целей совместно с общественной организацией «Национал-патриоты России» был создан клуб «Молодые и русские». Участники клуба помогают в организации этноконцертов для молодежи, направленных на искоренение этнокультурного невежества большинства молодых россиян; организуют круглые столы с последующим обсуждением весомых социальных и политических проблем; устраивают встречи со студентами, во время которых большое внимание уделяется проблемам самоопределения, мотивации и самодисциплины.

Ценно, что партия проводит усиленную работу с молодыми людьми, что лидеры партии осознают, что молодежь — будущее страны и без понимания ими своей принадлежности к определенной нации, без воспитания их в духе исконной культуры, при отсутствии нравственного воспитания и сильной общественной идеологии велика вероятность потери этого будущего.

Общественная организация «Национал-патриоты России» (НПР), основанная в 2002 г., — еще одна организация, которую следовало бы отнести к числу умеренных на территории России. Объединение характеризуется отсутствием в идеологии расизма и антисемитизма, а сама идеология обозначается как «национал-патриотизм». Организация является официальной, поэтому обладает собственными уставом и программой. Важно отметить, что ее деятельность основана на Конституции РФ и регулируется Федеральным конституционным законом «Об общественных объединениях», а также иными федеральными законами и уставом. Согласно уставу «Национал-патриоты России» — это добровольная самоуправляемая некоммерческая организация, созданная по инициативе граждан-патриотов России, которые объеди-

нились на основе общих интересов, а также целей, которые конкретно определены уставом. В числе главных целей НПР стремление ко всемерному участию в построении на территории РФ такого справедливого, независимого и свободного государства, которое бы было способно обеспечить достойный уровень жизни для каждого гражданина страны — как для русского, так и для представителя коренных народов России; участие в политической жизни государства; оказание всевозможной помощи русским и представителям коренных народов России, препятствование геноциду. Лидеры организации говорят о необходимости духовного, исторического и политического воспитания граждан и, конечно, о формировании общественного мнения, руководствуясь которым, можно было бы эффективнее участвовать в политической жизни государства, а также руководить ситуацией на местах. «Мы, основываясь на объективном плачевном положении русского народа, превращающегося в дегенеративную и скотоподобную общечеловеческую биомассу “без роду и племени”, основным направлением своей деятельности видим реализацию мер, направленных на возрождение русских как народа и его основной движущей силы — молодежи» — так характеризуют себя сами участники организации [6].

Действительно, «Национал-патриоты России» интересны тем, что в отличие от других рассмотренных организаций (нами изучена документация), в разработанном ими уставе организации указаны не только цели, но и методы их реализации. Для этого объединение осуществляет такие виды деятельности, как участие в создании научных, спортивных, творческих организаций и коммерческих структур, создании региональных и районных отделений, проведение независимых общественных социологических исследований, сотрудничество с общественными государственными структурами, оказание посильной юридической и иной помощи русским и представителям коренных народов Российской Федерации и пр.

Заслуживает отдельного внимания и отношение «Национал-патриотов» к религии. Несомненно, базовая религия для них, как и для большинства националистических организаций России, — это православие, однако важно, что организацией не отрицается и даже поддерживается существование в России и других религиозных течений. Однако указывается, что количество течений должно быть четко ограничено во избежание внесения ими культурного разлада в общество, а религиозные приходы должны быть построены с

учетом конкретного количества верующих в определенном регионе. Следует отметить, что в своей деятельности «Национал-патриоты России» опираются на поддержку молодежи, при этом стремятся развивать ее духовно и физически. Например, в начале 2012 г. была разработана, а затем реализована программа «Русский дом»: созданы культурно-досуговые центры, обеспечивающие жителям место для встреч, отдыха, дискуссий, возможность организовать национальные русские праздники и участвовать в них. На базе «Русского дома» постоянно проходят встречи, организованные совместно с Российским общенациональным союзом молодежного клуба «Молодые и русские». В частности, летом открывает двери молодежная гостиная, где заинтересованным молодым людям могут быть предложены всевозможные настольные игры, угощения, а также «пища для ума». Значатся в числе мероприятий «Национал-патриотов» участие в День народного единства в праздничном концерте, посвященном защите музея и наследия русского художника Константина Васильева (организаторами мероприятия стали участники клуба «Молодые и русские»); в протестных мероприятиях, направленных на сохранение культурных памятников и достопримечательностей, в частности Пушкинской площади; участие в реализации проекта «Школа патриотов», в рамках которой проводились бесплатные факультативные занятия в форме лекций по истории, политологии, геополитике, культуре для граждан. Помимо прочего, организация постоянно участвует в различных митингах, собирает средства для пострадавших от последствий стихийных бедствий, занимается сбором средств для детей-сирот и пр. [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность данной организации социально значима, эффективна, характеризуется широким спектром действий, направленных на вовлечение в организацию граждан России, в частности молодежи.

«Многочисленные исследования показывают, что большинство молодежи усваивает убеждения в детстве, до того, как имеет возможность критически осмыслить получаемую информацию», — утверждают составители учебного пособия «Социология молодежи» [1, с. 455]. Это же замечание стоит отнести не только к детям, но и к подросткам, т.е. к большей части представителей молодежи. Молодые люди значительно чаще, чем другие социальные группы, попадают под различного рода воздействия националистических организаций, по большей части негативные. Ученые выделяют

несколько взаимосвязанных уровней отрицательных националистических установок, формирующихся в молодежной среде. На первой стадии в сознании определяется четкая граница между своей нацией и другими нациями, отмечается нежелание взаимодействовать каким-либо образом с другими этническими группами, а также ограниченность представлений о культуре иных этносов. Вторая стадия — это этноцентризм, в результате которого нация желает обеспечить себе определенные привилегии за счет других. На последнем же уровне замечена прямая враждебность, выражающаяся, как правило, в вооруженных столкновениях и открытых межнациональных конфликтах. Данные уровни национального самосознания могут проявляться в поведении индивида только на начальной стадии, но могут с течением времени последовательно развиваться. Так какие же причины способствуют развитию нацифобизма в российской среде, побуждают современную молодежь проявлять интерес к националистическим объединениям и вступать в них?

Одной из главных причин, которую можно причислить к ряду исторических, является, по мнению некоторых исследователей, Чеченская война конца XX в., повлекшая массовые беспорядки, разрушения, а также впоследствии прокатившуюся по России волну террора. Агрессивная пропаганда в СМИ сформировала в подростковом сознании образ настоящих врагов русской нации — кавказцев, представляющих серьезную угрозу политической, культурной, социальной и экономической общественным сферам. Более того, неприязнь могли «подогреть» и расхождение в вероисповедании, непонимание, надуманное неприятие ислама. «Не вдаваясь в причины и поводы конфликта, положившего начало этой войне, часть молодежи и подростков поняла только одно — какая-то часть “кавказцев” убивает хороших русских парней, причем делает это безжалостно, жестоко и зло, не пренебрегая ничем, отказавшись от большинства моральных и этических запретов» [1, с. 455]. Зачастую еще неспособные самостоятельно делать выводы и анализировать ситуацию, молодые люди отдаются во власть фобий, по причине отсутствующей полноты знаний об иной культуре, связывая Кавказ, ислам и терроризм в единую «нить угрозы».

Усиление миграционных процессов является еще одной из причин роста националистических настроений в молодежной среде. Миграционный процесс подразумевает смену города, региона, страны; в России же главной проблемой остается

перемещение большого количества людей из Средней Азии, Кавказа, Закавказья. Негативные настроения молодежи вызваны в первую очередь неприятием невежественного поведения мигрантов, проявляющегося в плохом владении русской речью, отсутствии элементарных знаний о русской истории и культуре, а также зачастую демонстрируемом неуважении к коренному населению. Создаваемые чужеземцами группировки, сообщества иногда носят девиантный, негативный характер. Существует мнение, что процент преступлений, приходящийся на долю приезжих, очень высок, однако это не так. Согласно подсчетам ФМС в 2010 г. в России работали 7 млн. мигрантов, однако процент совершенных ими преступлений от общего количества составляет 3,5–3,8 %, имеет тенденцию к снижению. Интересно, что данные ФМС значительно расходятся с исследованием, проведенным Всемирным банком, результатом которого было известие, что по итогам 2010 г. в Россию эмигрировало более 12,3 млн. иностранцев. Статистические данные теоретически развенчивают миф о склонности к насилию народов Кавказа и Средней Азии, но, к сожалению, девиации мигрантов воспринимаются населением болезненнее, чем собственные, и малый процент преступности все же остается процентом, способным увеличиться рано или поздно, если не принимать соответствующих «профилактических» мер. Болезненно воспринимают молодые россияне то, что мигранты активно воздействуют на экономическую сферу. По данным ВБ на 2009–2010 гг., мигранты отправили на родину 18,6 млрд. долл., по притоку трудовых мигрантов Россия находится на втором месте, уступая первенство США [12]. Большинство молодых людей испытывает проблемы с трудоустройством, и, как следствие, им сложнее найти свое место в жизни. Оставаясь невостребованной на рынке труда, молодежь наблюдает за приезжими, получающими рабочие места, и осмысливает эту ситуацию как направленную против местного населения конкуренцию. И все же, принимая во внимание условия труда, на которые соглашаются гастарбайтеры (часто — это низкая заработная плата, ненормированный рабочий день), складывается впечатление, что вряд ли бы борющиеся за «место под солнцем» амбициозные молодые люди, желающие получить возможность карьерного роста, безропотно приняли подобные условия.

Неким следствием ранее перечисленных причин можно назвать развивающиеся конфликты между культурами, проявляющиеся в активном

действии исламских экстремистских организаций. В таких случаях речь идет не просто о надуманном неприятии чужих этносов, а о реальных теснотах и политических беспорядках, за которыми конкретные цифры пострадавших и погибших. Отсюда следует, что некоторой частью общества деятельность российских националистических организаций одобряется, особенно это касается районов, где коренному населению приходится чаще всего сталкиваться с приезжими. Однако, не имея достаточного опыта организации массовых акций, деятельность этих организаций очень часто оказывается неэффективной и не приводит к конкретному результату.

Среди общих причин, влияющих на развитие националистических организаций, можно выделить особенности жизни в России, а именно ухудшение условий жизни за последние несколько десятилетий. Молодежь наиболее остро чувствует неуверенность в завтрашнем дне, в своем будущем. Неизвестность пугает молодых людей, зачастую они не видят и не имеют возможностей для экономического и духовного роста. Очень часто недовольство подобного рода приводит к вспышкам экстремистской деятельности — молодые люди принимают оппозиционную сторону по отношению к существующему государственному строю и обществу в целом. Появляется потребность пополнить ряды оппозиционно настроенных организаций, «дающих ощущение риска, романтики, возможности активных действий и не делающих упора на моральные и умственные качества индивида» [1 с. 454–455]. Часть молодежи, имеющая устоявшиеся жизненные позиции, ценности, способная без посторонней помощи анализировать политические ситуации, вступает в организации или партии (чаще всего левого толка), отличающиеся строгой дисциплиной, соблюдающие свои принципы. Таким образом, недостаточная развитость государственной молодежной политики в России и, как следствие, недостаток уделяемого властями внимания к организации молодежного досуга и морально-нравственного воспитания — все это факторы развития движений правого толка. Большинство государственных или частных секций, клубов по интересам не бесплатные, что лишает возможности заниматься любимым делом, совершенствуясь при этом духовно и физически. Не имея возможности культурно занимать свой досуг из-за малообеспеченности многих семей, подростки отдают предпочтение экстремистской деятельности, для чего, как правило, не требуется материальных затрат, вы-

сокого уровня интеллектуального развития. Следует учитывать, что для привлечения молодежи в свои структуры националистические организации используют весьма обширный спектр действий. Например, Русское национальное единство (РНЕ) уделяет внимание физической подготовке своих сторонников, обеспечивая им бесплатные занятия в собственных спортивных клубах, однако наряду с этим воспитывают молодых людей в «лучших традициях» правого радикализма.

Для того чтобы снизить риск повышения угрозы радикального национализма, а также отвлечь молодежь от вступления в данные организации в городах России, необходим целенаправленный комплекс мероприятий. Так, управление по социальной и молодежной политике г. Нижневартовска представили интересную модель по профилактике экстремистской деятельности среди молодежи [10].

Во-первых, специалисты предлагают вести информационно-аналитическую деятельность, предполагающую постоянное отслеживание национального состава молодежи, ее социокультурного и экономического положения в обществе. Анализ полученной информации помогает четко определить проблемы, существующие в том или ином городе, а также разработать специализированную стратегию по работе с молодежью.

Во-вторых, необходимо постоянное взаимодействие с общественными объединениями города (в первую очередь с молодежными и национальными). Диалог между органами власти и молодежью может состояться на различных организованных семинарских занятиях, конференциях, а также тематических занятиях по культуре межнациональных отношений, методам профилактики экстремистской деятельности.

Стабилизации ситуации в обществе, по мнению исследователей, способствует сохранение культурных традиций, языка народов, которые представляют различные национальные сообщества города, страны в целом. Поддержка существующих культур возможна с помощью специальных акций, национальных фестивалей. Кроме того, организация специализированных курсов для мигрантов помогает как детям, так и их родителям лучше приспособиться к малознакомой культуре, комфортнее чувствовать себя в обществе. С этим связан следующий пункт, который выделяют нижневартовские специалисты.

Для повышения социальной, культурной адаптации мигрантов, имеющих российское гражданство, необходимо постоянное сотрудничество с консультационными центрами, обеспечивающими

мигрантам знакомство с культурными традициями города и страны. Кроме того, подобные центры обеспечивают приезжим правовые консультации, встречи с представителями власти для цивилизованного обсуждения вопросов обустройства.

Следующий и последний пункт данной стратегии — «усиление воспитательного воздействия семьи, школы, учебных заведений профессионального образования на молодежь». В рамках этого направления проводятся тренинги по снижению межнациональной напряженности в обществе, образовательные диспуты и беседы. Ведут активную работу клубы по интересам, развивается спорт и спортивный туризм. Создание в связи с этим специальных секций необходимо, поскольку важно направить энергию молодежи из разрушительной в созидательную, тем самым снизить экстремистский потенциал молодежного сообщества.

Каждый из перечисленных пунктов предложенной программы очень важен. При грамотной реализации программа должна стать тем недостающим звеном, которое так востребовано в цепи отношений между коренными жителями страны и этнокультурных меньшинств. Программа требуется для обеспечения взаимопонимания и культурного диалога между народами. Создаваемые же секции и клубы послужат объединению граждан, а также трансформации негативных эмоций в положительные.

Таким образом, выявив причины поддержки молодежью националистических установок, рассмотрев неоднородность националистических организаций и различные способы вовлечения молодежи в их деятельность, мы можем сказать, что реальна возможность профилактических мер, направленных на организацию работы с молодежью в конструктивном русле. Данная практика позволит молодежи более успешно пройти адаптацию и интериоризацию в социальной среде.

Список литературы

1. Волков Ю.Г., Добренков В.И., Кадария Ф.Д. и др. Социология молодежи: учеб. пособие. Ростов н/Д: Феникс, 2001. 576 с.
2. Всероссийское общественное патриотическое движение «Русское национальное единство». URL: <http://soratnic.com> (дата обращения: 14.10.2013).
3. Кубякин Е.О. К вопросу определения сущности экстремистских установок молодежи // Власть. 2010. № 9. С. 56–59.
4. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология: учеб. пособие. М.: Изд-во КДУ, 2005. 320 с.

5. *Национально-патриотический фронт «Память»*. URL: <http://rfopamyat.com/rfopamyat/> (дата обращения: 30.09.2013).
6. *Общественная организация «Национал-патриоты России»*. URL: <http://www.slavrus.net/cs/5/> (дата обращения: 18.10.2013).
7. *Русский Марш 4 ноября 2013 года*. URL: http://traditio-ru.org/wiki/Русский_Марш_4_ноября_2013_года (дата обращения: 28.12.2013).
8. *Партия «Российский общенародный союз»*. URL: <http://www.vsezaros.ru/about/programma-partii.html> (дата обращения: 15.10.2013).
9. *Первый Русский марш — как это было*. URL: <http://ru-nsn.livejournal.com/3731641.html> (дата обращения: 21.09.2013).
10. *Профилактика проявления ксенофобии, экстремизма и национализма в молодежной среде: материалы науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 29 апреля 2011 г.)*. URL: http://www.nggu.ru/ru/materialyikonf/1016/Profilaktika%20proyavleniya%20ksenofobii_1227%20-%20Mat%20konf%20-%202011.pdf (дата обращения: 18.09.2013).
11. *Становая Т.* Правый радикализм в России. URL: <http://politcom.ru/3296.html> (дата обращения: 16.09.2013).
12. *ФМС: На долю мигрантов приходится лишь три процента от всех преступлений в России*. URL: <http://gazeta/spb.ru/424774-0/> (дата обращения: 20.09.2013).
13. *Фромм Э.* Душа человека. Ее способность к добру и злу. М.: АСТ-ЛТД, 1996. 664 с.
5. *Natsional'no-patrioticheskij fond «Pamyat'»* [National Patriotic Fund «Memory»]. The official website. Available at: <http://rfopamyat.com/rfopamyat/> (accessed: 30.09.13). (In Russian).
6. *Obschestvennaya organizatsiya «Natsional-patrioty Rossii»* [National patriots of Russia non-governmental organisation]. The official website. Available at: <http://www.slavrus.net/cs/5/> (accessed 18.10.2013). (In Russian).
7. *Russkij marsh 4 noyabrya 2013 goda* [Russian movement on November 4, 2013]. Available at: http://traditio-ru.org/wiki/Русский_Марш_4_ноября_2013_года (In Russian).
8. *Partiya «Rossijskij obschenarodnyj soyuz»* [Russian nationwide union party]. The official website. Available at: <http://www.vsezaros.ru/about/programma-partii.html> (accessed: 15.10.2013). (In Russian).
9. *Pervyj russkij marsh — kak eto bylo* [The first Russian movement — as was the case]. Available at: <http://ru-nsn.livejournal.com/3731641.html> (accessed: 21.09.2013). (In Russian).
10. *Profilaktika proyavleniya ksenofobii, ekstremizma i natsionalizma v molodyozhnoj srede: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Prophylaxis of xenophobia, extremism and nationalism display in youth field: proceedings of scientific and training conference]. Nizhnevartovsk, April 29, 2011. Available at: http://www.nggu.ru/ru/materialyikonf/1016/Profilaktika%20proyavleniya%20ksenofobii_1227%20-%20Mat%20konf%20-%202011.pdf (In Russian).
11. *Stanovaya T. Pravyj radikalizm v Rossii* [Right radicalism in Russia]. Available at: <http://politcom.ru/3296.html> (accessed: 16.09.2013). (In Russian).
12. *OON: Rossiya zanimaet vtoroe mesto po chislu inostrannykh migrantov* [The UN: Russia occupies the second place in the number of migrants]. Available at: <http://ria.ru/society/20130912/962574036.html> (accessed: 31.08.2014). (In Russian).
13. *Fromm E. Dusha cheloveka. Eyo sposobnost' k dobru i zlu* [The heart of man, its genius for good and evil]. Moscow, AST-LTD Publ., 1996, 664 p. (In Russian).

Получено: 31.08.2014.

References

1. Volkov Yu.G., Dobren'kov V.I., Kadariya F.D. et al. *Sotsiologiya molodezhi: Uchebnoe posobie* [Sociology of youth: Study guide]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2001, 576 p. (In Russian).
2. *Vserossiyskoie obschestvennoe patrioticheskoe dvizhenie «Russkoe natsional'noe edinstvo»* [All-Russian Public Patriotic movement Russian national unity]. The official website. Available at: <http://soratnic.com> (accessed: 14.10.2013). (In Russian).
3. Kubyakin E.O. [The problem of definition of the essence of extreme guideline of the youth]. *Vlast'* [Authority]. 2010, no 9, pp. 56–59. (In Russian).
4. Malakhov V.S. *Natsionalizm kak politicheskaya ideologiya: Uchebnoe posobie* [Nationalism as a political ideology]. Moscow, KDU Publ., 2005, 320 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 31.08.2014.

THE YOUTH NATIONALISM IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Pavel V. Pinaev, Yulia Yu. Yatskevich

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

In the article the socio-psychological, socio-economic, cultural and historical factors in the development of the youth nationalist sentiment in the modern Russian society are explored on the basis of 2010–2013 materials. The authors analyzed the level of the young people's involvement into nationalist organizations and their structure. Also consistency in the realization of their strategies is researched. A classification of nationalist organizations into ultra-nationalistic and moderate is given. The characteristics of each type organizations and their examples are provided. Possible preventive ways and means to curb the youth involvement into different nationalistic organizations are scrutinized as well.

Key words: youth; nationalism; ethnicity; ethnocentrism; radicalism; extreme nationalism; party; business; immigration.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Пинаев П.В., Яцкевич Ю.Ю. Национализм в молодежной среде современного российского общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 3(19). С. 137–147.

Please cite this article in English as:

Pinaev P.V., Yatskevich Yu.Yu. The youth nationalism in the contemporary Russian society // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No. 3(19). P. 137–147.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в международную базу данных Ulrich's Periodicals Directory, в базу данных «Университетская библиотека on-line», интегрированную с международной базой EBSCO Discovery Service, а также в электронную систему Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81] или [1, с. 81–82]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи. При оформлении источника списка литературы обязательно указывается: для *книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для *журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для *материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК.**
- **аннотацией** 500–600 знаков с пробелами.
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках.
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты.
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на **электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

Автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями.

В случае предоставления скан-копии справки об обучении в аспирантуре, заверенной руководителем учреждения, **плата с аспирантов (единственный автор) за публикацию рукописей не взимается.**

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2014 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(17) — до 01 февраля	31 марта
в № 2(18) — до 01 мая	30 июня
в № 3(19) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(20) — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyi-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. *The Perm University Bulletin* is included in the **Ulrich's Periodicals Directory**, the **University Library On-line** database integrated in the **EBSCO Discovery Service**, and the **Russian Science Citation Index**.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81] or [1, p. 81–82]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 500–600 characters with spaces;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editors may edit the text of the contribution and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent to the e-mail address of the *Bulletin*: fsf-vestnik@yandex.ru.

The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

The author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her contribution the author confirms that the paper has not been previously published nor is it before another journal for consideration and will not be sent to other journals for publication. Sending the manuscript the author confirms that he or she has been informed of the requirements for publication and agrees to act in accordance with them.

There is no fee for the publication of manuscript for doctorate students.

Submission deadlines in 2014

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(17) February 1	March 31
No 2(18) May 1	June 30
No 3(19) August 1	September 30
No 4(20) October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of *The Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru

Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2014
Выпуск 3 (19)

Редакторы *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.09.2014. Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 17,44.
Тираж 500 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
ООО «Аксиома»
614068, г. Пермь, ул. Сергея Данщина, 4, офис 12